НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

Д.М. ВОЛОДИХИН

ГЛАВНЫЕ ЛЮДИ ОПРИЧНИНЫ

Дипломаты. Воеводы. Каратели
Вторая половина XVI в.

Выпуск 46

ЦЕНТРПОЛИГРАФ®

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Опричнина просуществовала в России с 1565 по 1572 г. В состав ее «верхушки» попали очень разные люди: Алексей Басманов, Федор Трубецкой, Василий Темкин-Ростовский, Афанасий Вяземский, Михаил Безнин, Григорий Скуратов-Бельский по прозвищу Малюта и тысячи других – как аристократов, так и дворян малозаметных. У них были противоположные интересы. Одни готовы были разрушить традиционный порядок. Другие собирались только подновить старый уклад. Третьи стояли за этот уклад и чувствовали себя случайными людьми в «черном царевом воинстве». Волей-неволей всем опричным лидерам приходилось принимать на себя часть груза великих государственных дел. Кое-кто готов был служить у вершин власти, имел желание и способности к большой государственной работе. Другие же искали возвышения, но не понимали всей ответственности будущего своего положения. А некоторые готовы были купить возвышение работой карателя, зная только один инструмент государственной политики – казни.

О загадках опричнины и людях, бывших в этот период в окружении Ивана Грозного, рассказывает книга доктора исторических наук, профессора Д.М. Володихина. Опричнина показана глазами самих опричников, и в этом состоит новизна книги.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

- Дмитрий Михайлович Володихин
  -
  - Взгляд изнутри
  - Государь. Опричнина глазами царя Ивана Васильевича
  - Аристократы
    - 1. Отец-основатель. Опричнина глазами боярина Алексея Даниловича Басманова
    - 2. Случайный человек. Опричнина глазами князя Федора Михайловича Трубецкого
    - 3. Сыщик. Опричнина глазами князя Василия Ивановича Темкина-Ростовского
    - 4. «Второй сорт». Опричнина глазами князя Афанасия Ивановича Вяземского
  - Худородные
    - 1. Неуемный честолюбец. Опричнина глазами Михаила Андреевича Безнина
    - 2. «Первый в курятнике». Опричнина глазами

Григория Лукьяновича Скуратова-Бельского по прозвищу Малюта
- Пара капель «свежей крови». Русская военно-политическая элита во время опричнины и после нее
- Приложения
  - Приложение I
  - Приложение II

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36

- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80

- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124

- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168

- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212

- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256

- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300

- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344

- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348

Дмитрий Михайлович Володихин Главные люди опричнины. Дипломаты. Воеводы. Каратели. Вторая половина XVI в

© Володихин Д.М., 2024
© «Центрполиграф», 2024
© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2024

Взгляд изнутри

Об опричнине писали миллион раз.

За последние годы ни одного крупного источника по истории опричнины в научный оборот введено не было.

Что должен сделать историк, который хочет нечто новое написать об опричнине, но не имеет шансов поработать с новыми источниками?

Конечно, лучший путь – всмотреться в источники давно известные, вновь подвергнуть их детальному анализу и вытянуть то, до чего еще никто не докопался. Новую концепцию устройства опричнины. Или, например, новый взгляд на ее роль в русской истории. Или просто – ряд важных частностей, прошедших мимо исследовательских усилий предшественников.

Превосходно! Красивая, честная, традиционная работа.

Каноны академического исследования требуют, чтобы начиналась такая книга длинным перечислением идей и мнений, высказанных другими историками по данному конкретному поводу. Вот как думал Николай Михайлович Карамзин. А вот так – Василий Осипович Ключевский. Эта остроумная оценка принадлежит Сергею Федоровичу Платонову. А по этому вопросу сильнейшим специалистом справедливо считают Степана Борисовича Веселовского. Или Руслана Григорьевича Скрынникова. Или Бориса Николаевича Флорю. Или… А в финале добавляется: «Но есть еще одно прочтение, которое и предлагает автор этой монографии».

Иногда, действительно, рождается новая, взвешенная, оригинальная трактовка. Однако подлинную ее обоснованность могут оценить со знанием дела лишь немногочисленные специалисты, глубоко погруженные в материал. И очень редко удается полноценно, во всех тонкостях оценить ее слабые и сильные стороны массовому читателю, интересующемуся русской историей. Поэтому, к сожалению, хорошая книга, написанная первоклассным знатоком, тонет в море макулатуры, созданной повелителями компьютерных команд copy и paste. Всемирная сетевая помойка дает им океан материала…

Есть другой путь. Можно попробовать стезю исторического публициста или, скажем, историософа. Дать некое новое осмысление опричнины, отразить ее в художественных образах потрясающей силы… Да вот беда: с середины XIX века вся историософия вокруг опричнины укладывается в простенький набор – либо за почвенников и славянофилов, либо за либералов и западников. А художественные образы на протяжении полутора

столетий схлопываются в незамысловатые словосочетания: либо «мудрый и дальновидный государь…», либо «кровавый и деспотичный маньяк…». Один-единственный раз нашелся человек, написавший великую, беспощадно проницательную книгу, вываливающуюся из этой примитивной двухполюсности, парящую над судьбами всей Европы. Это был профессор Московского университета Роберт Юрьевич Виппер. Но его «Иван Грозный», вышедший в 1922 году, был страшно изуродован редактором при переиздании 1942 года. С тех пор блистательный труд Виппера знали большей частью по жалкой поздней копии…

Третий путь был открыт совсем недавно. Если есть желание сделать из истории шоу, никто не помешает воскликнуть: «Да была ли вообще эта опричнина? И если была, то почему всего одна, а не две или три? Вот царей Иванов Грозных точно было не менее четырех!» И так далее – обращаться за консультациями к Анатолию Тимофеевичу Фоменко, великому гуру отечественных шарлатанов.

Резюме: невероятно трудно по-настоящему хорошо написать о предмете, попадавшем на перо миллион раз… А повторять уже сказанное – низость, халтура, загробная пощечина Гутенбергу.

Автор этих строк не пытался изобрести какой-то миллион первый взгляд *на опричнину*, иначе говоря, миллион первый взгляд *снаружи*.

Он поставил перед собой другую задачу: показать, как смотрели на весь опричный уклад сами опричники изнутри.

Опричнина простояла семь с половиной лет. В ее состав попали очень разные люди. Опричнину питало несколько устойчивых общественных групп. Их представители имели расходящиеся, порою противоположные интересы. Одни готовы были весьма далеко зайти, разрушая традиционный, доопричный порядок. Другие собирались откорректировать старый уклад, но никак не разваливать его. Третьи были этим укладом совершенно довольны и чувствовали себя случайными людьми в «черном воинстве».

Волей-неволей всем опричным лидерам приходилось принимать на хребет часть груза великих государственных дел. Кое-кто готов был служить у вершин власти, имел желание и способности к большой государственной работе. Другие же искали возвышения, но не понимали, какой воз им придется везти.

Некоторые делали карьеру, пуская кровь единоплеменникам и единоверцам. Ну а кто-то всю опричнину прошел, не замаравшись в карательных операциях, но оставаясь честным служильцем государю и отечеству.

Часть видных опричных деятелей понимали свою пользу от сего учреждения, но, по большому счету, неплохо прожили бы и без него. У другой части вся жизнь, карьера и достаток зависели от ее сохранения…

Сумма интересов, целей и достижений главнейших деятелей опричнины дает невероятно пеструю картину. *В опричнине видели разное, от опричнины хотели разного, опричнину по-разному защищали, от опричнины по-разному зависели. Соответственно, не была она монолитом. Нет в ней ни единства замысла, ни единства идеалов, ни единства практической деятельности.*

Для того чтобы понять, до какой степени эта пестрота не соответствует представлениям о какой-то цельности опричной системы, – не важно, положительно ли воспринимается эта цельность, отрицательно ли, – следует вглядеться в судьбы вождей опричнины. Каждый из них – по-своему незаурядная личность. До наших дней дошло очень мало свидетельств об их словах, мыслях, идеях. Зато источники позволяют реконструировать их карьеру, их действия. А политика и военного человека действия характеризуют гораздо лучше, чем слова…

На истершихся каменных плитах прошлого, если всмотреться, проступает рисунок служебных назначений, удач и поражений на поле боя, материального достатка и семейно-родовых отношений. А рядом выцветшие капли киновари складываются в узор, передающий застывшее навеки эхо казней.

Чего они хотели? Что получили? Чем были вознаграждены и наказаны?

Тут каждая судьба – притча. Следя за ее развитием, обнаруживаешь смыслы, принадлежащие грешной земле. Но вот она приходит к финалу. Тогда всё мимолетное и земное никнет, давая место высокой правде, посланной Отцом Небесным. А уж какая кому из людей XVI века досталась последняя правда, зависело от его собственной души и воли. На могильные камни некоторых из них впору возлагать цветы да молиться об их душах, прося у Бога самого лучшего к ним отношения. У других же до сих пор страшным смрадом несет из-под надгробия.

Они ведь как мы…

Государь. Опричнина глазами царя Ивана Васильевича

Светлые церкви Господни блещут золотыми крестами. Редкие тучки плывут по высокому чистому небу. С литургии выходит воинство, облаченное в одеяния цвета воронова крыла. Разбредается оно по застенкам, по пыточным палатам, и звучат оттуда крики, и кровь растекается от порогов. Великий государь под охраною лучших бойцов созывает всё братство на пир. Там он вершит суд и расправу. То казнит тысячу за изменное дело, то помилует десять тысяч, являя царскую милость. То нахмурится, бровью поведет сурово, то недобро рассмеется, то изречет слово великое и тяжкое, то отпустит шутку, от которой уста смеются, а сердца леденеют. Или вдруг задумается глубоко, и воцарится в чертоге трапезном тишина: кто посмеет прерывать думу государеву? Руки с чашами застынут в воздухе, никто вина не глотнет, не шелохнется. Встанет великий государь да молвит негромко: «Было мне видение… Завтра поутру идем на Новгород. Гой-да, братия!» Тут вся палата откликнется, как один человек: «Гойда! Гойда!»

Плывет-тянется над Александровской слободою малиновый звон…

Примерно так представляет себе опричнину большинство образованных русских нашего времени. Нечто величественное и ужасное. Нечто выросшее из истинно русской почвы, где в равных пропорциях смешались деспотизм, святость и скоморошество. Нечто пугающее и, одновременно, завораживающее взор, сквозь века притягивающее умы и сердца людей.

Так вот, всё это чушь от первого до последнего слова. Образ яркий, но совершенно бессмысленный.

Крики, звон, брови, видения, пиры, кровища, да еще и святость какая-то… жуткая чушь.

Прозаическое слово «служба» гораздо точнее отражает суть опричнины, чем целая гора романтического антуража, годного лишь для авантюрных романов. Любой русский дворянин XVI века – от провинциального «сына боярского»[1]до великородного князя-Рюриковича – обязан был служить с отрочества до гробовой доски. Освобождение от службы «выписывалось» лишь по очень уважительным причинам: служилец дряхл, увечен, тяжело болен или оказался в неприятельском плену. И опричнина для многих тысяч наших дворян, вне зависимости от их знатности и богатства, выглядела прежде всего как новая система служебных

отношений. А уж потом всё остальное, в том числе и звон с кровищей…

Чем не была опричнина и чем она была

Десятки первоклассных исследователей и блистательных историософов предлагали образованной публике свои ответы на вопрос о том, что такое опричнина.

В книге «Иван Грозный: Бич Божий» я дал краткий обзор главнейших мнений на этот счет[2]. Нет смысла возвращаться к реестру подобного рода концепций. Но, пожалуй, следует перечислить те из них, которые отвергаются целиком и полностью за полной бездоказательностью или же, напротив, из-за того, что их необоснованность превосходно доказывается.

Так вот, опричнина не была…

…капризом полубезумного маньяка;

…организацией, осуществлявшей в основном охрану царя и его семьи, чем-то вроде лейб-гвардии;

…высшей формой служения Богу и государю для русских православных людей;

…инструментом борьбы с ересями;

…аналогом НКВД в XVI веке;

…проявлением «вечного» и «естественного» для русского народа сочетания холопства с тиранией;

…зародышем истинно самодержавных начал;

…исторической случайностью.

Если кто-то из уважаемых читателей придерживается одного из перечисленных мною мнений, остается настоятельно посоветовать ему одно: закрыть книгу и не мучить себя процессом чтения.

Автор этих строк видит в опричнине военно-административную реформу, притом реформу не слишком обоснованную и в итоге неудавшуюся[3]. Она была вызвана общей сложностью военного управления в Московском государстве и, в частности, «спазмом» неудач на Ливонском театре военных действий. Опричнина представляла собой набор чрезвычайных мер, предназначенных для того, чтобы упростить систему управления[4], сделать ее более мобильной, полностью и безоговорочно подконтрольной государю, а также обеспечить успешное продолжение войны. В частности, важной целью было создание крепкого «офицерского корпуса», независимого от самовластной и амбициозной верхушки служилой аристократии. Борьба с «изменами», как иллюзорными, так и реальными, была

изначально второстепенным ее направлением. Только с началом карательных действий по «делу» И.П. Федорова она разрослась, приобретя гипертрофированные масштабы. Произошло это лишь через три года после учреждения опричной системы! Отменили же опричнину, поскольку боеспособность вооруженных сил России она не повысила, как задумывалось, а, напротив, понизила и привела к катастрофическим последствиям, в частности сожжению Москвы в 1571 году.

Теперь стоит обратиться к судьбе государя Ивана Васильевича. Ведь это его волей производилась реформа. Возможно, замысел ее изначально принадлежал не только ему, но и другим «отцам-основателям» опричнины. Например, боярину Басманову. Или, скажем, Василию Михайловичу Захарьину-Юрьеву. Или кому-то из рода князей Черкасских.

Но.

Если бы идея опричнины не была воспринята монархом как «своя», «родная», если бы он не предпринял активных действий по ее осуществлению, если бы он не проводил ее в жизнь мощными волевыми усилиями, ломая всякое сопротивление, то ей бы никогда не обрести плоть. Иван IV – первый и главный опричник. Его планы, его интересы при строительстве этой системы были приоритетными. Кроме того, власть государя являлась тогда основным источником законодательного творчества и политической практики. Державный правитель, возглавив опричнину, придал ей полную легитимность, хотя многие современники должны были видеть в ней какое-то небывалое, революционное действие.

Зачем ему – не государству Российскому, не русской цивилизации, не военно-служилому классу нашей страны, а лично государю Ивану Васильевичу – понадобилась эта реформа? Чего он хотел от нее?

Причины, толкнувшие царя на создание опричнины, делятся на три группы. Каждая из них может быть представлена как нить, нерасторжимо соединенная с двумя другими в подобие морского узла.

Первая из них связана с историей русской политической элиты: как она складывалась во второй половине XV – начале XVI века, сколь сложно была организована и в какие отношения вступала с московскими государями. В сущности, речь идет о том, как русские монархи и русская служилая знать делили между собою власть над страной. Аристократы не могли обходиться без законного государя, а их повелитель не умел обходиться без опоры на аристократию. Но поле для компромисса между этими двумя сторонами было одновременно и полем жесточайшей

«позиционной» войны, которая велась за инструменты управления.

Вторая сложилась непосредственно перед введением опричнины – из результатов «первого раунда» Ливонской войны, из глухой борьбы Ивана Васильевича с мощными группировками княжат. Условия для большого политического кризиса складывались на протяжении десятилетий. Но лишь когда началось «обострение», когда настоящий болевой спазм пронзил верхний ярус русского общества, грянула опричная гроза, а вместе с нею – глобальная перестройка управленческих структур в Московском государстве.

Ну а **третья** кроется в психологических особенностях личности первого русского царя. На них слишком многое сваливали историки как XIX, так и XX столетий. То писали о каком-то абсолютном демонизме и бесконечном бессмысленном злодействе, то о необыкновенной мудрости и справедливости монарха… Иван Васильевич на протяжении своего весьма длинного правления неоднократно оказывался в ситуации, когда его действия – дурные ли, добрые ли – жестко определялись обстоятельствами. Так что не стоит всякий политический поворот выводить из характера этого человека. Однако он обладал колоссальной властью, и, конечно, его личность накладывала отпечаток на то, как эта власть осуществлялась.

Государственная территория России выросла из небольшого Московского княжества, будто хлебный колос из зернышка. С конца XIII века, когда на московском престоле оказался князь Даниил Александрович, здесь утвердилась самостоятельная династия. Она никогда не выпускала Москву из своих рук и никогда не покидала город ради иной, более богатой столицы. Потомки основателя династии, Даниловичи, постепенно «округляли» владения. Ко второй половине XIV столетия их княжество из незначительного удела превратилось в самое мощное государственное образование всей Северо-Восточной Руси. А во второй половине XV века оно росло взрывообразно. К концу правления Ивана III Великого (1462–1505) великому князю Московскому подчинялась территория в несколько раз больше, чем та, что была у него под контролем при восшествии на престол. Москва присоединила к родовым владениям Даниловичей земли, «тянувшие», как тогда говорили, к Ростову, Ярославлю, Бело-озеру, Твери, Переславлю-Залесскому и т. п. На протяжении двух победоносных войн с Великим княжеством Литовским Иван III отобрал у западного соседа колоссальную часть Литовской Руси.

Все эти земли до присоединения к Москве подчинялись собственным княжеским династиям, чаще всего восходившим к Рюрику или Гедимину. Местные князья по «чести» и «отечеству» мало уступали московским Даниловичам, а порой и превосходили их знатностью. Но объединителями страны им не суждено было стать. У них оставался небогатый выбор: либо бежать из древних владений своего семейства, либо покориться Москве добровольно, либо же быть покоренными силой оружия. Те, кто избирал второй и третий варианты, попадали в итоге на московскую службу. Разумеется, условия службы им доставались разные, во всяком случае на протяжении первых поколений… Кто-то сохранял многие признаки прежней самостоятельности, мог иметь собственную армию, собственные административные учреждения, владел правом суда, взимания пошлин и т. п. Кто-то просто получал от московского государя собственную землю на условиях верной службы (а что получено подобным образом, то может быть впоследствии и отобрано, если государь сочтет это правильным). А кому-то доставались вотчины, никак не связанные со старыми родовыми гнездами, да и расположенные в совсем других местах…

Кроме того, в Москву, столицу богатого государства, к могущественному монарху приезжали из Литвы православные князья, желавшие на выгодных условиях стать служильцами у единоверного правителя. И некоторые из них действительно получали города и области под управление, а то и на правах вотчинного владения.

В дальнейшем понемногу меркла всякая локальная автономия, стирались всякие остатки старинной удельной «вольности». По всей стране, от края до края, на место исчезающей пестроты приходили политическая монолитность и административное единообразие. Княжата – потомки прежних полунезависимых властителей – утрачивали малейшее отличие от старомосковской знати, помимо высокородных корней да обширных земельных владений. Они более не могли претендовать даже на тень суверенных прав. Но о правах и положении предков княжата помнили очень хорошо, поэтому чувствовали ущербность своего положения… Процесс их слияния с огромной массой военно-служилого класса России шел медленно и занял многие десятилетия. Всё это время ностальгия не переставала беспокоить их умы.

Как же так? Прадед был сам себе господин. Чеканил монету, ходил войной на соседей, принимал послов от других соседей, судил и рядил, выдавал жалованные грамоты и никого не слушал. А нынче как обернулось? На любой чих – спрос из Москвы. Ни

вздохнуть, ни повернуться. Тяжело, тяжело! Вот бы вернуть прежние времена.

Что они получали взамен? Шанс высоко подняться на московской службе. Ведь именно из княжат рекрутировались высшие управленцы[5]: наместники по городам, бояре и окольничие[6], воеводы в крепостях и действующей армии. Из поколения в поколение они с младых ногтей изучали только одну науку – как управлять людьми. На войне. При строительстве. При сборе податей. Решая дипломатические задачи. Усмиряя бунты. Осуществляя суд. Где угодно, когда угодно, в каких угодно условиях. И они превосходно умели управлять. А высокое положение в Москве порою давало больше выгод, чем было у их дедов и прадедов, суверенно «государивших» в каком-нибудь крупном селе…

Московские правители опирались на княжат, доверяя им всё больше и больше административной работы. Служилая аристократия была единым живым инструментом управления страной. И очень значительную часть этого инструмента составляли именно княжата.

Российский монарх оказывался в двойственном положении. С одной стороны, ему достались великолепные «управленческие кадры». С другой стороны, эти самые кадры смотрели на него без особого трепета. Повезло, дескать, московскому Ваньке всю Русь охомутать, ну да от того его род честнее наших не стал. Еще посмотрим, как Бог повернет, может, и не вечны Даниловичи… С третьей – без них просто невозможно было обойтись. Княжата оказались столь прочно встроены в систему управления страной, что заменить их было некем. Их честолюбивые устремления превращали власть над Россией в зону компромисса: государь желал контролировать как можно больше, а княжата стремились как можно больше взять под себя. Обе стороны нуждались друг в друге. Но совершенно так же обе стороны готовы были жестоко «толкаться» друг с другом в этом пространстве компромисса.

В 1538 году во главе громадной державы оказался восьмилетний мальчик Иван IV. Круглый сирота. На протяжении многих лет от его имени правили могущественные придворные группировки. А ядром каждой из них становились наиболее влиятельные рода княжат. Ко второй половине 1550-х годов венценосный мальчик оперился, заматерел, научился отыскивать союзников. Одним словом, молодой человек превратился в зрелого мужчину. На протяжении очень долгого периода княжата пребывали в состоянии полновластия. Оно ограничивалось лишь необходимостью согласовывать «сферы влияния» разных аристократических «партий». Теперь царь Иван принялся

понемногу теснить их в «зоне компромисса», отвоевывая для себя отцовские и дедовские границы власти.

Что ж, ему предстояло крепко потолкаться…

Но первая группа причин, подвигнувших царя на учреждение опричнины, еще никоим образом не объясняет радикализм опричной системы, ее экстравагантность и жесткость. В конце концов, великий князь Василий III совершенно так же должен был «толкаться» со своей аристократией, и конфликты бывали весьма серьезными. Например, видные представители служилой знати протестовали против его развода с Соломонией Сабуровой и второго брака. Но к столь масштабному явлению, как опричнина, эти столкновения никогда не приводили.

Что изменилось?

Во-первых, когда Иван IV из-за малых лет не мог быть полноценным правителем, сами княжата почувствовали вкус к управлению страной. Психологически их досада понятна: трудно «отпускать» высшую власть из рук, когда еще вчера ты владел ею в полной мере.

Во-вторых, служилая аристократия (те же княжата в первую очередь) незадолго до опричнины показала свою слабость; тогда же государь уверился в собственной силе. Это создало соблазн обойтись в самых важных делах правления без высших аристократических родов.

Речь идет о трех крупнейших событиях в военно-политической истории России того времени. Одно из них произошло в 1563 году, а два других – в 1564-м.

Все они связаны с Ливонской войной – главным воинским предприятием всего царствования.

В начале 1563 года огромная армия во главе с государем Иваном Васильевичем вошла в пределы Великого княжества Литовского и осадила Полоцк. Русская военная машина обеспечила столь значительное превосходство в силах, особенно в артиллерии, что судьба города была решена с самого начала. Попытки небольшого литовского корпуса помешать нашим войскам извне не имели ни малейшего успеха. Польско-литовский гарнизон также не мог сопротивляться слишком долго. Тяжелые осадные пушки, доставленные из Москвы, быстро сокрушали стены крепости. Их страшные удары наполняли осажденных отчаянием и лишали их решимости драться. Даже в русском лагере действие собственных орудий вызывало опасливое изумление: «Из наряду (пушек. – *Д. В.*) во многих вокруг города стены пробили и ворота выбили… и людей из наряду побили… от многого пушечного и пищального стреляния

земля вздрагивала в царевых и великого князя полках, ведь у больших пушек ядра были по двадцать пудов, а у некоторых пушек немногим того полегче. Городная же стена ядер не удерживала, и они били в другую стену»[7]. Полоцк сдался 15 февраля 1563 года. Эта победа наполнила Ивана IV сознанием собственного триумфа. Если одиннадцать лет назад, при «Казанском взятии», он был молодым человеком, действиями которого руководили опытные воеводы, порой смевшие подвергать его риску ради пользы дела, то сейчас государь сам контролировал все нити операции. Полоцк – величайшая победа Ивана Грозного на поле брани. Царю было чем гордиться: на его милость сдался богатый многолюдный город, центр древнего княжения, к тому же хорошо укрепленный и в первые дни даже не помышлявший о сдаче.

Итак, «Полоцкое взятие» показало Ивану Васильевичу, что он способен возглавлять большие армии и добиваться значительных успехов *самостоятельно*. В будущем ему предстояло еще не раз возглавлять русское наступление на западных рубежах. И порой царь добивался заметных успехов, хотя полоцкий триумф ему не суждено было повторить.

А тогда, в 1563-м, взятие Полоцка могла стать первым шагом для решительного наступления на Вильно – литовскую столицу. Но этого не произошло. Противник воспрянул духом. И следующий год принес на этом театре военных действий две большие неудачи.

Зимой, в самом начале 1564-го, наша армия, наступавшая в направлении на Оршу, потерпела страшное поражение. Русские полки понесли большие потери, часть командного состава оказалась в плену. Погиб главнокомандующий, знаменитый полководец того времени князь Петр Иванович Шуйский.

Этот провал поставил крест на крупных наступательных операциях против Литвы.

А три месяца спустя из Юрьева-Ливонского бежал воевода князь Андрей Михайлович Курбский. Служилая знать и раньше время от времени перебегала через литовский рубеж, уходя в стан неприятеля. Но по-настоящему крупные люди редко совершали успешные побеги. Так вот, Курбский был как раз крупным человеком. Послужной список князя свидетельствует о том, что он никогда не был «фаворитом» в обойме высших военачальников России; но все же на Ливонской войне ему доверяли командовать полками и даже, в единичных случаях, самостоятельными полевыми соединениями. Иными словами, Андрей Михайлович был в курсе положения дел на фронте, превосходно знал состояние русской армии, ее ресурсы, а также оперативные планы

командования. Став перебежчиком, Курбский послал Ивану Васильевичу оскорбительное послание. Впоследствии он примет участие в боевых действиях против Московского государства.

Как после этого выглядели княжата, эти сливки служилой аристократии? Очень непрезентабельно. Один полководец из ее среды провалил важную кампанию, но хотя бы погиб честно, не замарав своего имени трусостью или предательством. Второй видный ее представитель оказался предателем эталонным, вошедшим в анналы отечественной истории как иуда номер один. Остальные в течение года отражали натиск литовцев на западном направлении и не допустили прорыва к центральным областям России, даже Полоцк не дали отбить; но и переломить ситуацию в нашу пользу также не смогли.

Они показали, таким образом, свою слабость и ненадежность. А слабый и ненадежный «живой инструмент» хочется заменить на более сильный и менее рискованный в эксплуатации…

Явным признаком нарастающего кризиса стали казни княжат, произведенные по царскому приказу без суда и следствия. В 1564 году подобным образом лишились жизней князья М.Н. Репнин, Ю.И. Кашин и Д.Ф. Овчина[8]. Причины их смерти трактуются по-разному. Первый из них погиб то ли за строптивость (укорял царя за пляски со скоморохами), то ли по подозрению в измене; второй ушел из жизни явно в связи с «делом Репнина», но конкретная вина его неясна[9]. Наконец, последнему инкриминировали то, что он обвинял царя в содомском грехе с Федором Басмановым-Плещеевым.

В данном случае не настолько важно, почему были умерщвлены эти трое. Гораздо важнее сам факт их гибели, ни в малой мере не предваренный какой-либо судебной процедурой. Князя Д.Ф. Овчину задушили псари. Репнина зарезали в церкви, а Кашина – на пороге храма. Судя по источникам, излагающим обстоятельства их гибели, никому из троих даже не объяснили, за что их лишают жизни. История гибели этих трех аристократов известна в пересказе князя Андрея Курбского, противника Ивана IV, к тому же писавшего через много лет после названных событий. Так что возможны и неосознанно совершенные рассказчиком неточности, и продуманные искажения. Так что многое под вопросом.

Государь был волен в жизни и смерти своих подданных. Но казнь высокородного аристократа для политической культуры русского Средневековья была из ряда вон выходящим событием. А тут даже не казнь, а просто расправа.

Служилая знать отреагировала очень болезненно. Ее представители принялись вразумлять царя, объявляя, что

относиться к подданным как к скотине непозволительно. Митрополит Афанасий встал на сторону аристократов. Наша Церковь обладала правом «печаловаться» перед монархом за опальных, прежде всего за тех, кто должен был подвергнуться казни. И нередко печалование митрополита спасало жизни. Афанасий и здесь прибег этому праву, как видно, из человеколюбия. А может быть, из преданности Христовой заповеди любить ближнего.

Появление митрополита за спинами княжат весьма осложнило положение царя. Тем более что митрополит Афанасий на протяжении многих лет играл роль государева духовника. На митрополичью кафедру он поднялся по воле Ивана Васильевича, и вот теперь осыпал его укоризнами… Идти против Церкви означало затевать очень опасный конфликт. А идти против Афанасия было, наверное, просто очень тяжело чисто психологически.

Резюме: Иван IV оказался в затруднительном положении. С одной стороны, высшая знать – прежде всего княжата – перестала быть надежной опорой, да еще и показала собственную слабость на войне. С другой стороны, она ни в коей мере не лишилась прежних амбиций, имела колоссальные права, занимала все важнейшие должности в армии и административном аппарате. Совершить какое-либо государственное дело помимо нее, не используя ее кадровый ресурс, было в принципе невозможно. Наконец, отношения с нею обострились до предела, а путь бессудных расправ вызвал совершенно справедливое недовольство Церкви.

Тупик.

Иван Васильевич мог попытаться выйти из него с помощью политических маневров, мог пойти по маршруту постепенного реформирования армии, да и всей системы государственного управления, мог согласиться на временный компромисс, а затем расколоть строй оппозиции, обратив силу одних аристократических партий против других. Иначе говоря, у него хватало вариантов выхода из кризиса.

Но он выбрал самый причудливый и самый масштабный.

Собственно, не столько распутал гордиев узел, сколько разрубил его…

И выбор именно опричного ответа на политический вызов надо искать в особенностях умственного и душевного склада первого русского царя.

Государь Иван Васильевич – концентрированный одиночка. Человек, на которого роль одиночки сваливалась многое

множество раз, желал он этого или не желал. Скорее всего, к моменту создания опричнины он уже привык к тому, что иначе в его жизни быть не может…

С восьми лет круглый сирота. Больше чем сирота! Любимцев отрока Ивана от него удаляли, родню его, князя Юрия Глинского, убили и с позором проволокли тело по улицам Москвы, а первая жена государева, Анастасия Захарьина (видимо, единственная нежно любимая царем из длинного списка монарших жен), ушла из жизни за несколько лет до опричнины. Царь подозревал, что супругу уморили его недоброжелатели.

С юных лет Иван Васильевич принужден был обходиться без поддержки близких людей. Окружали его персоны, видевшие в державном младенце только одну корысть: от его имени можно было управлять. Он выжил и удержался на троне, поскольку управлять от имени взрослого человека, зрелого мужчины, истинным хозяевам ситуации было бы затруднительнее. Или, еще проще, контроль над мальчиком удерживали наиболее сильные придворные «партии», а взрослых претендентов, например князя Владимира Андреевича Старицкого, поддерживали группировки послабее… В любом случае судьба младенца, мальчика, отрока, молодого человека, сына Василия III, зависела от раскладов политической борьбы при дворе. Его могли убрать с доски как лишнюю фигуру в любой момент.

Фактически младенец жил среди волков… Чуть ли не единственным человеком, бескорыстно помогавшим юному монарху, был митрополит Макарий – светило русского духовного просвещения. Но Макарий до опричнины не дожил. Он мог поддержать царя своим духовным примером, наставить его на благой путь, усовестить, в конце концов… лишь до декабря 1563 года, когда земной срок его исчерпался. Пока святитель был рядом с государем, никакой опричниной и не пахло. Кончина его как будто отняла у царя Ивана нравственную узду.

Но это – великий святой, духовный светоч не только для монарха, но и для всей страны. А крупные деятели двора до поры до времени даже не удосуживались проявлять почтение к высокому сану мальчика. Вот он с обидой вспоминает через много лет и всего за полгода до учреждения опричнины: «Князья Василий и Иван Шуйские самовольно навязались мне в опекуны и так воцарились; тех же, кто более всех изменял отцу нашему и матери нашей, выпустили из заточения и приблизили к себе. А князь Василий Шуйский поселился на дворе нашего дяди, князя Андрея, и на этом дворе его люди, собравшись, подобно иудейскому сонмищу, схватили Федора Мишурина, ближнего дьяка при отце нашем и при нас, и, опозорив его, убили; и князя

Ивана Федоровича Бельского и многих других заточили в разные места; и на Церковь руку подняли: свергнув с престола митрополита Даниила, послали его в заточение; и так осуществили все свои замыслы и сами стали царствовать. Нас же с единородным братом моим, святопочившем в Боге Георгием, начали воспитывать как чужеземцев или последних бедняков. Тогда натерпелись мы лишений и в одежде и в пище. Ни в чем нам воли не было, но всё делали не по своей воле и не так, как обычно поступают дети. Припомню одно: бывало, мы играем в детские игры, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, опершись локтем о постель нашего отца и положив ногу на стул, а на нас не взглянет – ни как родитель, ни как опекун и уж совсем ни как раб на господ. Кто же может перенести такую кичливость? Как исчислить подобные бессчетные страдания, перенесенные мною в юности? Сколько раз мне и поесть не давали вовремя. Что же сказать о доставшейся мне родительской казне? Всё расхитили коварным образом…»[10]Тут нечего добавить. Некоторые вещи забыть трудно. Они годами жгут сердце неутоленной обидой.

Само происхождение царя вызывало кривотолки. Отец Ивана IV, великий князь Василий, в первом браке не имел детей, а потому развелся. На протяжении первых нескольких лет, проведенных им с новой супругой – Еленой Глинской, московский правитель также оставался бездетен. В 1530 году у него появился сын-первенец, будущий царь. Тогда Василию было за пятьдесят… Придворная среда полнилась неприятными слухами: староват государь для такого дела, по всему видно, кто-то помог его супруге разродиться. И даже называли, кто именно…

Знал ли сам Иван Васильевич о подобном к нему отношении? Надо полагать, знал. Такое не спрячешь.

Возникает естественный вопрос: кто, помимо митрополита Макария, мог рассеять холод вокруг одинокого юноши, рано лишившегося родителей, да и вообще близкой родни? Младший брат Юрий? Но он был слабоумен с младенчества.

Разве что жена Анастасия – недаром Иван Васильевич горевал по ней так, как не печалился он ни по кому другому из своих жен… Но женился он лишь в 1547 году, а вот без родителей остался еще в 1538-м[11].

Этот мальчик прошел ужасную школу жестокости, недоверия, корысти. Он наблюдал за окружавшими его людьми и чем дальше, тем больше уверялся в одном: полагаться можно только на самого себя.

И вот в возрасте семнадцати лет на него обрушивается роль исключительная, пуще прежнего отдалявшая его от других людей. Первым из московских государей он принял царский титул.

Очевидно, и здесь не обошлось без совета со стороны митрополита Макария.

Каков результат? Для русской цивилизации этот шаг исключительно важен. Символ царственности, начертанный на ее челе, оказывал влияние на все сколько-нибудь важные сферы русской жизни в течение нескольких столетий. Он и до сих пор не утратил своей силы окончательно.

А вот лично для Ивана IV принятие царского титула оказалось страшным бременем, принятым в неблагоприятных условиях. Формально им была возобновлена традиция, столетием раньше павшая в Византии. Формально русский царь мог претендовать на положение главы светской власти, первенствующего не только в России, но и во всем православном мире. Формально молодой человек вознесся на недосягаемую высоту над своими подданными.

Формально.

А в реальности решение важнейших государственных дел продолжало зависеть от воли аристократических группировок.

Разрыв между идеалом православного царства и повседневной политической практикой, как видно, оказал на него сильнейшее психологическое воздействие. Концентрированный одиночка из своей царственной выси воспринимал действия собственной знати как несправедливое, недолжное поведение. И с годами, надо полагать, ощущение глубокой неправильности происходящего накапливалось, требуя дать радикальный ответ. Пока дела государства, ведомого «партиями» знати, шли хорошо (так и было по большей части до 1564 года), в глазах царя горделивое пребывание аристократов у кормила правления было хотя бы отчасти оправдано. Оправдано той же политической практикой, приносившей державе успехи. Но неудачи знати, слабость ее и склонность к предательству разом обострили тяжелые чувства монарха, зревшие на протяжении десятилетий.

Произошел психологический взрыв. Вводя в действие столь радикальный «проект», как опричнина, государь Иван Васильевич пытался исправить не только настоящее, но и прошлое. Всё то прошлое, которое давно и страшно угнетало его ум. *Теперь действительность следовало разом отредактировать до полного соответствия великому идеалу православного самодержавного государя.* Поэтому и «средство исправления» было избрано им столь сильное… *слишком сильное*.

Действия державного властителя в середине 1560-х иногда заставляют предположить, что *он жаждал сделать прежде-бывшее не бывшим*.

Роль нажатого спускового крючка могло сыграть послание

князя Курбского, доставленное царю. Знатный перебежчик упрекал царя: как же так! Советники твои, «сильные во Израиле», были так хороши, столь велики их заслуги перед тобой, а ты их взялся истреблять? «Или ты, царь, мнишь, что бессмертен, и впал в невиданную ересь, словно не боишься предстать пред неподкупным судией – надеждой христианской, богоначальным Иисусом, который придет вершить справедливый суд над вселенной и уж тем более не помилует гордых притеснителей и взыщет за все и мельчайшие прегрешения их»[12].

Разъяренный царь впервые проявляет большой артистизм натуры, отвечая на письмо беглого воеводы. И в дальнейшем эта артистическая нотка будет звучать в посланиях государя и – еще больше! – в его действиях. Иван Васильевич как будто желает не только утвердить истину, но еще и сам процесс ее утверждения превратить в какую-то мистерию, – в торжественное действие, то мрачное и ужасающее, то наполненное простонародной бранью и скоморошеством, а то вдруг взлетающее к высотам евангельских истин. Он то играет, давая себе первую роль в «постановке», то берется за ремесло режиссера, добиваясь от актеров беспрекословного следования монаршему замыслу. Быть может, царь слишком мало чувствовал себя – первое лицо державы! – в центре внимания, и теперь он любой ценой добивается того, чтобы внимание «публики» фокусировалось именно на нем.

Опровергая Курбского, Иван Васильевич вещает: «Разве твой злобесный собачий умысел изменить не похож на злое неистовство Ирода, явившегося убийцей младенцев?.. В том ли твое благочестие, что ты погубил себя из-за своего себялюбия, а не ради Бога? Могут же догадаться находящиеся возле тебя и способные к размышлению, что в тебе – злобесный яд: ты бежал не от смерти, а ради славы в той кратковременной и скоротекущей жизни и богатства ради. Если же ты, по твоим словам, праведен и благочестив, то почему же испугался безвинно погибнуть, ибо это не смерть, а дар благой? В конце концов все равно умрешь. Если же ты боялся смертного приговора по навету, поверив злодейской лжи твоих друзей, слуг сатаны, то это и есть явный ваш изменнический умысел…» И далее, царь Иван бьет Курбского новозаветной цитатой, идущей как будто из самых глубин души монарха, открывающей язвы, давно терзающие его ум: «Почему же ты презрел слова апостола Павла, который сказал: „Всякая душа да повинуется владыке, власть имеющему; нет власти, кроме как от Бога: тот, кто противится власти, – противится Божьему повелению“. Посмотри на это и вдумайся: кто противится власти – противится Богу; а кто противится Богу – тот именуется отступником, а это худшее из согрешений»[13].

Вот откуда эта ярость! Более полутора десятилетий Иван Васильевич – царь, а власти его противились и противятся. По правде говоря, первые годы царствования у монарха и власти-то настоящей не было: Ивану Васильевичу просто не давали ее. Соответственно, теперь он ничего, помимо отступничества, не видит в любом сопротивлении своей воле. А потому готов ломать какое угодно противодействие какой угодно ценой. Безвластные годы оставили в царской душе отпечаток великой досады, стыда и позора.

Ныне исправление и месть сливаются для него воедино.

Ныне гнев одолевает его.

Ныне он хочет бить изо всех сил, а потому стремится убрать из-под рук всё то, что препятствует ударам.

Ныне у него появляются советники и союзники, готовые поддержать, а то и преподнести проект опричнины…[14]

Итак, введение опричнины датируется январем 1565 года. Предыстория указа о ее учреждении такова: в декабре 1564 года Иван Васильевич покинул Москву и отправился в поход к Троице, но на этот раз поведение государя со свитой слабо напоминало обычные царские выезды на богомолье в монашеские обители. Царь прилюдно сложил с себя монаршее облачение, венец и посох, сообщив, что уверен в ненависти духовных и светских вельмож к своей семье, а также в их желании «передать русское государство чужеземному господству»; поэтому он расстается с положением правителя. После этого Иван Васильевич долго ходил по храмам и монастырям, а затем основательно собирался в дорогу. Царский поезд нагружен был казной, драгоценностями, множеством икон и, возможно, иных святынь[15]. Расставаясь с высшим духовенством и «думными» людьми, государь благословил их всех. Вместе с Иваном Васильевичем уезжала его жена княгиня Мария Темрюковна Черкасская и два сына. Избранные самим царем приказные, дворяне, а также представители старомосковских боярских родов в полном боевом снаряжении и с заводными конями сопровождали его[16]. В их числе: Алексей Данилович Басманов, Михаил Львович Салтыков, Иван Яковлевич Чеботов, князь Афанасий Иванович Вяземский. Некоторых, в том числе Салтыкова и Чеботова, государь отправил назад, видимо не вполне уверенный в их преданности. С ними он отправил письмо митрополиту Афанасию и «чинам», где сообщал, что «…передает… свое царство, но может прийти время, когда он снова потребует и возьмет его». До сих пор все шло как великолепная театральная постановка. По всей видимости, Иван Васильевич ожидал быстрой реакции публики, то есть

митрополита и «думных» людей. Играл он до сих пор великолепно, но его не остановили ни в Москве, ни по дороге к Троице. Ему требовалось навязать верхам общества жесткие условия грядущей реформы, но, вероятно, государь не предполагал, что игра затянется, и собирался решить поставленные задачи «малой кровью». А митрополит с «чинами» между тем не торопились звать царя назад. Должно быть, у них появились *свои* планы. Тогда государь, миновав Троицу, добирается до Александровской слободы и там затевает новый спектакль.

В первых числах января 1565 года он отправляет с Константином Дмитриевичем Поливановым (позднее – видным опричным воеводой) новое письмо в Москву. Царское послание полно гневных обвинений: старый государев двор занимался казнокрадством и разворовыванием земельных владений, а главную свою работу – военную службу – перестал должным образом исполнять. «Бояре и воеводы… от службы учали удалятися и за православных крестиян кровопролитие против безсермен и против Латын и Немец стояти не похотели» – здесь, очевидно, речь идет о разгроме армии Шуйского и о пассивных действиях прочих воевод на литовско-ливонском фронте. А когда государь изъявил желание «понаказати» виновных, «… архиепископы и епископы и архимандриты и игумены, сложася з бояры и з дворяны и з дьяки и со всеми приказными людьми, почали по них… царю и великому князю покрывати». Не видя выхода из этой ситуации, государь «…оставил свое государьство и поехал, где веселитися, иде же его, государя, Бог наставит». Столичный посад получил от государя письмо совершенно иного содержания. На посадских людей, говорилось там, «…гневу… и опалы никоторые нет». Это была откровенная угроза Церкви и служилой аристократи взбунтовать против них посад, повторив ужасный мятеж 1547 года. Видимо, угроза оказалась действенной (к тому же посад проявил активность – «биша челом» митрополиту о возвращении Ивана Васильевича на царство). В итоге из Москвы в Александровскую слободу поехала огромная «делегация», состоящая из архиереев, «думных» людей, дворян и приказных. В ее составе были посланцы митрополита Афанасия – архиепископ Новгородский и Псковский Пимен, Чудовский архимандрит Лев-кий, а также виднейшие аристократы – князья Иван Дмитриевич Бельский и Иван Федорович Мстиславский[17]. После долгих уговоров и «молений… со слезами о все народе крестиянском» делегация добилась от государя обещания вернуться на царство. Но при этом Иван Васильевич выторговал себе право разбираться с государственными делами, «…как ему государю

годно», невозбранно казнить изменников, возлагать на них опалы и конфисковывать их имущество. Иными словами, он добился того, чего и желал: получил карт-бланш на любые действия от Церкви, до сих пор отмаливавшей тех, кто должен был подвергнуться казням; ему достался также карт-бланш от служилой аристократии, до сих пор сохранявшей значительную независимость по отношению к государевой воле[18]. Весь этот политический театр одного актера того стоил!

До наших дней не дошло самого указа о введении опричнины. Однако летопись приводит подробный пересказ его содержания. Для верного понимания того, что именно и с какими целями вводилось по воле государя Ивана Васильевича, следует прежде всего ознакомиться с этим документом.

«Челобитье… государь царь и великий князь архиепископов и епископов принял на том, что ему своих изменников, которые измены ему государю делали и в чем ему государю были непослушны, на тех опалы свои класти, а иных казнити и животы их и статки имати[19]; а учинити ему на своем государьстве себе опришнину, а двор ему себе и на весь свои обиход учинити особной, а бояр и окольничих и дворецкого и казначеев и дьяков и всяких приказных людей, да и дворян и детей боярских, и стольников, и стряпчих, и жильцов учинити себе особно[20]. И на дворцех на сытном и на Кормовом и на Хлебенном учинити клюшников и подклюшников и сыт-ников и поваров и хлебенников, да и всяких мастеров и конюхов и псарей и всяких дворовых людей и на всякой обиход, да и стрельцов приговорил учинити себе особно. А на свой обиход повелел государь царь и великий князь, да и на детей своих, царевичев Иванов и царевичев Федоров обиход, го-роды и волости: город Можаеск, город Вязьму, город Козелеск, город Перемышль два жеребья, город Белев, город Лихвин обе половины, город Ярославец и с Суходровью, город Медынь и с Товарковою, город Суздаль и с Шуею, город Галич со всеми пригородки с Чюхломою и с Унжею, и с Коряковым, и з Белогородьем, город Вологду, город Юрьевец Повольской, Балахну и с Узолою, Старую Русу, город Вышегород на Поротве, город Устюг со всеми волостьми, город Двину, Каргополе, Вагу; а волости: Олешню, Хотунь, Гусь, Муромское сельцо, Аргуново, Гвоздну, Опаков на Угре, Круг Клинской, Числяки, Ординские деревни и стан Пахрянской в Московском уезде, Белгород в Кашине, да волости Вселун, Ошту, Порог Ладошской, Тотьму, Прибужь. И иные волости государь поимал кормленым окупом, с которых волостей имати всякие доходы на его государьской обиход, жаловати бояр и дворян и всяких его государевых дворовых людей, которые будут у него в опришнине;

а с которых городов и волостей доходу не достанет на его государьской обиход, и иные городы и волости имати. А учинити государю у себя в опришнине князей и дворян, и детей боярских дворовых и городовых 1000 голов, и поместья им подавал в тех городах с одново, которые городы поимал в опришнину. А вотчинников и помещиков, которым не быти в опришнине, велел ис тех городов вывести и подавати земли велел в то место в ыных городех, понеже опришнину повеле учинити себе особ-но. На двор же свой и своей царице великой княгине двор повеле место чистити, где были хоромы царицы и великой княгини, позади Рожества Пречистые и Лазаря Святаго, и погребы и ледники и поварни все и по Курятные ворота; та-коже и княже Володимерова двора Ондреевича место принял и митрополича места. Повеле же и на посаде улицы взяти в опришнину от Москвы реки: Чертольскую улицу и з Семчинским сельцом и до всполия, да Арбацкую улицу по обе стороны и с Сивцевым Врагом и до Дорогомиловского всполия, да до Никицкой улицы половину улицы, от города едучи левою стороною и до всполия, опричь Новинского монастыря и Савинского монастыря слобод и опричь Дорогомиловские слободы, и до Нового Девича монастыря и Алексеевского монастыря слободы. А слободам быти в опришнине: Ильинской, под Сосенками, Воронцовской, Лыщиковской. И которые улицы и слободы поимал государь в опришнину, и в тех улицах велел быти бояром и дворяном и всяким приказным людям, которых государь поимал в опришнину. А которым в опришнине быти не велел, и тех ис всех улиц велел перевести в ыные улицы на посад. Государство же свое Московское, воинство и суд и управу и всякие дела земские, приказал ведати и делати бояром своим, которым велел быти в земских: князю Ивану Дмитреевичу Белскому, князю Ивану Федоровичу Мстисловскому и всем бояром; а конюшому и дворетцскому и казначеем и дьяком и всем приказным людем велел быти по своим приказом и управу чинити по старине, а о больших делех приходити к бояром. А ратные каковы будут вести или земские великие дела, и бояром о тех делех приходити ко государю, и государь приговор яз бояры, тем делом управу велит чинити. За подъем же свои приговорил царь и великий князь взяти из Земского приказа сто тысяч рублев; а которые бояры и воеводы и приказные люди дошли за государьские великие измены до смертные казни, а иные дошли до опалы, и тех животы и статки взяти государю на себя»[21].

Прежде всего: о казнях изменников тут сказано совсем немного. Ни о каких массовых репрессиях речь не идет. Да, царь получает полную волю в определении того, кто должен пойти на

плаху, кто изменник, и даже Церковь теряет право «печалования». Но этим правом на протяжении первых лет опричнины монарх пользуется нечасто. Нет никаких «волн казней». Даже после введения опричнины, когда, казалось бы, для Ивана IV наступило удобное время, чтобы расправиться с политическими противниками, он отправляет на смерть лишь пятерых аристократов: князя А.Б. Горбатого с сыном его Петром, окольничего П.П. Головина, князя И.И. Сухого Кашина, князя Д.А. Шевырева[22]. Многие лишились вотчин, отправились в ссылку, некоторых насильно постригли в монахи. Но все эти действия, даже взятые в совокупности, еще никак не свидетельствуют о том, что опричнине планировалось придать характер «машины репрессий», карательного аппарата.

Что приобретает царь, помимо свободы казнить тех, кого сочтет изменниками?

Прежде всего, он отделяет то, что подчиняется непосредственно ему – во всем и без какого бы то ни было исключения, – от того, что подчиняется «Московскому государству» во главе с боярами, которые обязаны по важнейшим вопросам советоваться с государем, но в прочих случаях «ведают и делают» земские дела.

Фактически в составе России появляется государев удел, царский домен, полностью выведенный из-под контроля высших родов служилой знати. Прежде всего, из-под контроля княжат. На территории этого удела царь перестает опираться, как на «живой инструмент», на высшую аристократию, которая прежде, по необходимости, присутствовала везде и во всем. Монарх получает, таким образом, самостоятельный военно-политический ресурс, коим может управлять прямо, без посредников.

Здесь у него будет собственная служилая корпорация, которую царь наберет сам, с помощью немногих доверенных лиц, никак не принимая в расчет интересы княжат. Здесь у него будет собственная Дума, чья компетенция распространится на земли удела, а с годами расширится и захватит львиную долю важнейших «земских», то есть общегосударственных, дел. Здесь у него будет собственная армия; основой вооруженных сил опричнины станет новый «офицерский корпус» из 1000 голов, также отобранных без учета интересов высшей аристократии. Здесь у него сконцентрируются запасы, предназначенные для расхода на опричных служилых людей. И всё это станет управляться из особой резиденции («двора») вне Кремля.

В дополнение к прочему, Иван Васильевич берет из общегосударственной казны «на подъем» колоссальную сумму – 100 000 рублей. По тем временам большой каменный храм

строился на 1000 рублей…

Резюмируя, самое главное: царь обретает полностью подконтрольную и в материальном смысле превосходно обеспеченную воинскую силу. Он может использовать ее для перелома в военных действиях на литовско-ливонском фронте, а может просто защититься ею от «внутреннего врага».

Стоит подчеркнуть одно немаловажное обстоятельство: до 1567 года в опричной армии и в опричных органах управления не появится ни единого представителя знатнейших родов княжат. Титулованная знать была представлена в опричнине с первых месяцев ее существования. Но! Лишь второстепенными и третьестепенными семействами.

В 1567 году там оказался… один. Князь Василий Иванович Темкин-Ростовский. Но его возвышение происходило медленно и трудно. Ему пришлось крепко постараться, завоевывая доверие государя[23]. Да и с появлением Темкина в высших ярусах опричнины социальное лицо ее ничуть не изменилось. На протяжении долгого времени он представлял собой исключение из общего правила.

А правило гласило: *высокородным «княжатам» на верхи опричнины путь заказан. В опричную Думу и в воеводский корпус опричных вооруженных сил их не брали. Туда рекрутировались представители старинных московских боярских родов, небольшое количество худородных выдвиженцев и несколько семейств из среды второстепенной титулованной знати*.

Этот порядок сохранялся весьма долго: от основания опричнины до первых месяцев 1570 года. Впоследствии он был нарушен. О причинах его падения речь пойдет ниже. Но до того – целых пять лет! – опричнина в принципе обходилась без княжат «первого ранга».

Выходит, царь постарался обойтись без услуг самой богатой и самой влиятельной социальной группы в России. Подрубить ее права на занятие ключевых государственных и военных должностей, опираясь на другие социальные слои. Это как минимум давало ему союзников, готовых помочь в «перетягивании каната» со сливками княжат. Ведь успех опричнины обеспечивал им все шансы на служебное возвышение!

Таким образом, великому множеству нетитулованных аристократов и дворян родом поплоше опричнина вовсе не кажется каким-нибудь мрачным мистическим монстром с застенками в каждом подвале. Отнюдь! Она представляется новой служилой иерархией с многообещающими «правилами игры».

Разбираясь в механизме работы опричнины, следует с полной ясностью понимать: многие смотрели на нее как на «поле чудес».

Во всяком случае, так было сначала…

И если взглянуть на опричнину как на проект масштабной военно-политической реформы, то *сначала* он выглядел разумной системой мер, в основу которой положена логика политической борьбы. Вот только претворение опричного проекта в жизнь вызвало мощнейший кризис. Перед лицом его все проблемы 1564 года кажутся сущей мелочью.

Важно не только *что* делает высшая власть, но и *как* она это делает.

Сначала всё получалось…

Государь Иван Васильевич активно занялся устройством опричнины.

Для постройки Опричного дворца (или, иначе, Опричного двора) – главной политической резиденции государева «удела» – было снесено множество зданий на Неглинной, напротив Кремля. Московский Опричный дворец располагался в том месте, где соединяются улицы Воздвиженка и Моховая; точно определил его положение дореволюционный историк И.Е. Забелин[24]. Все пространство[25], отданное под постройку, было окружено высокой стеной с тремя воротами. На сажень она состояла из тесаного камня и еще на две сажени – из кирпича. Рядом с дворцом располагались, по всей видимости, казармы опричной стражи («особый лагерь», по Шлихтингу, изложенному в не очень точном переводе). Видимо, общая численность московского опричного отряда, охранявшего царя, составляла 500 человек. Северные ворота играли роль «парадных». По свидетельству Генриха Штадена, они были окованы железными полосами и покрыты оловом. Сторожил их засов, закрепленный на двух мощных бревнах, глубоко врытых в землю. Украшением ворот служили два «резных разрисованных льва» (вместо глаз у них были вставлены зеркала), а также черный деревянный двуглавый орел с распростертыми крыльями, обращенный «в сторону земщины». На шпилях трех главных палат также красовались орлы, повернутые к земщине. Опричный дворец был надолго обеспечен всем необходимым, значительную часть его территории занимали хозяйственные постройки: поварни, погреба, хлебни и мыльни; «над погребами были сверху надстроены большие сараи с каменными подпорами из досок, прозрачно прорезанных в виде листвы…». Поскольку строительство производилось на сыром месте, двор пришлось засыпать песком «на локоть в вышину». Даже церковь поставили

на сваях. Главная палата стояла напротив восточных ворот, в нее можно было войти по двум лестницам (крылечкам). Перед лестницами высился помост, «…подобный четырехугольному столу; на него всходил великий князь, чтобы сесть на коня или слезть с него. Эти лестницы поддерживались двумя столбами, на них покоилась крыша и стропила. Столбы и свод украшены были резьбой под листву. Переход шел кругом всех покоев и до стен. Этим переходом великий князь мог пройти сверху от покоев по стенам в церковь, которая стояла на восток перед двором, вне ограды…»[26].

Московский Опричный дворец погиб в 1571 году, когда крымский хан Девлет-Гирей спалил Москву. Но помимо него в разное время строились иные царские резиденции: в Старице, Вологде, Новгороде. На территории Александровской слободы Опричный дворец стали строить, по всей видимости, одновременно или вскоре после московского[27]. Туда Иван Васильевич переехал из Москвы не ранее второй половины 1568 года и не позднее марта 1569 года. В Московском дворце Иван IV провел относительно немного времени. Зато Александровская слобода, а позднее Старица на долгие годы становились настоящими «дублерами» русской столицы. Часть опричных сооружений XVI века сохранилась до наших дней.

Через несколько месяцев после утверждения опричнины был произведен первый набор служилых людей в опричную армию и государев двор. А осенью 1568 года опричные боевые отряды впервые появились на поле боя – под Болховом. Их двинули вместе с земской армией против крымского хана.

Историки XX столетия, со времен Сергея Федоровича Платонова, много писали о земельной политике опричнины и даже искали в ней разгадку сути той диковинной политической конструкции, которую создал Иван IV. Но замечали в основном ее отрицательный аспект. Характерные выражения, присущие многим историческим исследованиям этого периода: «перераспределение земель в годы опричнины было направлено против…» или «опричная аграрная стратегия ориентирована на подрыв…».

Действительно, огромные земельные владения были реквизированы по велению Ивана Васильевича во второй половине 1560-х годов, а в 1570-х эта политика знала «рецидивы». И спору нет, при этом ощутимые потери понесли крупные вотчинники, относящиеся к видным княжеским родам.

Но у опричных преобразований, связанных с земельной собственностью, основным был, думается, все-таки позитивный аспект. Иными словами, прежде всего *для какой цели*

реквизировались земельные владения у прежних хозяев, а не *против кого* направлены все эти меры. Между тем сокращенная версия указа об учреждении опричнины, помещенная в официальной летописи, дает ясное представление о том, каковы приоритеты опричной политики в этом направлении: «…а учините государю у себя в опришнине князеи и дворян, и детей боярских дворовых, и городовых 1000 голов, *и поместья им подавал в тех городех с одново, которые го-роды поимал*. А вотчинников и помещиков, которым не быти в опришнине, велел ис тех городов вывести и подавати земли велел в то место в ыных городех, понеже опришнину повеле учините себе особно»[28]. Иными словами, первейшая и главная цель опричной аграрной политики состоит в обеспечении служилых людей опричного корпуса поместьями. Очевидно, речь идет о том, чтобы дать опричной братии лучшие земельные владения в Московском государстве. Никакая социальная группа не выдвинута на роль «донора». Та же княжеская аристократия нигде не названа как приоритетный объект реквизиций. А монография В.Б. Кобрина «Власть и собственность в средневековой России» показала, что политика отчуждения поместий и вотчин не имела специальной антикняжеской направленности и не привела к подрыву княжеского землевладения в России[29]. Землю, таким образом, забирали там, где ее удобно было забрать. Важно было наилучшим образом обеспечить новорожденное опричное войско, а не обидеть или разорить кого-то при этом.

Р.Г. Скрынников писал о массовой казанской ссылке тех, кто потерял в опричном секторе свои вотчины и поместья. В частности, отмечал обилие аристократов, служивших по княжеским спискам, указывал на значительное количество крупнейших и самых родовитых представителей знати, связанной с Владимиро-Суздальской землей. Но, во-первых, помимо богатейших аристократов высланы были совершенно незаметные. Зачем? К чему по ним-то «наносить удар»? И во-вторых, казанских ссыльных довольно быстро вернули на территорию коренных русских уездов. Если бы надо было им «нанести удар» – так сгноили бы их на казанских землях. Нет, по всей видимости, государь все-таки нуждался в их военно-административных услугах и не собирался сводить под корень старинные рода. Впоследствии многие из них при жизни Ивана Васильевича получили назад свои владения и обрели новые, взамен прежних. Дело здесь, вероятно, не в каких-то особенных, требующих насильственного разрыва связях старых княжеских семейств с землями, на которых они жили, или «связях с местными обществами», как писал С.Ф. Платонов. Просто прежних

землевладельцев надо было убрать с тех мест, где должны были устроиться опричники. Чтобы не мешали обустройству новых помещиков, чтобы, не дай бог, не делали попыток оказать сопротивление. Их и убрали под Казань – от греха подальше. По большей части произошло следующее: в 1565 году людей выслали на окраину страны, а уже в 1566 году их вернули обратно в центр.

О многом говорит географическое расположение опричных владений. В соответствии с указом о введении опричнины ее территорией стали земли на Русском Севере, в том числе Беломорское побережье, Подвинье, Важская земля, а также огромная область в треугольнике, вершинами которого стали Соль Вычегодская, Каргополь и Вологда; значительные территории в самом центре Московского государства – Вязьма, Можайск, Козельск, Перемышль (частично), Белёв, Лихвин, Ярославец, Медынь, Суздаль, Шуя, Галич, Юрьевец-Повольский, Балахна, Старая Русса, огромные анклавы под Москвой, в районе Кашина и Клина; обширная часть самой столицы. Позднее, по сообщению немцев-опричников Таубе и Крузе, Ростов и Белоозеро были присоединены к опричному «уделу» государя. Не так давно были найдены записи летописного характера в рукописном сборнике Кирилло-Белозерского собрания. Там содержалась информация, согласно которой в январе 1569 года Ростов и Ярославль были взяты в опричнину[30]. Видимо, присоединение Белоозера произошло тогда же. Известно, что в состав опричных владений попали также Кострома, Пошехонье, Переславль-Залесский, Старица, Бежецкий Верх, восточное Приладожье и все Прионежье[31]. На закате опричнины туда взяли часть Новгорода Великого.

Если нарисовать карту опричного «удела», то прежде всего придется полностью заштриховать почти все северные области страны. Затем окажется заштрихованной вся северная часть старинного Владимиро-Суздальского княжества, каким оно было в XIII столетии. Если все остальное представить себе в виде мишени, а Москву поместить в «яблочке», то набор опричных анклавов будет напоминать след от выстрела крупной дробью в самый центр мишени.

С северными землями все более или менее понятно. Естественно стремление Ивана Васильевича пользоваться доходами от таможенных пошлин, промыслов, а также контролировать важный торговый маршрут из Европы в Россию вокруг Скандинавского полуострова – он был в середине 50-х годов XVI столетия открыт для европейского мореплавания экспедицией англичан Хью Уиллоуби и Ричарда Ченслора. Север был для опричнины неиссякающей денежной бочкой. Испомещать

кого-то на землях слабо освоенных, со сравнительно неразвитым землевладением, вряд ли было целью включения северных областей в состав опричной территории.

Когда-то автор этих строк допустил легкомысленное утверждение, что в опричнину были взяты «стратегически важные» земли, то есть города, составляющие узловые пункты обороны страны и опорные базы для наступления в Ливонии. Имелись в виду Вязьма, Вышгород, Старая Русса. Это ошибка. Напротив, 99 % приграничной территории, то есть тех же «стратегически важных» земель, попало в земщину. Ивана Васильевича слабо интересовала Рязанщина, регулярно разоряемая татарами; не нужны ему были Псков с пригородами, Смоленск, Рославль, Стародуб и Чернигов, составлявшие ожерелье оборонительных твердынь нашего западного рубежа. Государь не проявил интереса к огромной области, лежащей южнее Одоева и Белёва. Области, в наибольшей степени подверженной угрозе крымских набегов. Ему не понадобилась северо-западная, западная и южная Новгородчина, бедная хлебом, зато максимально близкая к шведско-литовскому фронту. Парадоксально, но факт: опричнина должна была защитить государя и страну, а земщина защищала… опричнину. Фактически земские территории представляли собой «доспехи», надетые на тело опричнины.

Другое дело – центр, козельские, тверские и ростово-суздальские земли. Они отличались плодородием, издревле осваивались, были густо заселены и представляли собой золотой фонд русской пашни. Кроме того, перечисленные области расположены относительно недалеко от главных опричных резиденций Ивана Васильевича – Александровской слободы и Московского дворца. А значит, по идее у командования появилась возможность быстро собирать опричную армию в кулак.

Фактически речь идет о полномасштабном выполнении реформы, задуманной намного раньше, то есть испомещении в центральных, наиболее близких к Москве и наиболее освоенных областях, «избранной тысячи». Что касается действительных, иными словами, документально подтвержденных фактов получения опричным «офицерским корпусом» значительных поместий на реквизированных землях, то их известно немало, и ни у кого они не вызывают сомнений. Испомещались даже иностранцы-опричники, подтверждением чего служит сообщение немца-опричника Генриха Штадена о пожаловании ему поместий под Москвой и в районе Старицы. После того как опричное войско и опричную администрацию упразднили, была совершена земельная «рокировка»: те, кто еще мог претендовать на возврат

земельных владений, отобранных в первые годы опричнины, частично получили их назад.

Опричнина явно не была нацелена на создание «дружины» царских «телохранителей». Для решения этих задач вполне хватало нескольких сотен бойцов, охранявших царскую семью в Опричном дворце. Не будь опричнины, с подобными задачами справились бы один-два стрелецких приказа, состоявшие из служилых людей «по прибору»[32]с незначительным количеством дворян на офицерских должностях. На худой конец, такого рода гвардией могла бы стать команда наемников. При дворах европейских монархов нередко караул несла стража, набранная из иностранцев, например шотландцев и швейцарцев. По крайней мере, в последние годы жизни Иван IV сделал то же самое: в его распоряжении был отряд из 1200 иностранных солдат, в том числе тех же шотландцев с Джимми Лингетом во главе[33]. Упоминаются служилые «немцы» и в русских разрядах 1570-х годов. Таким образом, цели опричнины были явно шире, чем сбережение царя от заговоров и покушений. Прежде всего, речь шла о создании особой армии – наилучшим образом укомплектованной, вооруженной, легко управляемой, с командными кадрами, всецело преданными царю. А значит, обеспечение столь значительного количества служилых людей должно было потребовать масштабных перемен в землевладении. Именно это происходило в массовом порядке: вотчины и поместья стремительно меняли хозяев.

Помимо богатых земель и новых возможностей для карьеры, опричники получили обширные судебные привилегии.

Английский дипломат Джильс Флетчер, побывавший на русской территории в 1588–1589 годах, сообщает: «…разделил он (Иван IV. – *Д. В.*) своих подданных на две части, или партии, разъединив их совершенно между собой. Одни из них были названы им опричными, или отборными, людьми. К ним принадлежали те из лиц высшего сословия и мелких дворян, коих царь взял себе на часть, чтобы защитить и охранять их как верных своих подданных. Всех прочих он назвал земскими, или общими. К земским относятся простой люд и те дворяне, которых царь думал истребить как будто бы недовольных его правлением и имеющих против него замыслы. Что касается опричников, то он заботился, чтобы они своим числом, знатностью, *богатством*, вооружением и прочим далеко превосходили земских, коих он, напротив, как бы лишил своего покровительства, так что если бы кто из них был ограблен или убит кем-нибудь из опричников, которых он причислял к своей партии, то нельзя уже было получить никакого удовлетворения ни судом, ни жалобой

царю»[34]. Допустим, Флетчер писал это через два с лишним десятилетия после того, как была учреждена опричнина, к тому же писал в виде политического памфлета, недоброжелательного по отношению России. Он мог и ошибаться, и пускаться в публицистические передергивания. Допустим, никакие источники по истории опричнины не позволяют предположить, что она когда-либо предназначалась для полного истребления земских дворян. Но свидетельство Флетчера о судебной «неуязвимости» опричников перед земскими людьми находит подтверждение у другого автора.

Уже упоминавшийся Генрих Штаден оставил «мемуары» о своей службе в опричнине. Это источник совершенно независимый от Флетчера. От первых лет опричного режима Штаден сохранил знаменитую фразу Ивана IV, отправленную в органы судопроизводства: «Судите праведно, наши виноваты не были бы!»[35]Это отражает обстановку, действительно сложившуюся во второй половине 1560-х годов. По сравнению с земскими опричники имели огромное преимущество во всякого рода расследованиях и тяжбах.

Итак, в 1565 – начале 1566 года царь мог торжествовать победу. Он получил под свой контроль мощный военно-политический ресурс, абсолютно независимый от княжат. Монарх обеспечил этот ресурс материально и дал ему юридическую неприкосновенность. Он вырастил небольшую армию, которая в перспективе должна была увеличиться в размерах. В 1565 году опричнина могла выставить в поле лишь два небольших отряда. В 1567–1568 годах опричный полевой корпус состоял уже из трех полков. А весной – летом 1569 года он вырос до пяти полков.

Но два обстоятельства сильно сокращали почву для оптимизма.

Во-первых, опричная армия так и не смогла переломить ситуацию на литовско-ливонском фронте. Осенний поход 1567 года, в котором участвовал цвет опричной вооруженной силы, был свернут: царь опасался измены (ниже об этом будет сказано подробнее). Осада Ревеля общими силами земщины и опричнины (1570–1571) закончилась неудачно. Оборона Москвы от крымских татар в мае 1571 года и вовсе завершилась военной катастрофой. Собственно опричный отряд самостоятельно, без поддержки земских сил, нанес поражение неприятелю только один раз: в 1570 году воевода князь Дмитрий Иванович Хворостинин разбил татар у Зарайска. Важный успех, но плоды его были полностью утрачены в следующем году, когда крымцы спалили русскую столицу. Иными словами, военная сторона опричной реформы, по сути важнейшая, не обеспечила решение

стратегических задач. Государь Иван Васильевич жаждал победить в Ливонской войне – главном военном противостоянии его жизни. И опричнина ему в этом не помогла. Такова одна из главных причин разочарования царя в своем детище… Но пока до разочарования оставались еще годы: опричная военная машина разворачивалась медленно, к серьезным боевым операциям она сможет приступить лишь ко второй половине 1567 года.

Во-вторых, утверждение опричнины вызвало напряженность в русском обществе. Ее острота постепенно нарастала.

Разумеется, высшая титулованная аристократия остро почувствовала утрату важных позиций. Казнили нескольких людей из ее среды – так могут казнить и большее количество. Это вызывало страх и гнев. А появление «конкурирующей» служилой иерархии создавало плацдарм для нового наступления на права и привилегии княжат.

Но в этом еще нет великой беды. Ведь, как уже говорилось, государи московские и служилая знать давно «толкались», определяя, кому и сколько власти принадлежит на данный момент. Иван IV резко потянул одеяло на себя. Однако он не собирался уничтожать княжат и даже не стал отбирать власть у главнейших аристократических родов, позволив им распоряжаться в земщине. Иными словами, царь потеснил, но не раздавил княжат, да и вряд ли планировал «очистить» административное поле от лучших управленцев, какими тогда располагала Россия.

Гораздо хуже другое. Земельная политика опричнины разорила многих служилых людей, сделала их бедняками, оторвала от родовых корней, связанных с вотчинами, и забросила на край земли – в казанскую ссылку. Недавно завоеванная Казанская земля еще пылала бунтами, откуда же там было сыскать пахотную силу для той скудной землицы, которой наделили ссыльных? По сравнению с прошлым житьем они воспринимали новое как сущее бедствие. А судебные привилегии опричников выглядели как попрание справедливости. Эти два инструмента опричной реформы задели интересы очень многих. Недовольство нескольких десятков знатных и богатых семейств опасно. Но недовольство тысяч служилых людей опаснее во сто крат! Ведь каждый из них – профессиональный воин. Каждый вооружен. Многие способны вывести в поле «боевых холопов». Это – сила. И не дай бог всерьез задеть ее.

Митрополит Афанасий не мог быть доволен тем, что у Церкви отняли право «печалования». Он не одобрял опричнину и в 1566 году оставил митрополичью кафедру своей волей, без совета с царем. Не найдя в себе сил открыто сопротивляться

опричным порядкам, скорбя, может быть, из-за того, что утрачена возможность смягчать царское жестокосердие, а может быть, из-за того, что сын его духовный вышел из повиновения, Афанасий не пожелал далее нести на своих плечах бремя тяжкой ответственности. Он ушел. «Положил посох», как тогда говорили.

«Штормовое предупреждение»

Летом 1566 года государь Иван Васильевич созвал Земский собор, решавший судьбу Ливонской войны. Царь желал продолжить ее и довести до победного конца. Собор не стал ему перечить, собор вообще прошел как идеально отрепетированный спектакль…

Война длилась уже много лет, стоила дорого и в финансовом, и в человеческом смысле, высшей служилой аристократии она не была нужна. Но дворянство рассчитывало получить поместья на богатых, хорошо освоенных землях Прибалтики, да и государь ждал приращения новых территорий. В сущности, несмотря на поражение 1564 года, враг не сумел добиться решающего перевеса. Полоцк, Нарва, Юрьев-Ливонский, многие другие города и крепости оставались под контролем наших войск. Дальнейшая борьба могла обернуться как угодно.

Из наших дней события 1566 года видятся через призму страшного поражения, постигшего Московское государство в конце 1570-х – начале 1580-х годов. Разгром за разгромом, падение Полоцка, Великих Лук… и чудесная стойкость Пскова, чудом спасшая Россию от полного военного краха. Кажется: остановись государь раньше, когда в его распоряжении еще была несокрушимая вооруженная мощь, когда держава еще не успела истощить экономический ресурс, когда великие твердыни еще оставались в наших руках, – какое благо принес бы он своему народу! Но всё это – из области альтернативной истории. Если бы да кабы, росли бы во рту бобы, так был бы это не рот, а был бы огород. Увидеть из 1566-го страшный закат войны за Ливонию не мог никто из русских политиков, и царь в том числе…

Итак, собор пошел навстречу воле государевой: будем сражаться!

Вот только ход собора омрачили два неудобных обстоятельства. Во-первых, отсутствовал митрополит, который оставил кафедру, сославшись на немощь. Пустующее митрополичье место немо свидетельствовало: нет мира между царем и Церковью. Во-вторых, при завершении собора три сотни дворян приступили к монарху с просьбой отменить опричнину.

Их коллективная челобитная гласила: «Не достоит сему быти».

Как чувствовал себя тогда Иван Васильевич? Он добился всего, чего хотел *внутри страны*. Русский мир подтвердил согласие с волей царя. Оставалось нанести удар внешнему неприятелю, да и разгрызть крепкий ливонский орех. А тут – такая неожиданность! Массовое выступление – нет, не посадских людей, которые буйством своим привели его в ужас два десятилетия назад, в 1547-м, – а самих дворян, кои составляли основу военной силы нашей. Это всё профессионалы войны. Всё вооруженные воины. И если они не пошли на заговор и мятеж, так это большое везение… Надо полагать, земля дрогнула перед глазами Ивана Васильевича. Царь-актер наилучшим образом «отыграл» Земский собор, добился вроде бы успеха… Публика рукоплещет? Всё шло превосходно, как вдруг… самая сильная и опасная часть этой самой публики заявила, что ей не по нраву суть игры.

О событиях тех дней известно крайне мало. Зачинщиков тогда арестовали.

Царь пришел в ярость, велел схватить зачинщиков и казнить их. Голов лишились трое лидеров антиопричной оппозиции: князь В.Ф. Рыбин-Пронский, И.М. Карамышев и К.С. Бундов. Возможно, вместе с ними предали смерти и других «активистов» из числа челобитчиков, но тут свидетельства источников менее надежны. Неоспорима казнь всего нескольких лидеров оппозиции. Кое-кто из ближайших сторонников казненной троицы отведал палок, остальных держали под замком несколько дней, а потом отпустили.

Возможно, последствия для них были бы гораздо более тяжкими, но надо полагать, от горших бед челобитчиков спасло появление в Москве митрополичьего преемника. Им стал Филипп[36], игумен Соловецкой обители. Считаные недели отделяют его восхождение на митрополичью степень от выступления противников опричнины на соборе. Филипп, один из величайших русских святых, прошел долгую монашескую школу в краях суровых и скудных всем, кроме разве только иноческого благочестия. Он никогда не жаловал опричнину и при восшествии на митрополичью кафедру резко высказался против нее. Игумен соловецкий потребовал от царя «…чтоб царь и великий князь отставил опришнину. А не отставит царь и великий князь опришнины, и ему в митрополитех быти невозможно. А хоши его и поставят в митрополиты, и ему за тем митрополья оставити; и соединил бы воедино, как преже того было. И царю и великому князю со архиепископы и епископы в том было слово, и архиепископы и епископы царю и великому князю били челом о

его царьском гневу. И царь и великий князь гнев свой отложил, а игумену Филиппу велел молвити свое слово архиепископом и епископом, чтобы игумен Филипп то отложил, а в опришнину и в царьской домовой обиход не вступался, а на митрополью бы ставился. А по поставленье бы, что царь и великий князь опришнины не отставил и в домовой ему царьской обиход вступатися не велел, и за то бы игумен Филипп митрополии не отставиливал, а советовал бы с царем и великим князем, как прежние митрополиты советовали с отцем его великим князем Васильем и с дедом его великим князем Иваном»[37].

Это значит: царь гневался, но вынужден был пойти на уступки. Филипп стал митрополитом, обещал не заниматься опричными делами и монаршим домашним обиходом. Но взамен он получил от государя обещание «советовать… как прежние митрополиты советовали». Иначе говоря, глава Русской церкви опять мог входить к монарху с «печалованием» об опальных, с советом простить их и помиловать. И на первый раз, думается, он посоветовал отнестись к челобитчикам с мягкостью. Тем не менее их вожди все-таки лишились жизни. Остальные же, всего вероятнее, обязаны ее сохранением отважному митрополиту.

Итак, над опричниною грянул первый гром.

Какое уж тут наступление в Ливонии, когда Москва превратилась в зыбкую почву…

Ежегодно в русской столице составлялись списки воевод, отправляемых для службы в полки, гарнизоны и на строительство крепостей. Осенью 1565 года возник первый подобный список военачальников из опричнины. А после того на протяжении двух лет – никаких известий о боевой работе опричных командиров. Ни звука, ни знака. Очевидно, все они требовались в столице – во избежание, так сказать. Особенно после тревожного лета 1566-го.

Однако до поры до времени большой террор не начинался.

Он вообще длился недолго, весь уместившись в период с рубежа 1567–1568 годов до весны 1571 года. Около трех лет. Но размах его превысил всякое вероятие.

Когда наступит час темный и полетят головы во множестве с плахи, вся жизнь России круто переменится. Позднее современник главных событий грозненской эпохи напишет: «… всю державу своея, яко секирою, наполы некако разсече. Сим смяте люди вся…»[38]Так вот, занавес над краткой и жуткой эрой репрессий поднимется в тот момент, когда царь совершенно уверится в успокоении общества.

Он и не чаял новой угрозы. Недовольство, допустим, присутствовало – интересы слишком многих людей задела опричнина. Но царь, как видно, считал, что подданные его

достаточно привыкли к новому укладу, и теперь накопленную силу можно использовать для удара по внешнему врагу.

Буря

Осенью 1567 года большая русская армия сконцентрировалась, чтобы окончательного разгромить польско-литовские силы на Ливонском театре военных действий. Возглавил ее сам государь Иван Васильевич. Цвет опричнины участвовал в кампании наряду с полками земцев. Войска собрались в районе Ршанского яма и должны были повести наступление на Ригу.

Государь Иван Васильевич полон был добрых надежд. Ему казалось, быть может, что в великой войне осталось сделать последнее усилие. Что благое предприятие, связанное с усмирением еретиков и присоединением новых земель к православному царству, вот-вот принесет плоды.

Но… слишком зыбкой сделалась почва под ногами царя. Там, где он чаял получить от опричнины твердость и силу, пришли вместо них шатание и разброд.

К тому времени возобновились разговоры о возможности «сменить» монарха, благо князь Владимир Андреевич Старицкий, потомок старинных московских государей по прямой линии, жив и здоров. Иностранные источники сообщают о том, что русская знать заключила соглашение (contract) с поляками против своего государя. Трудно судить, сложился ли на самом деле аристократический заговор. Однако дипломатические документы того времени донесли до наших дней сведения, позволяющие утвердительно говорить о каких-то переговорах с неприятелем. Поляки предлагали князьям И.Д. Бельскому, И.Ф. Мстиславскому, М.И. Воротынскому и боярину И.П. Федорову перейти на их сторону, причем в некоторых случаях речь шла об отторжении русских земель и совместных боевых действиях. Что это было? Масштабный военно-политический проект? Или характерная для того времени игра с фальшивыми письмами? Поляки поставили на беспроигрышный вариант: либо удастся «подставить» лучших воевод Ивана IV (а все четверо по странному «совпадению» имели талант тактического или организационного характера), либо кто-то из них (хотя бы один!) согласится с предложенными условиями и сыграет роль суперагента в стане московского государя. Царь, в распоряжение которого эти послания попали[39], игру противника раскусил. От имени адресатов он отправляет ответные письма, осыпая врага колкими насмешками. Например, послание псевдо-

Федорова королю Сигизмунду II Августу содержало следующие слова: «…Я уже человек немолодой и недолго проживу, предав государя своего и учинив лихо над собственной душой. Ходить вместе с твоими войсками в походы я не смогу, а в спальню твою с курвами ходить – ноги не служат, да и скоморошеством потешать не учен. Так что мне в твоем государском хотении?»[40]Для Ивана Грозного совокупность этих «кусательных» посланий составляет прежде всего выигрышную «сцену»: монолог центрального персонажа о гнусности злодеев, ему противостоящих…

Царь вновь вышел на сцену, произносил монологи, издевался над вражеским тупоумием. Красивая роль. Пусть не из тех, какие положено играть на котурнах, однако… едкий пафос ее пришелся русскому монарху по душе.

Но все ли письма были перехвачены? Все ли русские адресаты возжелали проявить лояльность к своему государю? Ведь отношения между ним и служилой аристократией оставляли желать лучшего! Несколько княжеских и боярских родов «обязаны» были Ивану Васильевичу казнью своих представителей (Шуйские, Пронские, Горенские, Кубенские, Трубецкие, Кашины, Воронцовы, возможно, Хилковы и Палецкие). Да и те же четыре военачальника, которым были направлены послания поляков, – не возникло ли у них желания, явно «сдав» переписку, втайне подготовить переворот?[41]Осенью 1567 года польско-литовская армия во главе с королем сосредоточилась в Южной Белоруссии для нанесения контрудара наступающим русским полкам, но бездействовала. Откуда у поляков появились сведения о готовящемся наступлении в Ливонию? Не было ли у них надежды использовать замешательство в нашем лагере, возникшее в результате чаемого переворота и разбить русскую ударную группировку? Или отбить Полоцк, в котором как раз сидел первым воеводой Иван Петрович Федоров?[42]

Князь Владимир Андреевич предоставил царю список из 30 знатных людей, склонявшихся к заговору[43], и, возможно, другие бумаги, способные их скомпрометировать как изменников. Это произошло непосредственно во время военного похода осенью 1567 года.

В середине ноября царь отменяет поход и распускает армию решающего удара. Он знает о сосредоточении вражеских войск намного южнее – при желании поляки могли устремиться в тыл наступающей армии Ивана IV и даже отрезать ее от Москвы. Он видит перед собой список людей если и не вступивших в заговор, то находящихся на полпути к этому. Он извещен о выжидательной тактике противника, так и не предпринявшего

никаких наступательных действий. Он отменяет поход и узнает, что армия Сигизмунда II Августа тоже отходит. Это подтверждает худшие опасения государя: поляки отказались от военного столкновения, как только выгодная ситуация «рассосалась». Поведение поляков ясно показало – некое лицо или лица в среде военного руководства дали им повод для подобного рода действий и снабдили сведениями о планах русского командования. Заговор это был или просто среди наших появился иуда, сказать невозможно. Но только никто никогда *не собирал армий ради бездействия*…[44]

В результате разразилась настоящая буря. Расследование заговора поставило в центр его одного из крупнейших землевладельцев того времени, видного политического деятеля, боярина Ивана Петровича Федорова. Его разорили, продержали в опале много месяцев, а потом пригласили к Ивану IV. Там, по велению государя, боярин должен был облачиться в царские одежды и сесть в тронное кресло. Иван Васильевич, глумясь, встал перед ним на колени и спросил, доволен ли он, заняв государево место, получив все, о чем мечтал? А затем воскликнул: «Наслаждайся владычеством, которого жаждал!» Иван IV собственноручно зарезал боярина, а тело его велел протащить с позором по Москве и бросить в навозную яму.

Был ли Иван Петрович Федоров изменником? Царь имел основания не доверять ему, однако до наших дней не дошло свидетельств, неопровержимо доказывающих вину воеводы. Нельзя дать ни твердый отрицательный, ни твердый положительный ответ относительно его истинных намерений. Гораздо важнее другое.

Царь, еще недавно чувствовавший себя на пороге величайшей победы, пребывавший в покое относительно верности своих подданных, вдруг увидел: нет ничего твердого под ногами! Земля опять колеблется! Ему самому и его семье грозят неведомые опасности. Обладая нервной, артистической натурой, Иван Васильевич подвержен был скорым перепадам чувств. Он сам признавался в том, что несколько раз в жизни испытывал сильнейший страх за свою жизнь: например, во время московского бунта 1547 года или, скажем, пять лет спустя под Казанью. Иной раз он проявлял и недюжинную храбрость, бывал под неприятельским обстрелом, совершал поход вглубь вражеской территории… Но всякий раз его поведение оказывалось результатом эмоций – взрывных, мощных, слабо сдерживаемых. Что могло случиться на исходе 1567-го? Очередной эмоциональный взрыв, достаточно сильный, чтобы до основания потрясти душу государя и помрачить ее, вызвал

наплыв страстей. Неотвязный страх вызвал не менее ужасный гнев. А гнев явился причиной неистовой жестокости.

«Дело Федорова» имело страшные последствия. Кровавый вихрь закружился над Россией и не стихал в течение нескольких месяцев. Жизни человеческие переламывались, словно спелые колосья под ударом косы. Доселе опричнина цвела, теперь вызрел плод; по вкусу его узнавалось многое.

Сам царь со свитой и отдельные команды опричников разъезжали по многочисленным владениям Ивана Петровича едва ли не год и всюду устраивали казни, пожары, разорение. Погибли сотни людей, виновных лишь в том, что они состояли на службе у Федорова. Только по документированным данным, число жертв составило 400–500 человек. В связи с «делом Федорова» в Москве и «по городом» опричники уничтожили немало высокородных аристократов, в том числе опытного воеводу князя Федора Ивановича Троекурова и боярина князя Андрея Ивановича Катырева-Ростовского, нескольких представителей боярского рода Шеиных, Колычевых и Лыковых. Пострадала верхушка приказного аппарата земщины: полетели головы дьяков и казначеев… Тогда же погиб выдающийся военный инженер Иван Григорьевич Выродков.

Репрессии, которыми завершилось расследование «дела Федорова», превратили опричнину в аппарат грандиозной террористической деятельности. Об этом повороте в политике Ивана Васильевича впоследствии писал Джильс Флетчер: «И тех и других по порядку записывали в книгу, почему всякий знал, кто был земским и кто принадлежал к разряду опричников. И эта свобода, данная одним грабить и убивать других без всякой защиты судом или законом, продолжавшаяся семь лет, послужила к обогащению первой партии и царской казны и, кроме того, способствовала достижению его цели, то есть истреблению дворян, ему ненавистных, *коих в одну неделю только в Москве было убито до 300 человек*[45]. Такие тиранские его поступки, направленные на всеобщий раздор и повсеместное разделение между подданными, произошли, как должно думать, от чрезвычайной мнительности и безнадежного страха, возникших в нем ко многим из местного дворянства во время войны с поляками и крымскими татарами, когда он, вследствие худого положения дел, впал в подозрение, что они состоят в заговоре с поляками и крымцами. На основании этого некоторых из них он казнил и означенное средство избрал для того, чтоб отделаться от остальных»[46].

Флетчер, конечно же, рисует «русские ужасы», намекая англичанам на то, что и в их отечестве существует угроза

тиранического правления. Поэтому он нередко использует сплошь черную краску. Как уже говорилось, первые годы опричнины не знали массовых репрессий. Однако теперь, в ходе расследования по «делу Федорова» или, если угодно, по делу о «земском заговоре», опричнина стала трансформироваться. В 1568 году ее административные прерогативы оказались значительно расширены, а карательные функции возросли многократно. Здесь англичанин не отступает от истины.

Существовал ли на самом деле «земский заговор», сказать трудно. Действия польско-литовского командования показывают: какими-то сторонниками в русском лагере неприятель мог располагать. Однако «расследование» обернулось кровавой расправой, когда заодно с подозреваемыми предавали унижению и смертной муке невинных, в том числе женщин, слуг, детей.

Вот характерный отрывок из синодика репрессированных при Иване IV: «Григорий Кафтырев, Алексей Левашев, Севрин Баскаков, Федор Казаринов, инок Никита Казаринов, Андрей Баскаков муромец, Смирной Тетерин, Василий Тетерин, Иван Селиванов, Григорий, Иев, Василий, Михаил Тетерины, да детей их 5 человек, Осиф Тетерин, Князь Данила Сицкой, Андрей Батанов, Иван Поярков-Квашнин, Никита и Семен Сабуровы, Семен Бочин. Хозяин Тютин з женою, да 5 детей, да брат Хозяина, Иван Колычов, Иван, сын его, Иван Трусов… В ивановском Меньшом отделано 13 человек с Исаковскою женою Заборовского и с человеком, да у семи человек по руке отделано… Дмитрий и Юрий Дементьевы, Василий Захаров з женою, да 3 сына…»[47]

Видя всю эту кровь, все эти бесчинства, митрополит Филипп вновь возвысил голос против опричнины. Сначала он тайно увещевал царя, но не мог переменить монаршее настроение. Затем прилюдно, в храме, митрополит несколько раз отказывал Ивану IV в благословении. Отвечая на гневные слова царя, он произносил обличительные речи. Действия опричников и их царственного вождя для Филиппа выглядели как одно сплошное нарушение Господней заповеди любви. Он выступил, презирая смерть и не боясь потерять высокий сан. Он твердо стоял в истине. Так бывало полторы тысячи лет назад, когда римские императоры устраивали гонения на ранних христиан. И монарх, ярясь на главу Церкви, сломить его упорство не мог. Филипп – самая светлая фигура всей полувековой грозненской эпохи. Он подарил потомкам столь высокий нравственный образец, что его надо считать фигурой, *как минимум равной* первому русскому царю по своему историческому значению. А для монарха, высоко ценившего внешнюю сторону своей роли – благочестивейшего из христианских государей, хранителя истинной веры, – открытое

осуждение со стороны первого из русских церковных иерархов стало убийственным по силе разоблачением… За неповиновение Филиппа подвергли неправедному суду, утопили в лжесвидетельствах и свели с кафедры. Казни подверглись несколько митрополичьих старцев, пострадала и его родня[48]. В декабре 1569 года бывшего митрополита, сосланного в тверской Отроч монастырь, убил опричник Малюта Скуратов[49].

В 1569 году подвергся аресту и был отравлен князь Владимир Андреевич Старицкий. Слишком уж часто недовольные связывали перспективу смены государя с его именем… Вместе с ним погибли от яда жена и дочь. Умертвили также слуг князя Владимира Андреевича. Историки не находят убедительных свидетельств реального заговора Старицких.

В том же 1569 году действительный изменник Тимофей Тетерин, связанный с главным врагом и публицистическим оппонентом Ивана IV князем А.М. Курбским, помог литовцам взять Изборск. Крепость быстро отбили, но на гарнизонных приказных людей пало подозрение в измене. В результате их обезглавили. Та же участь ожидала их коллег в соседних городах и крепостях. Царь заподозрил новгородцев и особенно псковичей в сношениях с неприятелем, стремлении передать свои города Речи Посполитой. В качестве превентивной меры он выслал несколько сотен семей из Пскова и Новгорода Великого. Но этого, как видно, ему показалось недостаточно. В течение нескольких месяцев готовился грандиозный карательный поход, целью которого было очистить от «измены» колоссальную область, лежащую к северу – северо-западу от Москвы. Реализация этого замысла принесла России самый тяжкий и самый кровавый шрам изо всех, нанесенных опричниной. «Северная экспедиция» стала апогеем террора и породила у соседей патологическую боязнь «московита», ярко отразившуюся в брошюрах и летучих информационных «листках» того времени.

В промежутке от декабря 1569-го до марта 1570 года опричная армия совершила экспедицию по «петле» от Москвы через Клин, Торжок, Тверь, Новгород Великий и Псков – к Старице. Всюду опричные отряды сеяли разорение и убийства. Города подверглись страшному грабежу. Бесстыдного разграбления не избежали и храмы. Государь велел забрать даже колокола по церквям и монастырям. Пленников, размещенных в населенных пунктах по ходу опричной экспедиции, – литовцев, полочан и татар – истребляли. В Новгороде Великом государь остановился надолго, занявшись расправой над богатым посадским населением и распустив команды опричников по новгородским землям. Р.Г.Скрынников следующим образом

комментирует серию террористических акций против торгово-ремесленного населения города: «Опричные санкции против посадского населения Новгорода преследовали две основные цели. Первая из них состояла в том, чтобы пополнить пустующую опричную казну за счет ограбления богатой торгово-промышленной верхушки Новгорода. Другая цель состояла в том, чтобы терроризировать посад, в особенности низшие слои городского населения. Грабежи и бесчинства опричников вызывали страх и возмущение в народе, и царь, помнивший о московском восстании 1547 года, желал предупредить самую возможность возмущения черни. Помимо того, опричная дума не могла не знать об антимосковских настроениях коренного новгородского населения»[50]. Летописи и рассказы иностранцев полны кровавыми подробностями новгородского разгрома. В Москву отправились длинные обозы с награбленным имуществом…

Масштабы псковского разорения не столь велики. По сообщениям ряда источников, как иностранных, так и русских, царя напугали укоризны местного юродивого Николы или Микулы; устрашенный монарх пощадил город.

В связи с новгородским «изменным делом» казнили также крупного военного администратора боярина Василия Дмитриевича Данилова и несколько человек из его окружения.

Количество жертв «северного похода» исчисляется тысячами. Источники сообщают о десятках тысяч, но строго документированные потери составляют около 2500–3000 человек. Все, что было сверх этого, – а сомнений в том, что погибло больше людей, не испытывает никто из историков, – величина гадательная. Но даже 2000 для одного Новгорода – страшная цифра! Если бы всех жителей города построили в одну шеренгу перед стенами и зарубили каждого десятого, результат был бы именно таким. Царь подверг город децимации, подобно тому как в языческом Риме наказывали побежавший с поля боя легион…

Причина нанесения удара именно по Новгороду вызвала у исследователей дискуссию. Не вполне понятны причины выбора северных областей для разгрома, и еще менее понятны резоны, заставившие Ивана Васильевича придать этому разгрому столь чудовищные формы.

Р.Ю. Виппер видел в новгородской карательной экспедиции превышение «меры исправительных наказаний», допуская возможность возникновения литовской партии в Новгороде Великом[51]. Он считал, что не стоит повсюду видеть одно лишь воспаленное воображение Ивана Грозного. Впрочем, Виппер честно признавался: установить степени действительной вины

или же полноту невиновности новгородцев он не может. П.А. Садиков был гораздо жестче в своих оценках. Он сообщает читателям: «…Грозный… во главе опричнины выступил в карательную экспедицию против уличенных к тому времени в „измене“ новгородцев и псковичей»[52]. А.А. Зимин писал об объективной необходимости сокрушить один из последних оплотов удельной раздробленности. Р.Г. Скрынников подчеркивает: причиной новгородского разгрома послужило опасение Ивана Васильевича, что новгородцы окажут поддержку заговорам против него. Это было бы крайне опасно, если учесть финансовую и военную мощь Новгородчины, особенно при жизни Владимира Андреевича Старицкого. «Царь и его окружение жили в напряженном ожидании мятежа и смуты. В таких условиях достаточно было толчка, чтобы последовал взрыв. Таким толчком послужили, во-первых, известие о перевороте в Швеции и свержении союзника царя Эрика XIV и, во-вторых, начавшееся расследование об измене Новгорода и Пскова»[53]. Б.Н. Флоря считал новгородский заговор «вымыслом», которому Иван Васильевич поверил: «…в иной ситуации царь и его советники не придали бы слуху о подобном заговоре никакого значения. Но в той обстановке психологического напряжения, которая сложилась в условиях постоянной борьбы с „изменой“, к этим сообщениям относились со всей серьезностью»[54]. Последнее звучит несколько неправдоподобно – царь еще с 1540-х годов знал, какова цена политической интриги, да и вообще имел достаточный опыт в делах правления, чтобы не основывать на слухах столь масштабную акцию. Государь был не слабонервным интеллигентом, а политиком высокого ранга. Стоит вглядеться в сегодняшний олимп власти и попытаться назвать хотя бы одного деятеля, способного из-за веры в сплетни ввязаться в кампанию подобного размаха. Не вспоминается? Иначе и быть не может. Это не подковерная борьба академического сообщества, тут за ошибки платят властью, богатством и жизнью, так что мнительные болваны надолго не задерживаются.

Итак, в разное время относительно причин Новгородского разорения историки привели немало версий. Неоднократно дискутировался вопрос о том, было ли на самом деле хоть что-то напоминавшее мятеж и если не было, зачем тогда Иван IV раздул невнятные слухи о заговоре до размеров, позволивших ему совершить страшный опричный разгром северных русских земель[55]. По мнению автора этих строк, причина лежит на поверхности. Русский народ того времени, молодой, агрессивный, полный энергии, отличался от будущих поколений, живших в XIX и XX веках. Он был прежде всего намного «моложе»

в цивилизационном отношении. И следовательно, для русских того времени было естественным сопротивляться притеснению; в первую очередь это относилось к любому нарушению церковных устоев и любой репрессии против добродетельного архиерея. Печальная судьба митрополита Филиппа уже была достаточным основанием для бунташных настроений. Омерзительное отношение опричников к храмам и их безнравственное поведение могли стать мощными дестабилизирующими факторами. Некоторые свидетельства источников позволяют предположить, что активное вооруженное сопротивление опричному войску оказывалось. В частности, Генрих Штаден пишет: «[Челяднин-Федоров] был вызван на Москву; [здесь], в Москве, он был убит и брошен у речки Неглинной в навозную яму. А великий князь вместе со своими опричниками поехал и пожег по всей стране все вотчины, принадлежавшие упомянутому Ивану Петровичу [Челяднину-Федорову]. *Села вместе с церквами и всем, что в них было, с иконами и церковными украшениями – были спалены. Женщин и девушек раздевали донага и в таком виде заставляли ловить по полю кур*… Великое горе сотворили они по всей земле! *И многие из них были тайно убиты*»[56]. Более того, по его словам, переезд государя в Александровскую слободу произошел под влиянием «мятежа». Позднее, во время царского похода в северные земли, в частности против Новгорода и Пскова, бои с опричными отрядами, по свидетельству того же Штадена, явно имели место[57]. В.И. Корецкий полагал, что летом 1568 года произошло выступление московского посада, напугавшее Ивана Васильевича[58]. Пискаревский летописец сообщает: «И *бысть ненависть на царя от всех людей*»[59].

Страна отстаивала себя, она не желала молча сносить унижения. Новгородчина, весьма вероятно, могла быть очагом наиболее активного сопротивления. Царь нанес ответный удар, стремясь подавить любые искры смуты, которую пришлось облечь понятным и привычным именем «измены».

Если проанализировать маршрут «северного похода», то станет видно, что опричная армия прошла добрую половину земской территории. Видимо, Иван Васильевич задался целью не только подавить волнения, но и провести масштабную акцию устрашения.

Смена «команды»

Новгородский разгром стал самым ужасным деянием опричнины, но далеко не последним. Массовые казни продолжались. Царский топор прошелся по рядам самих опричников. Их обвиняли (не без основания) в казнокрадстве, административных и судебных нарушениях. Кроме того, царь подозревал некоторых начальствующих лиц опричнины в том, что они пытались известить новгородцев о готовящемся карательном походе. Если они знали, какой удар обрушится на северные русские города и земли, на Новгородчину в том числе, если они понимали, какой кровушкой отольется на этот раз монаршее желание карать непослушных земцев… то их можно понять. Как знать, не шевельнулось ли что-то в человеческом сердце: матерые опричники дали кому-то шанс уйти от опричной секиры, от грабежа, от душегубства, от насилия. Как знать… В любом случае несколько великих людей старой опричнины, ее «отцов-основателей», кончили карьеру худо. Не все лишились жизни, но даже те, кто избег смертной казни, вынуждены были навсегда удалиться от власти.

Летом 1570 года страшный удар был нанесен по высшему слою приказных людей[60]. Казни проходили публично, в Москве на Поганой луже, и сопровождались пытками. В них участвовал сам царь, собственноручно пытая и убивая. В один из дней, по согласному свидетельству нескольких не зависящих друг от друга источников, палачи умертвили более 100 человек… Именно тогда ушел из жизни известнейший российский дипломат того времени – дьяк Иван Михайлович Висковатый. Он пытался отговорить Ивана Васильевича от продолжения террора, озвучив простой, но верный аргумент: кто же останется у царя для ведения войны и для дел правления? Московский посад сохранил воспоминания о публичных казнях 1570 года в сказаниях, содержание которых не делает чести государю.

Но кровь, смерти, пытки, застенки – внешняя история опричнины. А была еще и внутренняя. Главным вопросом ее было: кого и на какие должности государь передвинет после того, как старые его соратники «не оправдали доверия»? Так или иначе, в их число входили серьезные командные кадры, опытные управленцы… Те же боярские рода – неотъемлемая часть старомосковской элиты – казались несокрушимой «старой гвардией» опричнины. Но именно они после казней первой половины – середины 1570 года утратили свое влияние. Государь

вынудил их потесниться. Если взглянуть на опричнину очами царя в 1570 году, откроется картина, вызывающая острое разочарование. Казни не дают уверенности в отсутствии новых изменников. Дела на фронте не радуют: планы победоносной кампании против литовцев ушли в прошлое, твердо стоят крупные города Северной Прибалтики, и даже крепости помельче готовы сопротивляться русскому продвижению на запад. В такой ситуации самые верные, самые надежные, казалось бы, люди, заласканные монаршей рукой в предыдущие годы, неожиданно оказываются пособниками врагов! Вряд ли в монаршую голову пришла мысль, что мера его «исправительной» жестокости давным-давно вышла за рамки здравого смысла и нравственного чувства. Надо полагать, Иван IV испытал потрясение. Люди-столпы на глазах утратили надежность. Их место в опричном аппарате должны были занять новые люди…

Тут происходит настоящий служебный переворот. Старинные боярские семейства уступают в опричнине позиции, и позиции эти занимают… княжата! Их доселе не пускали в состав «черного воинства». Да они, надо полагать, и не рвались туда. Но вот из социальной среды, доселе исключенной из опричных кадровых ресурсов, начинают обильно рекрутироваться воеводы и администраторы. Старый порядок рухнул в несколько месяцев. Осенью 1570 года его уже не существовало. Княжата во множестве приходят на высокие посты в опричной армии, получают чины в опричной Думе.

Следовательно, *государь Иван Васильевич пришел к печальному для себя выводу: без княжат он обойтись не может.* Во всяком случае, пока.

Поражение

В приложении II перечислены походы опричных отрядов и больших полевых соединений. Очень хорошо видно, что опричная военная машина с максимальной интенсивностью работала в 1568–1570 годах. Именно тогда она и должна была проявить себя на полях сражений, показать, какие результаты дала реформа, за которую было заплачено дорогой ценой.

Лето 1569 года застало под Калугой опричные силы, развернутые в пять полков. Ранее их бывало не более трех, теперь же численность опричных боевых отрядов явно возросла. Сил опричнины в течение года с лишним (до осени 1570-го) хватало на то, чтобы выводить мощные пятиполковые соединения в поле.

Первое время войско опричников показывало примерно те же

результаты, что и земская армия. Выходы в поле, оборонительные операции, удача в борьбе за Изборск, с помощью хитрости захваченный неприятелем, победа над войском крымцев под Зарайском… Если под стенами Изборска опричники действовали совместно с земцами и последние были главной силой, то у Зарайска татар громил собственно опричный отряд.

Но все это были частные успехи. А государь искал способ добиться решающей победы в Ливонии. Опричной армии дали командный состав, всецело пользовавшийся доверием Ивана Васильевича. Надо полагать, он уверен был в способности опричной военной машины обеспечить стратегический перелом. Западный театр военных действий интересовал монарха в первую очередь. Иван IV бросал туда новые и новые силы, даже если приходилось ставить в рискованное положение степной юг. В результате Ливония сыграла роль колоссальной топки, куда русских воинских людей подбрасывали большой лопатой, будто уголек. И этот уголек исправно горел. Казалось, наверное, людской ресурс неисчерпаем. В итоге он под занавес великой войны выгорит. Возмещать потери станет некем.

Летом 1570 года русское войско, усиленное отрядами ливонского короля Магнуса, союзника Ивана IV, осадило Таллин (Ревель). В распоряжении воевод была отличная артиллерия и многолюдные полки. Однако и город оказывал упорное сопротивление. Через два месяца после начала осады из России подошло подкрепление – опричный корпус. Его присутствие в осаждающей армии дало эффект, прямо противоположный ожидавшемуся. В хронике таллинского пастора Бальтазара Рюссова, в частности, сообщается: «Этот отряд гораздо ужаснее и сильнее свирепствовал, чем предыдущие, убивая, грабя и сжигая. Они бесчеловечно умертвили много дворян и простого народу». В итоге решимость защитников города лишь возросла, а мирные переговоры с ними потеряли всякий смысл. Проведя всю зиму под стенами неприступной крепости, русские полки в марте 1571 года вынуждены были отступить.

Воеводы, виновные в срыве Ревельской операции, под арестом отправились в Москву.

Тогда же немец-опричник Таубе попытался поднять мятеж в Юрьеве-Ливонском.

Еще хуже складывались дела на южном фронте.

Новая гроза пришла весной 1571 года. Разразившаяся тогда военная катастрофа пошатнула здание опричнины, впрочем, зашаталась и вся Россия.

Девлет-Гирей явился на южные «украины» Московского государства с большим войском, полный решимости разорить

страну, а еще того лучше – погубить ее. Между тем Москва равноценных сил выставить в поле не могла: значительная часть русских войск занята была под Ревелем. Да и поредели полки Ивана IV после многолетней войны на два фронта…

Более того, действия наличных сил трудно было скоординировать: командование-то было разделено на опричное и земское.

С русской стороны к татарам перебежали дети боярские, напуганные, по всей вероятности, размахом опричных репрессий. Или, возможно, раздосадованные казнью кого-то из родни… Один из перебежчиков показал крымцам дорогу в обход оборонительных позиций русской армии. Другой сообщил, сколь малы силы, противостоящие хану. Девлет-Гирей перешел Оку вброд и, сбивая наши заслоны, стремительно двинулся к Москве. Опричным отрядам не удалось затормозить его наступление.

Царь с частью опричного корпуса отступает к Москве, оттуда к Александровской слободе, а из слободы – аж в Ростов. В ту несчастную весну все идет неудачно, все не работает, все происходит не по плану. К тому же Московское государство ослаблено: страну терзает моровое поветрие, два года засухи привели к массовому голоду. Людей, которых можно поставить в строй, катастрофически не хватает.

Иван Васильевич испытывает настоящее потрясение. В 1552 году под Казанью он боялся по милости собственных воевод попасть к неприятелю в руки. Теперь старые его страхи оживают и материализуются. Неожиданно для Ивана IV татары оказываются в непосредственной близости от его ставки. Никто не привел государю языка. Никто не позаботился о ведении сторожевой службы. Прежде всего, допустили странное легкомыслие командиры передового и сторожевого полков, на которые возлагались обязанности авангардных частей армии. Опричные воеводы проходят мимо царя с полками в растерянности, не зная, что предпринять. Иван IV опасается, как бы кто-нибудь не взял его коня под уздцы и не привел его вместе со всадником к Девлет-Гирею. Отступление кажется государю наименьшей из бед. Так поступали многие князья московского дома, застигнутые татарским набегом врасплох. Курбский назовет в третьем послании Ивану Грозному напишет: «…мог бы ты… вспомнить… какие язвы были Богом посланы – говорю я о голоде и стрелах поветрия (мора), а напоследок и о мече варварском, отомстителе за поругание закона Божьего, и внезапное сожжение славного града Москвы, и опустошение всей земли Русской, и, что всего горше и позорнее, – царской души падение, и позорное бегство войск царских, прежде бывших храбрыми; некие здесь нам

говорят, будто бы тогда, хоронясь от татар по лесам, с кромешниками своими, едва ты от голода не погиб!»[61]Для Штадена тоже все понятно: «…великий князь вместе с воинскими людьми – опричниками – убежал в незащищенный[62]город Ростов». Но в столь опасной ситуации государю, вне зависимости от того, испытывал ли он необоримый ужас, или был способен преодолеть его, не следовало рисковать жизнью. Гибель монарха могла ввергнуть Московское государство в еще горшие неприятности. Другое дело – опричное войско. Стоило ли уводить значительную часть его с собой, оголяя оборону Москвы, и без того скудную? Бегство царя в обстоятельствах 1571 года логично и понятно. Но бегство боевых отрядов и непонятно, и нелогично[63]. Совершенно так же непонятно и то, почему Иван Васильевич не остановил опричных ратников: если бы дело было в одном только страхе, если бы царь вел себя на протяжении всей жизни как патологический трус (чего не было), то и в этом случае не находит объяснений желание уйти с ненадежным воинством в неукрепленный город, в то время как из-под Таллина в Россию возвращалась первоклассная полевая армия. Возможно, государем овладела растерянность… Или же сами опричники не очень-то соглашались вернуться и принять бой с крымским ханом? На эти вопросы пока нет здравых и точных ответов.

В отсутствие лучшей части опричного корпуса земские воеводы попытались организовать оборону столицы. Им удалось собрать полки под Москвой незадолго до подхода Девлет-Гирея. Во главе земской рати стояли опытные и храбрые военачальники: князь Иван Дмитриевич Бельский, князь Иван Федорович Мстиславский и князь Михаил Иванович Воротынский. Частью опричного корпуса под Москвой руководил князь Василий Иванович Темкин. Ему Иван IV оставил два полка. Изрядная сила! Казалось, положение города небезнадежно. Бельский контратаковал татар и, видимо, добился успеха: «…выезжал против крымских людей за Москву реку на луг за болото и дело с ними делал»[64], а по другим источникам, даже «забил» крымцев «за болото, за луг». Как видно, земская рать изготовилась драться до последнего. Вот уж воистину, «отступать некуда, позади – Москва!».

К сожалению, атакуя татарское войско, главнокомандующий князь Бельский получил ранение. Он был отвезен на свой двор. Его отсутствие, по мнению Р.Г. Скрынникова, внесло известную дезорганизацию в действия обороняющихся[65].

Не умея взять город, Девлет-Гирей велел запалить его. Он намеревался разграбить все, что не смогут защитить русские воеводы, занятые тушением пожара. Татары сначала подожгли

царскую летнюю резиденцию в Коломенском, а на следующий день – московские посады. Пожар обернулся огненной бурей, настоящим бедствием. Результат превзошел все ожидания хана. Огонь стремительно и неотвратимо убивал город. Земские ратники оставались в Москве. Не покидая позиций, они перемогались с крымцами посреди пылающих улиц. Тогда погибли боярин Михаил Иванович Вороной-Волынский и раненый князь Бельский, а также множество наших воинов. Сгорел Опричный двор. Девлет-Гирей так и не смог занять город. Ужаснувшись зрелищем разбушевавшейся стихии, понеся значительные потери, татары отошли прочь[66], прихватив с собой трофеи и полон. К тому времени в русской столице армии уже не было – лишь несколько сотен чудом уцелевших детей боярских…

Небольшой полк Воротынского стоял на отшибе и сохранил боеспособность. Князь преследовал крымцев, однако, по малолюдству своего отряда, не сумел отбить пленников. Орда ушла, по дороге разорив Рязанщину.

После гибели русской столицы в пожаре 1571 года массовый террор сошел на нет. Царь не стал милостивее, он лишь начал считать потери. Очередной «эксперимент» наподобие новгородского грозил оставить его без населения, способного нести тягло и содержать двор. Аргумент Висковатого встал в полный рост… Нет, казни не прекратились.

Например, уже в 1571 году подверглось казни немало высокопоставленных опричников, а в 1573 году простились с жизнью трое знаменитых воевод: Воротынский, Морозов и Одоевский. Да и позднее на плахе пролилось немало крови. Просто 1571 год поставил точку в репрессиях, объединявших под топором палача правых и виноватых, действительных злоумышленников и лиц, «привлеченных по делу» из-за служебных или родственных связей с ключевыми фигурами расследования. Больше удары не обрушивались и на посад.

Чем был «большой террор» для страны? Временем, когда упала ценность человеческой жизни и население получило действенную прививку от уважения к законам. В самом деле: к чему быть нравственным человеком, когда кругом грабеж, насилие и убийство, а во главе всей вакханалии – сам государь? К чему «играть по правилам» и соблюдать установления судебников, если самая суровая кара может ни за что ни про что обрушиться на случайного человека, а злодей восторжествует в суде? Исследователи русского права утверждают: авторитет юстиции пал тогда очень низко[67].

Чем были годы массовых репрессий для самого царя? Видимо, апогеем его «актерства» в худшем значении этого слова.

Он с упоением играл роль сурового, но мудрого и справедливого правителя, им же самим придуманную. В обстоятельствах 60—70-х годов XVI столетия Россия очень нуждалась в расчетливом дельце на троне, человеке прагматичном до мозга костей и притом искренне и глубоко верующем. Стране необходимо было выбраться из гибельной ситуации, которую создавала война против нескольких сильных неприятелей одновременно. А Церковь очень нуждалась в поддержке государя, поскольку должна была заняться христианизацией обширных пространств, замиренных не до конца. Что вместо этого получили Россия и Церковь от Ивана Васильевича? Трагифарс необдуманного реформаторства и кровавую кашу массовых репрессий. Главный защитник православия принимается обдирать колокола со звонниц. Главный защитник страны грабит собственные города…

Но вот опричнина, любимое детище царя, оказывается бессильной и небоеспособной как на полях сражении в Ливонии, так и в генеральном столкновении с крымцами. *Столько расходов, столько крови, столько социального напряжения, а система, созданная в результате всех этих усилий, в решающий час не сработала*.

На Ивана Васильевича обрушивается новое разочарование – тяжелей прежнего.

Проводя аналогии с современностью, его можно сравнить с учредителем большой компании, в которой директорат прибрал к рукам слишком много власти и стал почти неподконтрольным. Прибыли резко упали. Учредитель набирает новую команду – молодых, энергичных, подающих надежды людей. Заменяет ею часть команды старой. Увольняет, кого можно уволить. Сажает в тюрьму тех, кто, по его мнению, активно сопротивляется и нарывается на особый урок. Меняет уставные документы. Всё отлично? Всё подконтрольно? Всё заработало? Хм, почему-то прибыль не растет… О! Зато как подскочили расходы! Похоже, затея не принесла успеха…

С мая 1571 года опричная армия больше не выходит в поле как самостоятельная сила, то есть как воинство, отдельное от земского. Опричные воеводы всё еще служат по спискам, отдельным от земских. Но на должности в крепостных гарнизонах и действующей армии они ставятся вместе с земскими военачальниками. Раздельное командование исчезает. Фактически начинается демонтаж опричнины, и прежде всего «разбирают» ее военную организацию.

Слободской орден

Помимо военной, административной и «дворовой» иерархии, опричнина создала еще одну… язык не поворачивается назвать ее «духовной» или «монашеской». Слишком уж далека она от православных устоев.

К опричному времени относятся известия о странном мистическом ордене, основанном царем из опричной «гвардии». Немцы-опричники Таубе и Крузе, впоследствии ставшие изменниками, сообщают: «Опричники (или избранные) должны во время езды иметь известное и заметное отличие, именно 3 Д.М. Володихин следующее: собачьи головы на шее у лошади и метлу на кнутовище. Это обозначает, что они сперва кусают, как собаки, а затем выметают все лишнее из страны»[68]. Это полностью подтверждается русскими источниками, до наших дней дошло даже изображение конного опричника с метлой и собачьей головой. Опричники должны были носить грубые и бедные верхние одежды из овчины наподобие монашеских. Зато под ними скрывалось одеяние из шитого золотом сукна на собольем или куньем меху…

Иван IV образовал из опричного ополчения нечто вроде религиозного братства. В него вошло около 500 человек, по словам тех же Таубе и Крузе, «…молодых людей, большей частью очень низкого происхождения, смелых, дерзких, бесчестных и бездушных парней». Опричное братство оценивали очень по-разному. Основным источником по его истории является послание Таубе и Крузе польскому гетману Яну Ходкевичу, памятник противоречивый и далеко не столь достоверный, как, например, записки Ченслора, Дженкинсона и Шлихтинга. Планы обоих потерпели в России крушение, к царю, да и в целом к стране они относились неприязненно; ожидать от них объективности не приходится. Однако ничего лучшего в распоряжении историка нет[69]: «Этот орден предназначался для совершения особенных злодеяний. Из последующего видно, каковы были причины и основание этого братства. Прежде всего монастырь или место, где это братство было основано, был не в каком ином месте, как в Александровской слободе, где большая часть опричников, за исключением тех, которые были посланцами или несли судейскую службу в Москве, имели свое местопребывание. Сам он был игуменом, князь Афанасий Вяземский – келарем, Малюта Скуратов – пономарем; и они вместе с другими распределяли службы монастырской жизни. В колокола звонил он сам вместе со своими сыновьями и пономарем. Рано утром… должны были все братья быть в церкви; все неявившиеся, за исключением тех, кто не явился вследствие телесной слабости, не щадятся, все равно, высокого ли они или

низкого состояния, и приговариваются к 8 дням епитимьи. В этом собрании поет он сам со своими братьями и подчиненными попами с четырех до семи. Когда пробивает восемь часов, идет он снова в церковь, и каждый должен тотчас появиться. Там он снова занимается пением, пока не пробьет десять. К этому времени уже бывает готова трапеза, и все братья садятся за стол. Он же, как игумен, сам остается стоять, пока те едят. Каждый брат должен приносить кружки, сосуды и блюда к столу, и каждому подается еда и питье, очень дорогое и состоящее из вина и меда, и что не может съесть и выпить, он должен унести в сосудах и блюдах и раздать нищим, и, как большей частью случалось, это приносилось домой. Когда трапеза закончена, идет сам игумен ко столу. После того, как он кончает еду, редко пропускает он день, чтобы не пойти в застенок, в котором постоянно находятся много сот людей; их заставляет он в своем присутствии пытать или даже мучить до смерти безо всякой причины, вид чего вызывает в нем, согласно его природе, особенную радость и веселость. И есть свидетельство, что никогда не выглядит он более веселым и не беседует более весело, чем тогда, когда он присутствует при мучениях и пытках до восьми часов. И после этого каждый из братьев должен явиться в столовую, или трапезную, как они называют, на вечернюю молитву… После этого идет он ко сну в спальню, где находятся три приставленных к нему слепых старика; как только он ложится в постель, они начинают рассказывать ему старинные истории, сказки и фантазии, одну за другой. Такие речи, согласно его природе или постоянному упражнению, вызывают его ко сну, длящемуся не позже, чем до 12 часов ночи. Затем появляется он тотчас же в колокольне и в церкви со всеми своими братьями, где остается до трех часов, и так поступает он ежедневно по будням и праздникам. Что касается до светских дел, смертоубийств и прочих тиранств и вообще всего его управления, то отдает он приказания в церкви. Для совершения всех этих злодейств он не пользуется ни палачами, ни их слугами, а только святыми братьями. Все, что приходило ему в голову, одного убить, другого сжечь, приказывает он в церкви; и те, кого он приказывает казнить, должны прибыть как можно скорее, и он дает письменное приказание, в котором указывается, каким образом они должны быть растерзаны и казнены; этому приказанию никто не противится, но все, наоборот, считают за милость, святое и благое дело выполнить его… Все братья и он прежде всего должны носить длинные черные монашеские посохи с острыми наконечниками… а также длинные ножи под верхней одеждой, длиною в один локоть…»[70]

Некоторые из фактов, упомянутых Таубе и Крузе, подтверждаются иными источниками, например, обширным известием об опричных годах в Пискаревском летописце. Само существование опричного братства – явление кратковременное. Оно не могло появиться ранее окончательного переезда Ивана IV в Слободу (вторая половина 1568 года)[71]и вряд ли пережило период, когда казни обрушились на само опричное руководство (первая половина – середина 1570 года), в том числе ушел из жизни «келарь» князь Афанасий Иванович Вяземский[72]. В дальнейшем, кстати, на протяжении нескольких лет (до 1575 года) не было и массовых казней, а то, что описывают Таубе и Крузе, относится ко времени масштабного террора. Всего, таким образом, не набирается и трех лет существования опричного братства. Но 2,5–3 года – это наиболее расширительное толкование. На самом деле, быть может, вся история странного Слободского ордена (так удобнее всего называть эту организацию) насчитывает несколько месяцев, а то и недель. Ведь Иван Васильевич провел значительную часть того периода в разъездах: бывал подолгу в Москве, ездил по вотчинам И.П. Федорова, занимаясь их разгромом, несколько месяцев провел в походе на Новгород и другие северные области, принимал опричный военный смотр в Старице, выезжал на юг «по крымским вестям». Что же остается? Твердо можно говорить о нескольких месяцах в середине 1569 года (до Новгородского похода), а также о первой половине 1570-го[73]. По всей видимости, именно тогда, в 1569 или 1570 году, и существовал Слободской орден.

В разное время историки и публицисты считали Слободской орден то своего рода «сверхмонастырем», то, напротив, изощренным кощунством над православными церковными устоями, то мистической организацией самого темного, чуть ли не сатанинского характера. Я.Н. Любарский и С.В. Алексеев обратили внимание на некоторое сходство обычаев, заведенных Иваном Васильевичем в Слободе, с шутовским собором византийского императора Михаила III Пьяницы[74]. Митрополит Санкт-Петербурский и Ладожский Иоанн (Снычев) находил опричное сборище истинно православным по духу[75]. Д.М. Михайлович видел в Слободском ордене эзотерическую организацию, недружественную по отношению к православной Церкви, и связывал ее возникновение с деятельностью на территории Московского государства вестфальского лекаря, астролога, отравителя и мага Елисея (Элизиуса) Бомелия, который появился в нашей стране как раз летом 1570 года. Д.М. Михайлович указывает на антицерковный характер опричной политики и считает возможным принятие русским государем

эзотерического посвящения от Бомелия[76]. Высказывались догадки о сходстве ордена с тайными инквизиционными трибуналами, то есть с наследием Торквемады. Некоторые историки сомневаются в достоверности сообщения Таубе и Крузе об опричном братстве.

Автор этих строк решительно отказывает в какой бы то ни было связи между христианством и ассасинами в монашеских одеяниях. За скудостью источников трудно определить, тянется ли в Слободу какая-либо эзотерическая ветвь из Европы, насколько возможно посвещение царя в тех условиях и был ли Бомелий действительным инициатором Слободского ордена. Возможно, царь-актер воздвиг для себя идеальную «сцену», не имея далекоидущих мистических соображений. Он использовал для лицедейства храм – идеальную по тем временам площадку для театральных представлений, с отличной акустикой и роскошными декорациями. Ведь приказания по государственным делам отдавались им в церкви. Зачем? Вероятно, из-за того, что государю они виделись частью «роли».

Попытки проследить историю Слободского ордена напоминают блуждание в потемках. Историк имеет слишком мало информации о нем и должен бы положить перо, воздерживаясь от категоричных выводов. Нет ни единого достойного доверия метода, с помощью которого можно было бы определить, во-первых, где лгут, а где говорят правду Таубе и Крузе, во-вторых, с какой целью государь Иван Васильевич создал Слободской орден.

Финальный аккорд

Война подготовила введение опричнины, война же сделала необходимым ее «закрытие».

Зимой 1571/72 года, а затем и весной государь выходил с войском против шведов. Он командовал армией, в состав которой уже *не входили* опричные полки. Опричные воеводы – были, опричный двор никуда не исчез. Но от опричной военной машины остался лишь командный состав, служивший на тех же основаниях, что и земцы. В каждый полк, как обычно, ставили двух-трех воевод. Так вот, некоторых из них назначали из опричнины, других – из земщины. Раздельное командование военной силой Московского государства уходило в прошлое. И странное раздвоение командирского корпуса на опричных и земских военачальников выглядело бессмысленным архаизмом.

Летом 1572 года полчища Девлет-Гирея вернулись в русские

земли – добивать страну после погрома годовой давности. Государь с частью сил находился тогда в Новгороде. Русская армия вышла на Окский оборонительный рубеж, но остановить крымцев не смогла. Хан шел «в силе тяжкой», а нашим полкам явно не хватало численности для полноценного контрудара. Но они вцепились в арьергардные отряды татарского войска, заставили Девлет-Гирея повернуть, а затем у села Молоди навязали бой на своих условиях. Наши воеводы использовали передвижную разборную крепость – «гуляй-город». Татары бились об нее, как бурное море о несокрушимый утес. А когда сила их наступательного порыва иссякала, русские ратники предпринимали контратаки, тревожили врага обходными маневрами, неожиданными ударами с флангов. Оборонительная операция длилась несколько дней. Крымцев измотали до предела. Они понесли страшные потери, знатный военачальник Дивей-мурза попал в плен. И когда русские подкинули в неприятельский лагерь фальшивое известие о подходе свежих сил, Девлет-Гирей морально уже был готов к отступлению… Жестокий и сильный противник шел к Москве с великой похвальбой, а отступил с великим же позором.

У Молодей опричники и земцы бились в одном строю, одной смерти смотрели в глаза. И если возглавлял русское войско земец князь М.И. Воротынский, то самые сложные тактические задачи решал опричник князь Д.И. Хворостинин.

Армия, жестко разделенная на опричные и земские полки, в 1571 году потерпела страшное поражение. Армия, собранная воедино, без различия служебной принадлежности, одержала спасительную для России победу. Большинство специалистов считают, что триумф объединенных сил нашей страны у Молодей сыграл роль главного повода к отмене опричнины.

Отмена опричнины, по мнению большинства дореволюционных, советских и современных российских историков, произошла в августе – сентябре 1572 года. Мало кто оспаривает эту дату, хотя указ об отмене опричнины науке не известен. Его наличие, можно сказать, «вычислили».

Особняком стоит мнение Д.Н. Альшица. С его точки зрения, суть опричнины – создание «верхнего этажа» власти. В результате «…прежние, исторически сложившиеся ее институты, сохранявшиеся в земщине, включая Боярскую думу, были тем самым все разом подчинены власти самодержца». И далее: «В опричнине царь освободился наконец от традиционной опеки со стороны Боярской думы и князей церкви». Можно сказать, «… Грозный внес в „государственные начала“ управления русским государством такое „структурное изменение“, как фактическое

установление самодержавия. Номинально оно существовало и раньше, но стало самодержавием реально только после учреждения опричнины»[77]. Д.Н. Альшиц считает, что в 1572 году произошло формальное упразднение опричнины, но основные механизмы, введенные ею в государственный быт, сохранялись и развивались, постепенно создавая картину все более мощного самодержавного устройства власти.

Однако эти выводы скорее тяготеют к публицистике, нежели к строгой науке. Опричнина исчезла, судя по многочисленным сведениям источников: она ушла из летописей (в том числе и частных), о ее официальном упразднении свидетельствуют известия Г. Штадена, Дж. Флетчера[78], конфиденциальное донесение старосты Ф. Кмиты гетману Радзивиллу, исчезновение записей о походах опричного корпуса в разрядных книгах, воспоминания об опричных годах в историко-публицистических памятниках, созданных намного позднее…

Можно – чисто теоретически – допустить, что имя опричнины было запрещено, но суть ее осталась неприкосновенной. Так ли это? Нет, не так. Об обратном свидетельствует возврат земельных владений прежним владельцам из земщины[79], исчезновение всяческих упоминаний «опричного братства», казнь многочисленных лидеров опричнины, расформирование опричной администрации и, главное, *растворение опричного корпуса в вооруженных силах Московского государства*[80]. Вероятно, дух опричнины сохранился? Но это очень уж неуловимая, невидимая материя. Власть государя несколько усилилась по сравнению с серединой века, да… но те же Иван III и Василий III безо всякой опричнины умели концентрировать колоссальную власть в своих руках. Идеология самодержавия не была разрушена? Во-первых, если что-то от нее и осталось после тишайшего правления Федора Ивановича и чудовищного призрака Смуты, то оно и к лучшему. Во-вторых, прямо ассоциировать идеологические концепты и их практическое выражение в политике – значит ставить знак равенства между молотком и словесным описанием молотка.

Можно согласиться с тем, что увеличились возможности государя вытаскивать из гущи худородных дворян дельного человека и продвигать его по службе. Сохранился до поры до времени и «особый» двор государя, помимо двора земского. И это самый серьезный осколок и самое серьезное последствие опричнины[81]. Но и служилая аристократия подтвердила свое право быть преобладающим источником для рекрутирования высших управленцев и воевод. Ведь не обошелся без нее государь… А во второй половине 80-х годов XVI века она

вытеснила выдвиженцев Ивана IV из верхних административных эшелонов. «Двоение» государева двора прекратилось, поскольку «особый» двор, искусственно поддерживаемый Иваном Васильевичем, прекратил свое существование. Нет, положительно, расширительное толкование Альшица неосновательно. 1572 год затворил врата опричнины навсегда.

Отзвук опричнины

В 1575 году произошло странное событие, которое многими раньше трактовалось как рецидив опричнины. Иван Васильевич вновь выкроил себе особый удел в тверских землях и возвел на русский престол крещеного татарского царевича Симеона Бекбулатовича, даровав ему титул великого князя Московского. Номинально правил Симеон Бекбулатович, от его имени составлялись жалованные грамоты и указы, а истинный государь отправлял на имя «великого князя Московского» челобитные, написанные в юродском стиле и содержащие пожелания-инструкции. Соловецкий летописец дает краткое описание того странного времени: «Государь царь на Московское великое княженство на государьство посадил великого князя Симеона Бекбулатовича, а сам государь пошел „на берег“ на службу и стоял все лето в Колуги. А был на великом княжении год неполон. И после того пожаловал его царь и государь великий князь Иван Васильевич всея Русии на великое княжение на Тверь, а сам государь опять сел на царство на Московское»[82]. Реальной власти у Симеона Бекбулатовича было совсем немного, монеты с его именем не выпускались, иностранные дипломаты не вели с ним переговоров, в разряды его имя не вошло, сокровищница и царские инсигнии оставались под контролем Ивана IV. Историки выдвинули множество версий, чтобы объяснить столь странный шаг московского государя. В настоящее время наиболее вероятной считается (и вполне справедливо) та, которая опирается на фразу Пискаревского летописца о неких «волхвах» (астрологах), предсказавших на тот год кончину «московскому царю». Страх государя перед изменой подстегивался действительным заговором «сорока дворян», о котором сообщает имперский дипломат Даниил Принс из Бухау[83]. Во времена правления Симеона Бекбулатовича (1575–1576) очень хорошо виден «особый» двор Ивана Васильевича, территориально и административно удаленный от земских служб[84]. Любопытно, что, в отличие от времен опричнины, государь позаботился о включении в состав «дворовой» территории тверских, псковских и

новгородских «прифронтовых» земель. Иван Васильевич готовился к решающей битве за Ливонию.

Очевидно, с этим надо связывать сбор денежных средств, а также обширные земельные раздачи тех лет детям боярским, низшему слою военно-служилого класса. Государю хотелось, вероятно, перед масштабным наступлением 1577 года пополнить вооруженные силы хорошо обеспеченными (а значит, хорошо вооруженными) бойцами. При этом командный состав полевой армии ничуть не демократизируется, и особых «дворовых» корпусов на театре военных действий не появляется. А «дворовые воеводы» присутствуют как командные лица «государева полка» в составе крупных общеармейских соединений, например, во время того же похода 1577 года[85].

* * *

Привела ли опричнина к серьезным изменениям в социально-политической жизни Московского государства? Нет. Система чрезвычайных мер, вызванных противоборством царя и высших родов титулованной аристократии, разожженная нуждами войны, она проводилась в жизнь непродуманно, драконовскими способами. Большой кровью приправленная, на ходу перекраиваемая, опричная реформа была попыткой переделать многое; отступив от первоначальных своих замыслов сначала в 1570-м, затем в 1571-м, а окончательно в 1572 году, Иван Васильевич кое-что сохранил за собой; это «кое-что» продержалось не далее середины 80-х. И даже укрепление единодержавия и самовластия царского, достигнутое в результате опричнины, не столь уж очевидно. Личная власть Ивана Грозного – да, укрепилась несомненно, если сравнивать с 1540—1550-ми годами. Но увеличилось ли поле власти для его преемников на русском престоле? Прямых доказательств этому не видно.

Опричнина не принесла благих результатов государству Российскому. Эти семь с половиной лет ничего не дали в смысле внешней экспансии. Самая большая военная удача того времени – разгром Девлет-Гирея (1572). Но русские ратники отбились от крымцев в ту пору, когда опричной военной машины уже и след простыл…

Однако и это еще не всё. Опричнина явилась поражением не только для всей страны, но и лично для Ивана Грозного. Его детище, казавшееся изначально столь многообещающим, потерпело крах. Его «постановка» провалилась. Он не сумел обойтись без княжат. Он не сумел решить стратегические задачи

на западном фронте и дал врагу сжечь столицу. По большому счету, Иван Васильевич получил жестокий урок. Избавился ли он от самомнения? Избавился ли он от гнетущих страстей, от жестокости? Ничуть не бывало. Еще будут казни, много казней, еще новгородского владыку Леонида станут травить собаками, зашив в медвежью шкуру, а потом уморят в тюрьме. Еще будут от монаршего имени написаны заносчивые послания соседним государям. Шведскому королю Юхану III достанется за «мужичье» происхождение, а польскому королю Стефану Баторию – за то, что его возвели на престол по «многомятежному» человеческому хотению, а не по Божьему изволению[86]. Но результат самой главной войны в жизни первого русского царя – Ливонской – от этой заносчивости ничуть не изменится и не превратится из поражения в победу.

Как видно, не дает Бог доброго финала затеям, построенным на страхе, гневе, свирепости. А судьбы тех, кто не хочет понимать этого урока, сами превращаются в печальный урок для потомков…

Аристократы

1. Отец-основатель. Опричнина глазами боярина Алексея Даниловича Басманова

Начнем с того, как выглядела опричнина в глазах тех, кто ее создавал, кто ее холил и лелеял, кто был искренне рад ее появлению. Пусть это будет фигура одного из ее лидеров. Пусть это будет весьма значительная личность. И не только в опричнине, но и за ее пределами. Такая персона должна отвечать двум требованиям: во-первых, быть в числе главных лиц опричной системы и, во-вторых, высоко стоять в среде русской служилой аристократии еще до опричнины…

Подобных людей немного.

И наверное, самым заметным из них является боярин Алексей Данилович Басманов-Плещеев – один из лучших наших полководцев XVI века, деятель великих дарований и великих страстей. Большой русский человек – большой в грехах и добродетелях, худо влезающий в театральные прописи положительного героя или классического злодея.

Что там говорят и как там действуют герои любимых романов – французы с брабантскими кружевами, со шпагами и с перьями на шляпах? Как там лукавствует Шико, кого там любит толстоногая Маргарита Наваррская, кто смертно обидел тонкую аристократку графиню де Монсоро? О! Мелкие всё персонажи. С легким, небоевым оружием. Эмоции дворцов, легкие уколы тщеславия и сладострастия… Александр Дюма изобразил своих лучших героев такими, будто их душами и сердцами правили игрушечные чувства его современников-буржуа. Как он страдал, ох! А как она страдала, м-м-м! А как он троих на шпагу наколол, вот ловкач! А как она мужа обманула, глядите-ка – настоящая плутовка! Франция XVI века – страна поистине варварская, кровью залитая, грубая до умопомрачения, без конца заряжавшая пушки, жизнь человеческую ценившая то ли в су, то ли и вовсе в денье, лихая мастерица варфоломеевских ночей и войн за веру, смеялась бы над ребятенками со шпажонками, буде кто-нибудь с помощью машины времени перенес бы туда «Королеву Марго», «Сорок пять» или «Графиню Монсоро». Но средневековую реальность воспринимали и продолжают воспринимать по этим книгам. Так вот, какая разница – насколько отличались настоящие французы от французов дюмашных! Важнее, насколько русские того же времени отличались от тех и других. Герои нашей истории XVI столетия – будто тяжелые, черным камнем сложенные утесы в окружении невысокого затейливого

кустарника, если сравнивать их с чередой литературных персонажей Александра Дюма.

И в числе немногих высится устрашающей горой над этими утесами великий Басманов, кровь проливавший за Россию, мужественный борец с дикой кочевой угрозой, покоритель немецкой Ливонии, жизнь истерший в походах, воитель жестокий, человек властный, крупный. Это фигура, способная вызвать почтение и одновременно напугать. В нем нет литературной легкости, это дикий камень, едва обточенный с боков сложной православной культурой. Истинное дитя своего времени и своей среды – высокородной знати. Храбр, умен, честолюбив, изворотлив, талантлив. Он был готов погибнуть за отечество на поле брани. В то же время Алексей Данилович скоро становился на путь порока, когда видел в том большую выгоду для себя лично и для своего многочисленного семейства.

Ведь что такое русский человек XVI столетия? Стоил ли он сколько-нибудь много сам по себе? Перед лицом Бога, как христианин, украшенный добродетелями и обезображенный грехами, – да, несомненно. Как даровитый писатель, политик, полководец, зодчий – да. Для потомков, разглядывающих его судьбу из Нового времени, для наших современников, такой человек выделяется из общей массы. Но по тем временам любые грехи его, любое благочестие и любые способности значили что-то лишь в совокупности с достоинствами и слабостями его рода. *Род возвышал человека, род мог его и унизить. Честь родовая, знатность, доброе имя давали право на высокие посты по службе. Зато провинность одного «служилого человека по отечеству» – как тогда называли дворян – бросала тень на всю его многочисленную родню. Один имеет заслуги перед троном, – так они укладываются в копилку заслуг всего семейства; один проштрафился, ушел за рубеж, был казнен или «удостоился» опалы – так и родня его разделит с ним холод немилости монаршей. Даже самый знатный аристократ вне рода своего был неизвестно что, просто какая-то немыслимая величина. Все местнические счеты или, как тогда говорили, «тяжбы в отечестве», всегда и неизменно бывали сопоставлением одного семейства с другим, а не отдельной личности с другой. Служили родами, родами возвышались и родами же падали. Все стояли друг за друга горой; а кто не стоял, тот выглядел уродом и негодяем.* Родные братья могли ссориться из-за вотчин и поместий, но это считалось внутриродовой склокой. Как только некто *извне* начинал обижать одного из них, так все с готовностью выходили отстаивать общую родовую честь.

Так и Алексей Данилович Басманов-Плещеев: он был великим человеком, но прежде всего – частью большой семьи.

И только после этого все остальное…

В массовом историческом сознании с опричниной связаны прежде всего две персоны: царь Иван IV и Малюта Скуратов. Однако главным советчиком Ивана Васильевича и, можно сказать, отцом этого причудливого учреждения был другой человек. Пискаревский летописец под 1565 годом сообщает о начале опричнины следующее: «В том же году попущением Божием за грехи наши возъярися царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси на все православное християнство по злых людей совету Василия Михайлова Юрьева да Олексея Басманова и иных таких же, учиниша опришнину разделение земли и градом»[87].

Василий Михайлович Захарьин-Юрьев не сыграл в опричнине сколько-нибудь заметной роли, а в 1567 году он умер. Его сын Протасий был записан в опричники, но служил на довольно скромных должностях.

Другое дело – Алексей Данилович Басманов-Плещеев, отдаленная родня В.М. Захарьина-Юрьева[88]. На протяжении нескольких лет Басманов играл роль наиболее влиятельного лица в опричнине – после самого царя, разумеется. Именно он формировал боевой опричный корпус и вывел на высшие должности собственную родню, в первую очередь сына Федора.

На верхушке военной системы опричнины в разное время стояло всего восемь человек: Иван Дмитриевич Плещеев Колодка, Андрей Иванович Плещеев-Очин, Захарий Иванович Плещеев-Очин, Федор Алексеевич Басманов-Плещеев, князья Михаил Темрюкович Черкасский, Федор Михайлович Трубецкой, Андрей Петрович Телятевский и Василий Иванович Телятевский (или Иван Петрович Зубан Телятевский). Все они принадлежали к родовитым семействам служилой знати. Ни один не может ассоциироваться с «худородным», «провинциальным», «городовым» дворянством. Четверо из восьми – родня Басманова-Плещеева. И какая родня! Из четверых только один (!) имел сколько-нибудь значительный опыт военного командования – Захарий Иванович Очин-Плещеев. Да и тот был, что называется, «битым волком». Дважды он терпел тяжелые поражения на литовско-ливонском фронте. Этих горе-полководцев удалось – благодаря протекции со стороны «главы клана» – возвести на самую вершину опричного боевого корпуса, они командовали тысячами людей! Более того, помимо них еще Иван Иванович Плещеев-Очин и его брат Никита Иванович ходили в воеводских чинах; видным воеводой в опричнине был сродственник Плещеевых князь Иван Петрович Охлябинин.

Вот какую власть имел Алексей Данилович.

Он-то и был истинным «отцом опричнины».

В возвышении его содержится суть того явления, каким была опричнина. Понять судьбу Басманова – значит понять источник силы, которой опричнина налилась до краев, чтобы простоять нерушимо семь с половиной лет.

Родом из старого боярства

Алексею Даниловичу Басманову до того, как он оказался главным советчиком царя в деле учреждения опричнины, предстояло проделать долгий и многотрудный путь от одной смертельно опасной службы к другой.

Басманов – одна из центральных фигур грозненского царствования. Для современного исследователя именно на нем перекрещиваются поля двух принципиально различных способов исторического мышления – с одной стороны, истории масс, классов, длительных периодов, социально-экономических закономерностей, а с другой – истории казуальной, персональной, связанной с элементом случайного, индивидуального, единичного. В рамках первой из них чуть ли не лучшим материалом служат данные статистики, «учетных документов». В рамках второй краеугольным камнем реконструкции прошлого может стать жест, эпизод, каприз…

Итак, с одной стороны, Алексей Данилович Басманов – выдающийся выходец из среды старомосковского боярства (как и В.М. Захарьин-Юрьев, кстати упомянутый рядом с ним в известии Пискаревского летописца). Это отпрыск рода, служившего Московскому княжескому дому как минимум с первой половины XIV столетия.

На протяжении нескольких поколений перед выходом Алексея Даниловича на политическую сцену его семейство давало Московскому государству полководцев и администраторов, стоявших на самом верху управленческой иерархии. Дед нашего героя – Андрей Михайлович Плещеев – был видным дипломатом, добился положения боярина, сватал знаменитую Елену Волошанку, вступившую впоследствии в брак с наследником престола. Плещеевых нередко назначали на воеводские и наместнические должности. Некоторые из них добились думных чинов, хотя карьерное продвижение семейства затруднялось его близостью ко двору удельного князя Юрия Дмитровского[89].

При Иване IV большой вес набрала ветвь Басмановых, происходящая от Данилы Андреевича Басмана Плещеева – родителя Алексея Даниловича.

Таким образом, его отец, он сам и его потомство могли по

одной только знатности рода, в сочетании с заслугами его перед правящей династией, претендовать на очень высокие места в армии и административном аппарате.

Алексей Данилович никогда не знал бедности. БоUльшая часть русского дворянства того времени – как провинциального, так и московского – стояла в невидимой иерархии знатности ниже, намного ниже, *несопоставимо ниже* его семейства.

Но.

Были люди и повыше его. Десятки семейств, с которыми Плещеевым было не тягаться…

Старинные боярские рода Москвы прошли своего рода «проверку на лояльность» в третьей четверти XV столетия. Тогда Московский княжеский дом раскололся и началась долгая междоусобная война, полная крови, подлости, предательства… В конечном итоге на московском престоле укрепился государь Василий II Темный. Его сторонники из боярской среды возвысились, а его противники потеряли прежнее влияние. Плещеевы поддержали Василия II и на протяжении нескольких десятилетий получали думные чины, занимали важнейшие должности. При Василии III их несколько подкосила опала, связанная со слишком тесной связью рода с Дмитровским уделом. Однако это было далеко не падение, а лишь некоторое ухудшение карьерных перспектив.

Гораздо важнее другое. Вся среда древнего московского боярства испытывала натиск новой силы. Крепкие кости родов-служильцев, много поколений назад прилепившихся к московским князьям, давали трещины и ломались, когда их начали оттеснять от насиженных мест у подножия престола.

При Иване III Великом и его сыне Василии III территория Московского государства росла как на дрожжах. На службу к московским правителям перешло великое множество титулованной знати из новоприсоединенных земель; немало княжеских родов выехало также из Литовской Руси, предпочтя служить единоверным монархам. Служилые князья на Москве – не редкость, они и прежде выезжали из дальних мест, чтобы устроиться под могучей рукой великого князя. Разница состоит в количестве. Конец XV – первые десятилетия XVI столетия привели в Москву больше княжат, чем явилось на московскую службу за все предыдущие времена. Для истории Московской Руси несколько десятилетий – очень маленький срок. Можно сказать, пополнение служилой знати прибыло в Москву «залпом».

Все эти гордые и большей частью богатые Рюриковичи, Гедиминовичи, потомки ордынской аристократии превосходили по знатности московское боярство. У их предков (а то и у них

самих) имелись собственные бояре… Политическими же амбициями они были как минимум равны старомосковской нетитулованной знати.

Прежних прав на почти полную независимость они лишились. Были «полудержавными властелинами», стали же великокняжескими слугами, людьми подчиненными… В качестве замены требовались им места на вершине власти – у самого трона московских самодержцев. Иван III давал подобного рода «компенсацию» не торопясь, без спешки. Но его сын столь твердой политической воли не имел. К тому же Василий III на протяжении долгих лет вел жестокое, изнурительное противоборство с Литвой и принужден был с особым покровительством относиться к выезжей знати. В московско-литовском противостоянии чаши весов то и дело менялись местами, любая свежая сила могла оказаться решающей. Вот и давал великий князь Василий Иванович больше, гораздо больше, чем его отец…

И старые рода московских служильцев почувствовали, как для них становится все меньше места у кормила управления страной.

Главные решения московский великий князь принимал, предварительно обдумав с аристократическим советом – Боярской думой. Право на «думный чин» отличает наиболее влиятельные рода русской знати. Особенно если это высший чин, чин боярина (ниже стояли окольничие, думные дьяки, затем появились еще и думные дворяне).

Допустим, семейства нетитулованной московской знати сохранили возможность добиваться думных чинов. Их представителей в Боярской думе оставалось немало – хотя и меньше, чем прежде. Но военная служба… о, это совсем другое дело. Тут шансов сделать карьеру оставалось все меньше и меньше.

Вот и статистика.

Автор этих строк проанализировал, как падали ставки старомосковских нетитулованных аристократов на протяжении почти столетия. Источники дают возможность увидеть, кто назначался на высшие командные должности в нашей армии примерно с 70-х годов XV века, то есть со времен присоединения Новгорода Великого. Цепочка назначений прослеживается на протяжении всего XVI века и уходит далее – в XVII век. Но нет причин забираться столь далеко во времени. Достаточно проследить динамику назначений до указа 1565 года об учреждении опричнины.

Во времена правления Ивана III Великого из крошева отдельных совершенно независимых лоскутков рождалась

великая держава, которая вскоре примет имя Россия. Москва вела наступление на всех фронтах. Верные старинные рода исправно поставляли храбрых, заносчивых, с младых ногтей приученных к военному делу, весьма энергичных и готовых драться с кем угодно полководцев.

Что ж, представители русской нетитулованной знати занимали в армии весьма прочные позиции.

Каждый год несколько десятков, а то и несколько сотен знатных людей назначались воеводами, во-первых, в крепости и, во-вторых, в полки действующих полевых соединений. Как правило, воевод ставили в каждую крепость больше одного, если это не была совсем уж маленькая приграничная крепостица с ничтожным гарнизоном. Отправляясь туда, воевода знал, что проведет на этой службе примерно год (если его не задержат на второй, а то и на третий), и называли подобную службу «годованием». Самые ответственные воеводские посты занимали те, кого отправляли годовать во Псков, Новгород Великий и Смоленск; во второй половине столетия к этому списку добавились Казань, Астрахань и – ненадолго – Полоцк.

Но еще более важной и еще более ответственной командной работой являлось назначение в полки действующей армии. У России того времени не было постоянно существующих воинских частей и соединений – батальонов, бригад, дивизий, корпусов. Каждый раз, когда требовалось послать на врага армию, ее заново создавали, а после похода распускали по домам, оставив часть войск охранять завоеванные города и крепости. Так вот, формируя армию, Разрядный приказ[90] составлял ее из «большого полка», «полка правой руки», «передового полка», «полка левой руки», «сторожевого полка», «ертаула» (дозорно-разведывательный отряд), «наряда» (армейской артиллерии), «посохи» (толпы невооруженных или слабовооруженных «даточных людей», занимавшихся инженерно-строительными работами) и «коша» (обоза). Когда с армией выступал в поход сам правитель московский, то к ней присоединялся отборный «государев полк» или «государев двор». Таков самый полный состав русской армии, развернутой для действий в поле. В подобных случаях боевое ядро соединения составляли десятки тысяч дворян, боевых холопов, стрельцов, пушкарей, казаков, европейских наемников, а посоха по численности своей могла превосходить его (но ее собирали не часто, в основном – когда ожидались тяжелые осадные работы). Но, разумеется, в подавляющем большинстве случаев русская полевая армия выходила в меньшем составе: 6 полков – без коша, посохи, ертаула, государева двора, 5 полков – то же самое, но еще и без

сторожевого полка, или 3 полка – большой, передовой, сторожевой. Иногда «наряд» придавался армии, иногда – нет, особенно если перед ней не ставилась задача взять какую-либо крепость. Чаще всего в поход отправляли 3 или 5 полков. В каждом полку были свои воеводы, причем исключительно редко на полк ставили всего одного воеводу. Чаще – двух, трех, а то и четырех. Но старшим был именно первый. Старшинство назначений в армии зависело от того, в какой полк попал тот или иной военачальник. В середине XVI века были строго определены иерархические отношения как между полками, так и между их командирами. Например, сторожевой полк был «честию ниже» передового, а полк правой руки превосходил полк левой руки. Безусловно «старшим» среди всех полков был большой. И тот полководец, которого ставили первым воеводой большого полка, считался главнокомандующим во всей армии. Прочие командиры обязаны были ему подчиняться.

Списки военачальников, назначенных на посты воевод и на более низкие – голов, есаулов, каждый год заносились в книги «Государева разряда». Или, проще, в разрядные книги. Они дошли до наших дней и отлично передают атмосферу борьбы за воинские назначения. Когда воеводам, которым надлежало собраться для очередного похода, давали реестры всех тех, кто в этом походе будет с ними служить, они могли воспротивиться и не взять эти списки. Иными словами, отказаться от службы, что, по понятиям того времени, грозило тяжелой опалой. Тем не менее, если кто-то из знатных людей видел, что на равный пост или – не дай бог! – на более высокий назначили человека более «худородного», они предпочитали скандал, местническую тяжбу, опалу, тюрьму, даже пострижение в монахи, лишь бы не признавать равным себе или же знатнейшим кого-то, кто был ниже «отечеством». Этот их обычай понятен. Ведь каждая новая расстановка воевод четко фиксируется и служит прецедентом на ближайшие десятилетия. Выходит, сегодня ты уступил, признал «местническую потерьку», а завтра твой сын из-за этой потерьки угодит на более низкую должность, чем мог бы претендовать. А послезавтра от твоей уступчивости пострадает внук. Нет, невозможно! Интересы рода выше интересов одного человека, он должен страдать, если этого страдания требует родовая честь и родовая выгода. А государь между тем мог наказать, но мог и дать бумагу, где сказано: «в поход идут без мест», то есть «потерька» не будет засчитана, а мог и «войти в положение» да и назначить другой воеводский состав.

В Москве к таким проблемам относились очень серьезно. Конечно, могло случиться, да и случалось так, что в боевой

обстановке местнический спор приводил к срыву операции, невыполнению задачи, а то и просто к разгрому. Но эти тактические потери все-таки компенсировались стратегическим выигрышем. Сложная система местничества давала военно-служилому классу возможность гасить внутренние распри мирным путем. С помощью суда государева или, если монарх пожелает, по решению боярской комиссии, специально назначенной для разрешения тяжбы. В противном случае борьба за первенство в верхних эшелонах власти, особенно в армии, могла бы принять вооруженные формы. Дрались бы каждый с каждым, лили бы кровь не на поле боя, а еще не отправившись в поход. Теряли бы силы напрасно. Так вышло в Польше и Литве: магнаты смертным боем бились друг с другом, напуская на села и города неприятеля банды небогатой шляхты… Нет, русское местничество – поистине великое социальное изобретение! Оно избавило страну от многих бед, оно предотвратило великое кровопролитие.

Другое дело, что статистика разрядных книг со всей очевидностью показывает: позиции старомосковского боярства в этой местнической иерархии очень быстро, буквально на протяжении жизни одного поколения, резко ухудшились.

Если взять времена Ивана III Великого, когда на московской службе уже пребывало немалое количество князей, но все же не так много, как окажется их при его сыне, то положение старинных боярских родов выглядит благополучным. В 32 произвольно взятых походах 1478–1505 годов командующими отдельных соединений[91]26 раз назначаются персоны княжеского рода и 6 раз – боярского. Общее соотношение, таким образом, почти один к четырем. А вот на 65 титулованных аристократов, которым доверяли командовать отдельными полками в составе полевых соединений, приходится целых 40 нетитулованных! На этом уровне отпрыски боярских родов успешно соперничают с представителями княжеских семейств. Если пытаться перевести эту картину на язык современных понятий, получится вот что: в «маршалы» нетитулованную знать пускают нечасто, но все-таки пускают, а вот на «генеральские» должности она идет в массовом порядке.

Уже первые годы правления Василия III принесли заметные изменения. В 20 произвольно взятых походах 1505–1512 годов полковых воевод без княжеского титула всего 18, в то время как титулованных – целых 53! Правда, на уровне командования армиями резкого разрыва с прежним положением вещей не видно: на 15 командующих-князей приходится 5 человек из боярских родов. Зато вторая половина княжения Василия III дает

принципиально иную картину: на материале других 20 произвольно взятых походов видно, какое преобладание получила титулованная знать. Ее представители становились во главе армий 18 раз, а выходцы из московского боярства только 2 раза. Соотношение полковых воевод 58 к 20. Иными словами, в начале 30-х годов XVI столетия, на закате правления Василия III, старомосковское боярство должно было чувствовать себя в условиях армейской службы гораздо менее уверенно, чем при Иване III.

И трудно было Василию III поступать иначе. Он слишком долго и слишком трудно воевал с Великим княжеством Литовским. Одна из русско-литовских войн, состоявшихся в его правление, заняла целых 10 лет! В такой обстановке московский правитель обязан был находить высокие должности для русских князей, выезжавших из Литвы, обеспечивать им почетное положение и раздавать богатые земельные владения. Даже если это шло вразрез с интересами старинного, верного боярства. Иначе эти князья вновь «выехали» бы… только уже в Литву из России. Трудно определить, не слишком ли далеко пошел по этому пути Василий III? Не слишком ли много он дал пришельцам?

Но то, что произошло дальше, представителю московской служилой среды во времена Ивана III не могло бы присниться даже в самом дурном сне.

За все годы со дня смерти Василия III (1533) до второй половины 1550-х из боярских родов только четыре раза был взят военачальник на должность командующего крупным самостоятельным полевым соединением[92].

Всего четверо!

За четверть столетия!

Это Иван Васильевич Большой Шереметев, вышедший в поход против крымского хана в 1555 году. Поход, к слову сказать, кончился поражением в тяжелой и кровопролитной битве. Это В.А. Шереметев, Ф.С. Воронцов и И.П. Яковлев, возглавлявшие небольшие армии в разное время. Причем между 1545 и 1554 годами ни один нетитулованный аристократ не был в главнокомандующих. Только княжата! Итак, на два с лишним десятилетия военная карьера для московского боярства стала худшим поприщем изо всех возможных. Для всей этой среды служебный рост «замерз». *На протяжении приблизительно полусотни (!) походов ни один отпрыск боярского рода не оказывался во главе войска*. Между поражением Шереметева и созданием опричной системы положение боярства не меняется: лишь считаные единицы оказываются в роли «командармов» на

второстепенных направлениях (Д. Адашев, С. Яковля).

Более того, при Елене Глинской (1533–1538) и в годы «боярского царства» (1538–1547) даже полковых воевод из боярской среды выбирают не чаще, чем в одном случае из пяти-шести. Выходит, целое поколение молодых людей знатного рода, честолюбивых, отважных и амбициозных, должно было осознать: *им никогда не подняться выше отцов; им даже никогда не подняться на тот уровень, которого достигли отцы!*

Царствование Ивана IV, породнившегося с могущественным боярским семейством Захарьиных-Юрьевых, приносит московской нетитулованной знати некоторое облегчение. Со второй половины 1540-х годов до середины 1560-х она дает приблизительно 25 % от числа всех полковых воевод. Иными словами, возвращается норма времен Василия III, но никак не Ивана III.

Что это значит в конечном счете? Старомосковские боярские рода в середине XVI века должны были чувствовать себя жестоко обиженными и несправедливо обойденными на военной службе.

Очевидно, А.Д. Басманов, как представитель старого боярства, разделял его тревогу и недовольство.

С другой стороны, при дворе Ивана IV служили десятки знатных, богатых, настроенных на блестящую карьеру выходцев из той же среды, и, надо полагать, немногие из них были избавлены от ревнивого чувства в отношении высших родов княжат. Вот грянула опричнина. Традиционный порядок переменился. Старинные боярские семейства добились своего шанса на реванш. Они полновластно уселись в опричной Боярской думе, нашли себе должности администраторов и судей, они пришли в опричный боевой корпус и получили там высокие воеводские посты. В опричной Думе первого призыва преобладало старомосковское боярство. Там были: Иван Чеботов, Лев Салтыков, Федор Умной-Колычев, Алексей Басманов, Захарий Очин-Плещеев, Василий Яковлев, возможно, Василий Захарьин-Юрьев. В опричной армии до середины 1570 года также преобладала старомосковская боярская среда. В числе выдающихся опричных военачальников был Василий Иванович Умной-Колычев, возглавлявший отдельные отряды опричников. А Плещеевы составили 50 % главнокомандующих опричными войсками до 1570 года! Таким образом, в опричнину попало немало умных, опытных в военных и административных делах представителей старомосковских боярских родов. Как уже говорилось, это был своего рода реванш нетитулованной знати, хотя и кратковременный…

Но.

Даже на богатом фоне цветущего честолюбия, новых карьерных возможностей, управленческих и полководческих талантов выше всех поднялся все-таки Басманов.

Именно его личные психологические особенности, именно его ум и командирский дар превратились в тот рычаг, с помощью которого был перевернут государственный строй России. Мало того, оный «рычаг», обладая душой и волей, сумел заставить работника, взявшего его в руки, действовать так, как ему, «рычагу», казалось правильным и полезным…

Алексей Данилович – столь крупный деятель середины XVI столетия, что без него, быть может, не случилось бы никакой опричнины, а хоть бы и возникла опричная система, кадровый ее состав и важнейшие принципы устройства, надо полагать, сложились бы совершенно иначе. С этой точки зрения «персональное дело» боярина Басманова обретает для историка старомосковской государственности исключительную важность. Быть может, судьба Алексея Даниловича содержит в себе не только объяснение того, как действовали социальные механизмы Русской цивилизации того времени, но и некую притчу, дарованную силами небесными.

Этот человек перенес ограничения на военном поприще столь тяжелые, как, может быть, никто другой. Он показал на ратном поле большую личную храбрость, расторопность, энергию и тактический талант. *Но сами условия службы позволяли ему оказываться на первых ролях только по воле случая*. Иначе говоря, Басманов должен был хвататься за любую, самую фантастическую возможность, чтобы возглавить армию и проявить в бою свои способности. Полное преобладание титулованной знати в военном командовании делало из Алексея Даниловича фигуру, лишенную права на самостоятельное действие.

Он всегда *при ком-то*.

На протяжении долгих лет он «вечный второй».

Взглянем же на судьбу Алексея Даниловича и на опричнину его собственными глазами.

На «степном фронте»

Судя по разрядным книгам, первую сколько-нибудь заметную должность Алексей Данилович получил в первой половине 1544 года. Его отправили третьим воеводой в Елатьму. Не бог весть что, однако, как тогда говорили, тоже «именная служба». Между тем Басманову уже около тридцати лет. Отец его умер, когда он еще агукал в пеленках, то ли даже не родился[93]. По обычаям XVI

века, уже к двадцати годам молодой человек из знатной семьи должен был приобрести изрядный служебный опыт. А к тридцати иной служилый аристократ удостаивался командовать армиями… Как видно, служебный рост Алексея Даниловича, безотцовщины, на первых порах шел очень медленно. Пришлось ему лет десять, а то и пятнадцать тянуть лямку вместе с командирами младшего звена.

У разрядных книг есть одна особенность: они тем лучше «улавливают» имя служилого человека в сеть списков, чем более высокие посты он занимал. Благодаря этому источнику столь многое известно о воеводах. А вот о воинских головах – служильцах чином пониже воевод – разряды содержат на порядок меньший объем информации. А уж сотники, есаулы и командиры еще более низкого ранга встречаются там крайне редко. Так что о молодых годах Алексея Даниловича можно предполагать одно из двух. Скорее всего, он ходил в чинах ниже воеводских, а может быть, долгое время не мог подняться даже до уровня армейских голов. Менее вероятно другое: Басманов мог начать карьеру по преимуществу с назначений судебных или административных, а о них до наших дней почти не дошло сведений. Второе предположение выглядит сомнительным по одной простой причине: всю вторую половину жизни Алексей Данилович проведет в походах и войнах, являя очевидный тактический дар. Неужели так легко сменил он карьеру судьи, управленца на карьеру военачальника, начав притом с малого?

Около 1543 года положение Басманова осложнилось. В ту пору тринадцатилетний подросток Иван Васильевич номинально занимал престол великих князей Московских. За реальную же власть боролись придворные аристократические группировки. Басманов связался с «партией» Шуйских и принял участие в избиении царского любимца Ф.С. Воронцова. А былое всевластие Шуйских уже клонилось к закату, скоро они потерпят поражение… Так что участие в дворцовых интригах, скорее, худо повлияло на карьеру Алексея Даниловича. Возможно, обретя какой-то вес на «дворовой», то есть придворной, службе, Алексей Данилович все потерял, поставив не на тех людей, и отправился воеводствовать в небольшую провинциальную крепость?

Всё это предположения. Был ли отпрыск древнего боярского рода военачальником с молодых лет, перешел ли он на путь военной карьеры в силу поражения в придворных интригах – бог весть. Можно только строить гипотезы. В любом случае, если партия Шуйских даже и потеряла своего человека при дворе, то русская армия приобрела способного командира.

До взятия Казани (1552) он так и оставался на маловажных

постах: вторым воеводой «на Бобрике», вторым в Пронске, в подчинении у великого полководца князя Семена Ми-кулинского на Мещере… И только один раз ему доверяют командование небольшим отрядом, выступавшим из Мурома против казанских татар осенью 1548 года. Впрочем, это был малозначительный эпизод, ничего не изменивший в службе Басманова. Первыми же воеводами над ним – вторым или третьим – во всех случаях назначались аристократы княжеского происхождения.

Во всех!

К 1552 году Алексей Данилович получает высокий думный чин окольничего. Для его рода это обычное дело, тем более в возрасте, когда сорокалетие не за горами… Ничего выдающегося. Басманов оказался среди того самого поколения нетитулованной знати, которое столь много потеряло по части возможностей армейской карьеры. Между 1544 и 1563 годами он шесть раз вступал в местнические тяжбы на почве конфликтов об «отечестве». Из них четырежды – с княжатами.

Как полководец он постепенно накапливал опыт, набирался знаний о самой тяжелой войне изо всех, какие вело Московское государство в XVI столетии, – войне с татарами, – то и дело вспыхивавшей по всей восточной и южной границе России. Нет известий о каких-либо великих делах, совершенных им до «казанского взятия».

Казань подарила ему возможность отличиться. Новоиспеченный окольничий нес там караульную службу, числился есаулом при особе государя. Это почетная должность, но далеко не высокая. Не десятый, не двадцатый и даже не пятидесятый человек в огромной русской армии, пришедшей к стенам города. Алексей Данилович был тогда бесконечно далек от должностей, позволявших принимать тактические решения. Разъезжая ночами «для береженья» меж русских полков, осадивших татарскую столицу, уже далеко не юный Басманов мечтал о случае, который помог бы ему показать себя перед государем. И этот случай военачальнику в конце концов представился.

Алексея Даниловича отправили с отрядом на усиление передовых частей. Когда князь М.И. Воротынский со своими людьми двигал туры[94]поближе к стенам, на него внезапно напали татары. Сначала они разогнали христианское войско, но потом их с новыми силами атаковали русские воеводы. В то же время ногайско-казанский отряд «князя Зейнеша» ударил на русское расположение у туров во фланг. Их натиск также с успехом отбили. Однако угроза новой вылазки с самыми непредсказуемыми последствиями нависала над осаждающими.

Тогда царь отправил своего окольничего Алексея Басманова и казначея Фому Петрова с частью сил государева двора на подмогу потрепанным отрядам при турах. Вместе с князем Михаилом Ивановичем Воротынским, душой всего дела под Казанью, он принял участие в частном штурме, который закончился захватом башни и большого участка городской стены.

Дело было жарким, крови пролилось немало с обеих сторон. Летопись рассказывает о нем в красках: «Царь… благочестивый выйде ко граду, и видев воины царя своего[95], и вскоре вси устремишася на брань и мужественнее бравшеся с неверными на мостах… и воротех… и стенах. Ис пушек же безспрестани стреляху, и из пищалей стрельцы. Воини же бьющееся копьи и саблями, за руки имаяся. И бысть сеча зла и ужасна, и грому сильну бывшу от пушечного бою и от зуку и вопу от обоих людей и от трескости оружии, и от множества огня и дымного курения. И згустившуся дыму, и укрыл дым град и люди. Богу поспешуствующе крестияном, были крестияне на стенах градных и в воротах града от Арского поля»[96].

В лагерь, к государю и воеводам отправилось донесение князя Воротынского: успех! татары несут огромные потери, можно давать команду на общий приступ. Но штаб по какой-то причине счел неуместным бросать главные силы в бой. Как сообщает летописный источник, не все полки были готовы к делу, поскольку совокупное наступление армии на Казань в тот день не планировалось.

Так и сидели два дня Воротынский и Басманов да их ратники на захваченных позициях перед носом у татар. Положение их было таково, что каждый час мог принести последний бой с неприятелем и гибель за отечество. Оторванные от русского лагеря, они могли полагаться лишь на собственные силы. Но всё же выстояли.

А когда генеральный штурм Казани все-таки начался, Басманов неизбежно оказался на самом опасном участке и сумел добиться успеха. Во всяком случае, его «заметили». После того как наша армия отправилась домой, он был оставлен одним из воевод в завоеванном городе. Доблесть Алексея Даниловича обеспечила ему высокий пост: его назначили третьим воеводой «на вылазку». Опять – не первым. Но все-таки это была уже видная и ответственная должность. Начать поход есаулом, а закончить его воеводой – значит добиться признания своих заслуг.

И вот уже имя его мелькает в «свадебных разрядах» – списках почетных гостей на торжествах, связанных с венчанием особо важных особ: царя, членов царской семьи, служилых татарских

царевичей, наиболее знатных русских аристократов. Так, вернувшись из Казани, Алексей Данилович побывал на свадьбе служилого «царя» Симеона Касаевича, взявшего в жены Марью Андреевну Кутузову-Клеопину (ноябрь 1553 года). А в следующем году оказался на свадьбе князя И.Д. Бельского с Марфой Васильевной Шуйской.

До конца 1550-х судьба этого военачальника была накрепко связано с южным, степным «фронтом» Московского государства. А значит, приходилось биться с самым опасным противником России того времени – подданными крымского хана.

В 1555 году под Тулу, против подступающих крымцев, отправилась небольшая русская армия под командованием Ивана Васильевича Шереметева Большого. Для этого рискованной операции – как будто специально! – были отобраны исключительно те командиры, кто происходил из нетитулованных фамилий. Благодаря подобному стечению обстоятельств Алексей Данилович, пребывавший тогда в ореоле славы, добытой под Казанью, занял весьма высокую должность. Его поставили во главе передового полка, фактически сделав одним из первых лиц в полевом соединении.

Но поход 1555 года закончился героически и… страшно. Армия Шереметева столкнулась с превосходящими силами крымцев у Судьбищ, выдержала отчаянную рубку, на начальном этапе даже потеснила врага, однако была разбита после того, как Шереметев получил тяжелое ранение. Отступавшие русские части могли превратиться в легкую добычу врага.

Один из видных военачальников того времени, князь Андрей Курбский, через несколько десятилетий после битвы Шереметева с крымцами дал ее краткое описание в «Истории о великом князе Московском»: «Сошлись оба войска около полудня в среду, и была битва до самой ночи. В первый день Бог помог нам, множество басурман было побито, в христианском же войске мало было потерь. Вот только по излишней смелости врезались некоторые наши полки в басурманские – и был убит один сын знатного отца и два дворянина попали в плен. Их привели к царю[97], который приказал пытать их, и один вел себя как положено храброму и благородному воину, а другой, безумный, устрашился мук и рассказал все по порядку. „Войско, – говорит он, – в малом числе, и того лишь четвертая часть на твой стан[98]послана“. Царь татарский имел намерение той же ночью уйти в Орду, ибо боялся войска христианского и самого великого князя, но, послушав того безумного пленника, задержался. Утром в четверг, на рассвете, началась битва и продолжалась до полудня, и то наше малочисленное войско так храбро билось, что все полки

татарские были разогнаны. Царь один остался с янычарами (их было с ним тысяча с ручным оружием и немалым количеством тяжелых орудий). Но по грехам нашим в тот час сам полководец христианского воинства сильно был ранен и конь пал под ним и к тому же сбросил его с себя (так обычно бывает с раненым конем), но защитили его храбрые воины, сами едва живые, из которых половина погибла. Татары видели своего царя с янычарами и при орудиях, а наших воинов без полководца, как бы в замешательстве, хотя были при них и другие храбрые воеводы, но не так они были храбры и известны. Потом еще была битва… но, как сказано в пословице: „Если бы и львов стадо было, то без доброго пастыря оно не споро“».

Наступил критический момент: нашим полкам грозило уничтожение. Именно тогда Басманов впервые сыграл на поле боя выдающуюся роль. И главное, *самостоятельную*. Вместе со своим помощником Степаном Сидоровым он собрал разрозненные толпы русских и приказал создать из полковых обозных телег укрепленную позицию, используя овраг. Хан обрушился на отряд Басманова всеми силами – тщетно! Бросил против него команду пищальников – никакого продвижения! Велел открыть по кошевым возам артиллерийский огонь, однако и тут не преуспел. Воевода с бойцами «отсиделись», положив на месте множество атакующих. Боевое ядро армии все-таки уцелело и дождалось отступления крымцев, так и не сумевших взять обозную «крепость».

До наших дней дошло красноречивое летописное свидетельство о той сече: Алексей Данилович со Степаном Сидоровым «наехали в Дуброве коши[99]своих полков и велел тут бити по набату и в сурну[100]играти; и к нему съехались многие дети боярские и боярские люди и стрельцы тысяч с пять, с шесть и тут отсеклися[101]. И царь[102]к ним приступал со всеми людьми и с пушками, и с пищалями и до вечерни, и Божиим милосердием дал Бог Алексей Данилович тут от царя отсиделся, из луков и пищалей многих татар побили. И которых крымской царь поймал детей боярских, те ему сказали, что царь[103]и великий князь на Туле, а чают его на царя приходу. И крымской царь пошел назад наспех и Сосну перелез назавтрее. И пришол Олексей ко государю на Тулу в неделю со всеми людьми дал Бог здорово, а Стефана тут в засеке ранили из затинной пищали по колену, а на бою его копием ранили, и лежал пять недель и не стало его в чернецах в скиме на Москве…» «И жаловал государь воевод и детей боярских, которыя билися с крымцы». Битва была страшная, из 13 000 наших бойцов полегло и оказалось в плену более 7000.

Так Басманов одержал первую большую победу в своей

жизни.

И за нее получил высший думный чин, став к осени 1555 года боярином. А летом 1556 года он выступает в очередной поход против крымцев как один из бояр в свите государевой. С этого момента Иван IV должен был хорошо узнать Алексея Даниловича.

Слава? Карьера? Да! Но против тех же крымцев на степной юг Алексею Даниловичу еще придется выходить неоднократно… под командой воевод-князей. Притом не то что бы вторым или третьим человеком в армии, а… третьим в том же передовом полку. Заслуги заслугами, а знатность знатностью.

Разве могло это не уязвлять гордость Басманова?

В Ливонии

В 1558 году началась Ливонская война. На ее начальном этапе Басманов стал одним из военачальников, использовавшихся в боевых действиях с наибольшей частотой. Он опытен. Он храбр. Он талантлив. Он, в конце концов, давно разменял пятый десяток. И что же? Кем же его назначают в ударных армиях Московского государства?

Зимний поход 1558 года – *второй* воевода в передовом полку;

Большой поход на Феллин 1560 года – *второй* воевода в полку правой руки;

Взятие Полоцка в 1563 году – *третий* воевода в передовом полку.

И только осенью 1559 года, когда собирали корпус для похода против ливонского магистра, рвавшегося к Юрьеву, Басманов получил под команду передовой полк. Да и то сказать, единственным воеводой с княжеским титулом был в Юрьевском корпусе Ю.И. Темкин, быстро смещенный. Если б не это, если бы пришлось и здесь конкурировать с титулованной аристократией, не видал бы заслуженный и прославленный Басманов поста 1-го полкового воеводы как своих ушей…

О Ливонской войне усилиями публицистов и – что горше и печальнее – профессиональных историков создано несколько мифов. Один из них, возможно самый распространенный, касается причин ее. Сколько раз писали и говорили по телевизору о том, что России надо было «прорубить окно на Балтику» или, иначе, «встать твердой ногой» на Балтийском побережье. К этому обычно добавляют несколько прочувствованных слов о необходимости «наладить морскую торговлю с Европой», получать «стратегически важные грузы», свободно принимать иностранных специалистов – инженеров, лекарей, военных

наемников. Да, ливонские немцы противились прямым торговым отношениям «московита» с Европой, а поляки – еще того более. Да, прибытие важных для Московского государства специалистов через Прибалтику было весьма затруднено. Некоторых откровенно не пускали в Россию. Более того, ливонский магистр заключил с Великим княжеством Литовским договор против России, где прямо обязался не пропускать через свою территорию товары и специалистов, которые могли бы способствовать усилению Московской державы.

Но.

«Окном в Европу» Россия располагала в течение многих столетий, и никто его до поры до времени не смел отнять. Под властью государей московских была Ижорская земля – старинное владение Новгорода Великого, присоединенного со всеми землями к Москве еще в 70-х годах XV столетия. Побережье реки Невы, том числе и то место, где сейчас раскинулся Петербург, также было русским. Хотелось бы подчеркнуть: оно было русским до начала *Ливонской войны*. А к нему прилежали на севере и юге изрядные куски побережья Финского залива. Потеряют эту землю наши предки только в 10-х годах XVII столетия, после ожесточенного сопротивления, в результате ужасающей Смуты. И только век спустя, при Петре I, ее вернут ценой неимоверных усилий и тяжелых потерь. Тогда-то и возникнет славный «град Петров».

Так вот, ничто не мешало начать строительство Петрограда, с его крепостями, верфями и портом, в середине XVI века. Но никто этим не озаботился. Как видно, сама идея борьбы за морские пути, вроде бы столь необходимые для России, не слишком занимала правительственные круги. Лишь накануне войны собрались строить корабельную пристань у Ивангорода… Существует также смутное сообщение итальянского дипломата, согласно которому во второй половине 1550-х годов государь Иван Васильевич поощрял поиски Северного морского пути в Индию и Китай, назначая отважным разведчикам маршрута «большие награды»[104]. Однако достоверность этого свидетельства под вопросом: русские источники ни о чем подобном не говорят.

Более того, в 50-х годах XVI столетия *английская* экспедиция Уиллоуби и Ченслора открыла эпоху регулярных морских сношений между Россией и Западной Европой по Северному пути – вокруг Скандинавского полуострова, через Белое море, к устью Двины. На протяжении тридцати лет московское правительство не торопилось с обустройством большого портового центра на Двине. И лишь в 1580-х годах здесь вырос полноценный город-

порт с крепостью, большой пристанью и торговыми факториями иностранцев. Впоследствии за ним закрепилось имя Архангельск. Тогда же, в 1580-х, начали строить мощные укрепления в ключевой точке Белого моря – на Большом Соловецком острове. Торговые и дипломатические связи с англичанами, голландцами, немцами опять-таки наладились на Северном пути задолго до того, как в Москве приняли решение всерьез поставить под контроль «северное окно в Европу». *До начала Ливонской войны усилий подобного рода не предпринималось*.

Мы воевали в Ливонии и на литовском фронте не за море, а за землю. За богатые, превосходно освоенные угодья. За те поместья, которых так не хватало нашему военно-служилому классу в условиях «земельного голода» на территории коренной Руси.

Ну а как же тогда «нарвская торговля»? Ее плодами с такой выгодой воспользовался Иван Грозный ко благу Московского государства! А как же корсары, коих нанимал он для борьбы с неприятелем на Балтике?

Ответ один: прежде нужно было захватить столь значительный, давно обустроенный и великолепно защищенный порт, как Нарва, чтобы потом получать все многочисленные прибыли от обладания им. Да, иностранным судам со «стратегическими грузами» и специалистами на борту гораздо быстрее и легче было добираться до русских владений по Балтийскому морю, да к Нарве, чем плыть по бескрайним просторам северных морей, к тому же в исключительно сложной для навигации обстановке. Да, ради защиты таких выгод стоило принять под свое крыло корсаров-иностранцев, если до строительства собственного флота не дошли то ли руки, то ли ум… Вот только на первом этапе Ливонской войны для захвата Нарвы или иного большого порта не предпринималось никаких действий. Нарву отдал России счастливый случай и воинская доблесть малой горсти наших ратников. И когда в Москве почувствовали, сколь важно владеть таким портом, когда распробовали все преимущества подобной собственности, тогда, и только тогда в русском государственном уме зароились проекты, связанные с морем, с морской торговлей, с маршрутами, которые жизненно важно контролировать.

Не «нарвское плавание» (или какое-либо иное «плавание», связанное с захватом удобной гавани) было целью Ливонской войны. Напротив, «нарвское плавание» стало важным стимулом для возникновения русских геополитических проектов морской направленности. Не напрасно позднее наши армии с необыкновенным упорством рвались к большим прибалтийским

портам. Не напрасно для взятия таких пунктов правительство бросало колоссальные военные ресурсы. К сожалению, последний период Ливонской войны не дал нашим войскам успехов, аналогичных нарвскому, а в результате поражения России Нарва и вовсе была потеряна… Возникновение Архангельского города и Соловецкой твердыни видится результатом того, что в Москве, отведав выгод нарвской торговли, а затем утратив ее, постарались закрепить хотя бы то, что еще оставалось в составе державы.

Для возведения Петрограда, к несчастью, опять не нашлось достаточно средств или, может быть, здравого смысла.

Итак, в основе серьезного поворота русской внешней политики было взятие Нарвы. Оно же долгие годы обеспечивало Московскому государству тесную связь с европейскими торговыми контрагентами, доставлявшими к нам серебро, золото, военные грузы.

Ну а основой для взятия Нарвы послужил тактический дар боярина и воеводы Алексея Даниловича Басманова-Плещеева. Плюс отвага, воинское искусство, опыт немногочисленных бойцов его отряда. Если бы не это, Ливонскую войну, и без того невероятно тяжелую, России пришлось бы вести в еще худших условиях.

Успех Басманова под Нарвой выглядит как чудо. За день до него в Москве даже не подозревали о возможности такого триумфа, а военное командование ордена вряд ли в самых дурных снах могло увидеть столь феерический провал.

Итак, Ливонская война началась зимой 1557/58 года. На первых порах она еще не приняла столь грандиозных масштабов, которые стали свойственны ей с 1560-х годов. Русская армия действовала удачно. На протяжении нескольких месяцев ею на территории Ливонии был захвачен город Костер, немецким отрядам трижды нанесено поражение в поле, богатые волости неприятеля подверглись разорению.

На этой стадии наши войска занимались в большей степени операциями устрашения. Сохранялась возможность разрешить противоречия между Россией и орденом с помощью переговоров. Однако ливонские немцы очень давно не воевали с Московским государством, поэтому плохо представляли себе, насколько опасным противником оно стало в последние десятилетия, насколько возросла его сила. Они всё еще задирались.

Иначе не назовешь, например, бомбардировки Ивангорода, которые устраивали немецкие пушкари нарвского гарнизона. Две крепости стояли неподалеку друг от друга, через реку Нарову, по которой проходила граница. В марте ивангородские воеводы

сообщили в Москву об этих обстрелах. Отвечать без государева указа не смели: в Ивангороде было известно, что боевые действия перемежаются переговорами, боялись нарушить перемирие и повредить русской дипломатии огнем русской артиллерии. Немцы не постеснялись осыпать ядрами русскую крепость даже на Страстной неделе, даже в день Воскресения Христова!

Иван IV отписал: «Изо всего наряду стрелять в Ругодив!»[105]

Небольшая ивангородская крепость располагала тем не менее мощным артиллерийским парком. Неделя пальбы по Нарве нанесла городу такой ущерб, что тамошние жители, по словам летописи, «…били челом воеводам, чтобы им государь милость показал, вины отдал[106]и взял в свое имя». Желая прекращения губительной канонады, нарвские жители даже отдали нескольких «лучших людей» в заложники – на время переговоров. В мае 1558 года эти переговоры закончились большой удачей для России: город переходил под власть московского государя, выйдя из состава орденских земель.

Но… Всё то время, пока шло обсуждение, пока скрипели перья писцов Посольского приказа, *русские пушки молчали*. Как следует отдохнув, нарвские жители усомнились в прежнем своем решении. Стоит ли становиться частью России? Может, у страха глаза велики? Они запросили помощь у орденского магистра Фюрстенберга и других немецких властителей.

Как видно, в Москве предчувствовали подобный поворот. Загодя в Ивангород был отправлен отряд – на тот случай, если придется подкреплять силу дипломатических документов силой оружия. Отряд возглавил Алексей Данилович Басманов-Плещеев. У него в подчинении находился второй воевода – Д.Ф. Адашев, а также стрелецкие головы Т. Тетерин и А. Кошкаров. Басманов располагал незначительными для большого дела силами: он получил всего лишь порядка 1500 бойцов. Из Гдова к нему под начало прибыл еще отряд Михаила Афанасьевича Бутурлина, но, по всей видимости, совсем незначительный. Между тем за Наровой стоял богатый, многолюдный, отлично укрепленный город.

По обычаям того времени, для осады такого города снаряжали большую армию, десятки тысяч бойцов. Так и будет, когда русские войска отправятся брать Феллин, Полоцк, Венден… Басманов же получил под команду «ограниченный контингент», который предназначался, скорее всего, для новых «акций устрашения». Алексей Данилович мог с такими силами переправиться через реку, разорить область вокруг Нарвы и показать, таким образом, решимость Москвы довести дело до конца.

Вряд ли кто-то в здравом уме и твердой памяти мог всерьез обдумывать осаду Нарвы и тем более штурм города столь малым числом ратников. И все же Алексей Данилович добился неожиданного, почти фантастического успеха.

События развивались стремительно.

Басманов, как и предполагалось, устраивал против Нарвы «диверсии». Он перебросил за город, на Колыванскую[107]дорогу, группу «сторожей» – разведчиков. Те столкнулись со значительными партиями вооруженных людей, двигавшихся с пушками к Нарве.

На выручку «сторожам» Басманов отправил стрельцов – их в отряде боярина было всего около пятисот. Пятью верстами ниже города по течению Наровы русские воинские люди начали переправляться на свою сторону. Немцы обнаружили переправу и обрушились на стрельцов с превосходящими силами. Но те так встретили немецкое ополчение, что «боевой выход» нарвских жителей обернулся для них полным разгромом: многие легли на поле боя, а 33 человека попали к стрельцам в плен. Как сообщает летопись, языки поведали Басманову: «Ругодивцы[108]царю и великому князю изменили». Дав заложников и отправив ложных дипломатических представителей в Москву, они «…к маистру[109]тот же час послали, чтобы их не выдавал. И маистр прислал князьца Колыванского да другого Велянского, а с ними тысяча человек конных, да пеших с пищаль-ми семьсот человек, да с нарядом. Люди и ругодивцы промеж собою крест целовали, что им царю и великому князю не сдаться».

Таким образом, Басманову противостояло большее число бойцов, чем он сам имел под командой[110].

11 мая 1558 года в Нарве вспыхнул пожар, быстро распространявшийся по городу[111]. Басманов направил из Ивангорода представителей, напомнивших нарвским жителям об их долге сдать город русским властям – на чем целовали крест их доверенные лица. Те, разумеется, отказались. Но появление русских послов имело, как видно, иной смысл, помимо продолжения переговоров. Они исполнили разведывательную службу. Убедившись в том, что дела немцев плохи, Басманов решил нанести стремительный удар. Боярин, использовав замешательство неприятеля, лодками и плотами переправил отряд на вражеский берег, а потом захватил город в коротком решительном штурме.

Летопись сообщает: «И воеводы к городу приступали со всеми людьми. В Русские ворота велели приступати головам стрелецким Тимофею да Андрею с стрельцы, а в Колыванские ворота Иван Андреевич Бутурлин, да с ним головы з детьми з боярскими. И

немцы билися с ними жестоко. И головы стрелецкие ворота у них те взяли и на горок взошли, и в те ворота вошли Алексей и Данило, а в Колыванские Иван Бутурлин, и немцев побили многих. И собрались все в Вышегород[112]. И к Вышегороду воеводы приступали до вечера со всех сторон и из наряду с Ываны города. И из Ругодива из их же наряду стреляли по Вышегороду[113]. И прислали немцы бити челом, чтобы воеводы пожаловали, их князьца выпустили с прибыльными людьми. И воевода князьца и немцев выпустил, а Вышегород и Ругодив Божиим милосердием и царя и великого князя государя нашего у Бога прошением и правдою его взяли со всем нарядом – пушек больших и меньших 230 и с пищальми и з животы[114]с немецкими»[115]. Таким образом, от воли, решительности и смелости Алексея Даниловича зависело, насколько русские войска смогут воспользоваться неразберихой в стане противника. И ему удалось, командуя меньшими силами, атакуя сильные укрепления, принудить врага к сдаче. Поистине блистательная победа!

Существует еще один рассказ о взятии города, принадлежащий князю Андрею Курбскому. Аристократ-перебежчик был враждебно настроен к роду Басмановых-Плещеевых. О том, почему так произошло, речь пойдет ниже. В данном случае обсуждается лишь нарвская победа, и только она. Недоброе отношение Курбского заставило его вставить в «Историю о великом князе Московском» очень странный фрагмент. Князь пишет: «Все немцы сбежались в крепость из города от большого пожара, не были они способны хоть чем-то помочь себе. Русские же, увидев, что пусты городские стены, тотчас устремились через реку – кто на разных лодках, кто на досках, кто снял ворота у своего дома и поплыл. Следом устремились и войска, хоть и настойчиво препятствовали этому по случаю перемирия их военачальники, но не слушались те, видя явный Божий гнев, обрушившийся на немцев, а нашим дающий помощь». Всё выглядит так, будто Басманов и остальные русские «стратеги» просто вынуждены были присоединиться к собственным войскам, бросившимся вслед за разгневанными народными массами… Ну конечно. Разумеется. Басманов так свято берег перемирие, что незадолго до того отправил своих людей воевать на другой стороне Наровы. И вся его армия вышла из-под контроля, хотя и знала, что наступление на неприятеля без приказа чревато самыми тяжелыми наказаниями. Более того, за реку ринулись буквально все, не слушаясь военачальников, целыми подразделениями… Ясно видно, как хочется Курбскому лишить Басманова той великой чести, которой полководцу

досталась после «Нарвского взятия». И картина, им нарисованная, выглядит в высшей степени искусственною.

А вот то, что он пишет дальше, совершенно совпадает с приведенным выше летописным текстом: «А когда пришло от города к крепости наше войско, немцы стали оказывать сопротивление, делая вылазки из крепостных ворот, так что сражались они с нами часа два. А наши взяли пушки, которые стояли в воротах немецкого города и на стенах, и начали стрелять по немцам из этих пушек. Потом подоспели русские стрелки со своими стратегами, так что вместе с ружейным огнем обрушили на немцев множество стрел. Загнали тогда их в крепость, и вот то ли от большого жара, то ли от стрельбы, которая велась по крепостным воротам, то ли от большого множества народа, поскольку крепость тесна была, стали они снова просить, чтобы дали им начать переговоры»[116] и т. п.

Для ордена это была ошеломительная потеря. Для России – приобретение крупного портового центра на Балтике и к тому же своего рода конфессиональный триумф. Вскоре после падения города туда прибыли из Новгорода Великого архиепископ, архимандрит Юрьевский и софийский протопоп. Они совершали крестные ходы по Нарве, «обновляя» ее «от веры латынские и люторовы». Здесь решено было воздвигнуть несколько православных церквей.

Мало того, Алексей Данилович не остановился на взятии Нарвы. Располагая более чем скромными силами, он продолжил наступление, и в июне 1558 года его люди взяли немецкий «городок Адеж».

Взяв Нарву, Басманов занял пост первого воеводы в захваченном городе и получил почетное государево «жалование». Однако вскоре его призвали в действующую полевую армию, и… возобновилась игра во «второй-третий». Царь приметил наконец боярина и стал давать ему разного рода дипломатические поручения. Алексей Данилович задолго до опричнины, еще в первой половине 1560-х, участвовал в переговорах с датчанами, шведами, литовцами. Тогда же он был наместником новгородским. Но все это никак не поднимало его статуса в военной иерархии России. Сам государь, не желая рвать давно сложившуюся систему, не рискуя, быть может, пойти на открытый конфликт с княжатами, не имел возможностей возвысить Басманова на армейской службе.

Алексей Данилович одержал замечательную победу, притом малыми силами и малой кровью! Но это не дало воеводе ни единого шанса сокрушить карьерный потолок над головой. Скорее, он отбил бы себе голову…

В 1559-м Басманов сражался с ливонцами под Юрьевом. Его отправили сначала во Псков – как видно, на «усиление» командных кадров в критической ситуации, когда немцы большими силами начали наступление, нарушив перемирие. У него имелась инструкция от государя: организовать контрнаступление. Русское командование ожидало прорыва ливонцев в общем направлении на Юрьев, туда впоследствии передвинули основные силы псковской группировки и начали активные действия. Там, по собственной оплошности, дважды потерпел от неприятеля поражение самонадеянный воевода З.И. Плещеев-Очин, что заметно ухудшило положение наших войск. Магистр добрался до Юрьева и осадил его. Однако взять не смог и вынужден был отойти с уроном. В 1560-м Алексей Данилович участвовал в победоносном походе большой русской армии, когда был взят Феллин. На протяжении многих лет он оставался на литовско-ливонском театре военных действий, однако высоких воеводских должностей, как уже говорилось, не занимал.

А годы уходят. В великом походе 1563 года, когда войска Ивана IV взяли Полоцк, Басманов – почти невидимка. Он всего лишь один из многих. В двух шагах от шестидесятилетия, имея репутацию отважного и хладнокровного командира, владея славой нарвской победы, Алексей Данилович не попал даже в десятку старших воевод армии.

Обстоятельства «Полоцкого взятия» 1563 года сложились для Алексея Даниловича обидно.

Поход на Полоцк замышлялся давно, готовился долго и собрал лучшие военные силы Московского государства. Москва боролась с Литвой за Полоцк на протяжении нескольких десятилетий. Этот город был одним из самых богатых и многолюдных в домонгольской Руси. Батыево разорение его не коснулось. Долгое время Полоцк являлся столичным центром большого княжества, фактически самостоятельного. Однако в XIV веке он должен был подчиниться Литве. Подчинившись, однако, сохранил многие права и привилегии, восходящие ко временам независимости. Один из давних правителей Полоцка, князь Андрей Ольгердович, даже величался королевским титулом… В XV веке город опять ненадолго принял роль столицы: в 1430-х годах князь Свидригайло Ольгердович несколько лет правил отсюда эфемерным государственным образованием – Великим княжеством Русским. Позднее Полоцк утратил черты былой самостоятельности, но обрел взамен Магдебургское право (1498) и оставался богатейшим торговым центром. Московские воеводы и прежде пытались его взять, однако эти попытки не увенчались успехом. Ахиллесовой пятой Полоцка стала религиозная рознь.

На протяжении многих веков православие было в нем основой всей жизни. Но в XVXVI столетиях на позиции православных повели наступление католики, в городе образовалась мощная иудейская община, прижились протестантские учения радикального толка. Для православного населения это создавало серьезную угрозу.

Для России взять Полоцк означало не только вернуть исконно русский город в границы Русского государства, но еще и ликвидировать плацдарм иноконфессиональной экспансии у себя под боком. Кроме того, Полоцк был ключом к Западной Двине. Кто владел им, тот контролировал важный торговый путь.

Великий поход на Полоцк начался осенью 1562 года. Войска возглавил сам государь, и в будущем он станет очень гордиться этой победой. Более того, Иван Васильевич благоволил тем военачальникам, способности которых с наилучшей стороны раскрылись во время «Полоцкого взятия».

Разумеется, для столь крупного военного мероприятия должны были отобрать самых надежных и самых талантливых полководцев. Лучших из лучших. В их число попал уже немолодой А.Д. Басманов-Плещеев. Это естественно – с его-то опытом и командирским талантом! Но…

Кем он туда попал!

Его должность в армии, отправленной к Полоцку, оказалась весьма низкой – на грани оскорбления. Он числился третьим среди воевод передового полка, выше которых был поставлен еще и татарский царевич. Непосредственно под командой боярина Басманова состояло всего 513 служилых людей по отечеству – втрое меньше, чем под Нарвой[117]. Согласно иерархии воинских чинов крупной полевой армии, третий воевода передового полка не попадал даже в первый десяток военачальников… Так что у Алексея Даниловича был исчезающе малый шанс как-то повлиять на ход дел, предложить собственное тактическое решение.

Собственно, вся старомосковская нетитулованная знать оказалась на вторых ролях.

В старших по чести большом полку и полку правой руки вообще нет воевод из боярских родов.

В передовом полку, помимо Басманова, Иван Васильевич Шереметев Большой числится *вторым* воеводой.

В полку левой руки Иван Васильевич Шереметев Меньшой – *третьим* воеводой.

В сторожевом полку Иван Михайлович Воронцов – *третьим* воеводой, если не считать татарского царевича Ибака. А если считать, то *четвертым*.

В ертауле Иван Андреевич Бутурлин – *вторым* воеводой.

«У наряда», то есть при артиллерии, Михаил Иванович Воронцов-Волынский – *вторым* воеводой, Борис Иванович Сукин – *третьим*.

Поразительно однородная картина!

Лишь в государевом полку первым «дворовым» воеводой выступает боярин Иван Петрович Яковля.

Русская армия, двинувшаяся под Полоцк, состояла из примерно 35 тысяч бойцов дворянской конницы, служилых татар, казаков и пищальников, 12–20 тысяч стрельцов (столь значительное расхождение в цифрах – из-за разноречия в источниках), неизвестного количества боевых холопов при служилых людях[118], а также посохи, как минимум в два раза превосходившей боевое ядро воинства. Артиллерия разных типов в сумме давала огромную для тех времен цифру: около 200 орудий.

Поход проходил в чрезвычайно трудных условиях. Во-первых, зимой. Во-вторых, московское командование со времен «Казанского взятия» 1552 года не имело опыта в управлении столь значительными полевыми соединениями. Поэтому на дороге все время возникали заторы, тяжелая артиллерия отстала от основных сил на неделю, к тому же не удалось предотвратить предательство. Прямо из полков сбежал за литовский рубеж окольничий Богдан Никитич Хлызнев-Колычев, отпрыск знатного боярского семейства. Он загодя предупредил врага о приближении русской армии.

Однако московская военная машина того времени обладала изрядной гибкостью и централизацией. Все эти трудности постепенно преодолевались. Огромную армию удалось привести под город, стянуть кольцо осады и дождаться прибытия тяжелых орудий. Их огнем затем были буквально снесены полоцкие укрепления. Литовцы бросили на подмогу осажденным небольшой корпус. Он появился в тылах русской армии, однако был отбит и никакой помощи оказать городу не сумел.

Передовой полк, где служил тогда Алексей Данилович, расположился на позициях в Задвинье, у Якиманской слободы, перекрывая Виленскую дорогу. Основные боевые действия шли по другую сторону реки. Отличиться было трудно. Как видно, некоторые отряды из состава полка привлекались для осадных работ на передовой. Тот же И.В. Шереметев Большой (второй воевода полка) двигал со своими ратниками туры в сторону полоцких укреплений, отражал неприятельскую вылазку и получил тяжелую контузию. Вылазку же успешно отбили, взяв языка. Но был ли рядом с ним Басманов – неизвестно. Когда Шереметев выбыл из-за контузии, на его место назначили не

Алексея Даниловича, следующего по старшинству, а князя Ю. Кашина. Летопись и разряды ничего не сообщают о боевой работе Басманова под стенами Полоцка. Он остался совершенно незаметен…

Своего рода «компенсацию» за низкую должность под Полоцком Басманов получил, лишь бив челом на И.В. Шереметева Большого, ибо считал, что Ивану Васильевичу неуместно было стоять выше его среди воевод передового полка. В этой тяжбе Алексей Данилович одержал полную победу[119].

Но незадолго до полоцкой кампании его сын Федор проиграл местническое дело князю И.Ю. Лыкову. Так что в целом род Басмановых-Плещеевых сочетал местнические «находки» с «потерьками».

Горько ли было воеводе? Рвала ли обида ему сердце железными когтями?

Наконец, судьба дала ему последний шанс на возвышение. И его-то боярин не упустил.

От Рязани к опричнине

1563-й стал годом триумфа русского оружия. Известие о взятии Полоцка прокатилось по половине Европы, вызывая страх и уважение. Одни призывали общими силами «остановить московита», другие хотели бы увидеть его своим союзником. От того времени сохранилось множество «летучих листков» – своего рода мини-газет, сообщающих на разных языках о «Полоцком взятии».

Собственно, Полоцк был пиком успехов России во всей Ливонской войне. В 1570-х годах наша армия еще окажется способной вести наступление, брать небольшие города, вести сражения в поле, но ничего сравнимого со взятием Полоцка русские воеводы не добьются. А тогда, в 1563-м, Иван IV всматривался в чертежи дорог, ведущих от Полоцка на запад. Например, к Вильно – столице Великого княжества Литовского. У него были все основания смотреть в будущее с доброй надеждой. Да и воинство наше, надо полагать, грезило о великих одолениях: вот победоносная дворянская конница входит в литовские замки, вот православные хоругви несут по улицам Колывани…

Но ничего этого не произошло.

1564 год надолго поставил точку в русском натиске на запад.

Мечтания пали на мерзлую землю с небесных высот и разбились в мелкую крошку.

На сторону литовцев переметнулся князь Андрей Курбский –

высокопоставленный воевода, имевший представление о многих военных секретах. Несколько месяцев спустя он явится в составе большого литовского войска отбивать Полоцк. Тогда литовцам не удастся захватить город, и они отойдут безо всякого успеха. Но в их стан перебежит еще один служилый человек русского царя – новоторжский сын боярский Непейцын… Большая русская армия подверглась разгрому, наступая в направлении Орши. Первым воеводой большого полка, то есть главнокомандующим в ней, числился именитый полководец князь Петр Иванович Шуйский. Поражение стоило ему жизни – из похода он не вернулся. Так Россия лишилась не только ударной армии, но и опытного полководца. Наконец, между царем и титулованной служилой знатью постепенно росло напряжение… У войны в Ливонии нашлось немало противников. Она затянулась. Она вытягивала из страны всё новые и новые ресурсы, стоила дорого во всех смыслах.

А государь постепенно стал вести себя жестче в отношении своей служилой знати. Ведущие политики предыдущего десятилетия были удалены от дел. Кое-кто лишился жизни.

Вторая половина 1564 года стала преддверием политического кризиса. И тут ко всему добавилось нашествие крымского хана на рязанские земли. На главной позиции у реки Вожи татар отбили. Тогда Девлет-Гирей повернул свои силы для обходного маневра. Прорыв татар по направлению к Рязани застал государевых «больших воевод» врасплох. Там значительных сил «в сборе» не было, и выставить перед ханом «живой барьер» из полков Москва не успевала.

Летопись содержит краткий, но выразительный рассказ о событиях осени 1564-го: «В то же время на Рязани были во государьском жалованье в поместье боярин Олексей Данилович Басманов Плещеев да сын его Феодор, и слыша многие крымские люди приход на Рязанскую украину, они же со своими людьми да с тутошними не со многими людьми… крымских людей побили и языки поимали не дошед города. Те языки сказали, что пришел царь Девлет-Кирей, а с ним дети его калга Магмет-Кирей царевич да Алды-Гирей со своими крымскими людьми: то первая весть про царя, безвестно убо бяше пришел. Тех же языков прислал Алексей Данилович Басманов да сын его Феодор ко государю царю и великому князю Ивану Васильевичю, а сам Олексей и сын его Феодор сели в городе на Рязани со владыкою Филофеем и ту сущих во граде людей обнадежили, не сущу бо тогда служилым лю-дем никому, кроме городских людей ту живущих и селян, которые успели во град прибежати… У града же тогда крепости нужные… едва поделаша и града покрепиша и бои по стенам

изставиша и из града выезжая с татарами бишася, из града стрельбою по царевым полком из наряду стреляти. Татары же ночным временем с приметом и с огнем многажды прихождаху и хотяху взятии град. Божиим же заступлением и Пречистые Богородицы и великих чюдотворцов руских молением граду ничто успеша и от града отступиша в своя страны»[120].

Другая летопись сообщает, что после отступления основных сил Девлет-Гирея вернулся отряд ширинского князя Мамая в 4000 бойцов. Однако Мамая разбили, взяли в плен, а отряд его уничтожили, взяв 500 пленников. Это была общая победа боярина Басманова и михайловского воеводы князя Федора Татева[121].

За рязанскую службу Иван IV наградил А.Д. Басманова-Плещеева и его сына золотыми монетами[122]. Посланный с наградным золотом князь Петр Хворостинин также обязан был зачитать победителям похвальную речь монарха.

Боярин Басманов остановил крымцев на пути прорыва в центральные области России, да еще и в тот момент, когда русская армия не была готова к отпору с этой стороны. Иными словами, нападение татар завершилось благополучно для Московского государства, а могло бы привести к тяжелым последствиям.

Значение этой победы многократно возросло на фоне больших неудач на «западном фронте». Громкая, красивая победа Басманова была одержана в тот момент, когда ее так не хватало! Надо полагать, вся Россия воспрянула тогда от уныния. Алексей Данилович оказался в зените славы, царь благоволил ему, по достоинству оценив истинные заслуги этого человека.

Что представлял собой Алексей Данилович Басманов к концу 1564 года? Это доверенное лицо государя, человек, сопровождающий монарха в составе его свиты, ведущий по его распоряжению важные переговоры. Это полководец, овеянный славой двух больших побед – Рязань и Нарва, а также спасительного для русской армии «сидения» под Судьбищами, участник взятия Казани, Феллина, Полоцка, многих походов на всех фронтах Московского государства. Его заслуги перед Россией и троном очевидны. Если бы Алексей Данилович скончался в октябре 1564 года, сразу после Рязани, то вошел бы в русскую историю как безусловно светлая личность, защитник отечества, талантливый военачальник.

Но притча, рассказанная людям Богом через судьбу боярина Басманова, оказалась и длиннее, и сложнее. В 1564-м ему пятьдесят. Для XVI столетия – изрядный возраст. В ту пору мужчины жили меньше, чем сейчас, изнашивались быстрее. Пятидесятилетний воевода – почти старик. Как видно, война не

пощадила Басманова: больше он никогда не выйдет в поле с полками и не встанет во главе крепостного гарнизона – надо полагать, этого уже не позволяло здоровье. Алексею Даниловичу, однако, предстояло сыграть роль, сделавшую его более знаменитым, чем все успехи на поле брани.

Итак, Басманов к преклонным годам добился великой славы и высокого положения при дворе. Безотцовщина. Аристократ, в котором подозревали бастарда. Военачальник, вышедший в воеводы весьма поздно. Взлетевший «вопреки всем законам аэродинамики». По сути, исключение из правил. Но из того, что правила оказалось возможным обойти, никак не вытекает их полная отмена. За спиной боярина Басманова стоял весь его многочисленный род, в том числе любимый старший сын – Федор. И если отец не порадеет сынку, если великий человек не потянет за собой наверх родню, до чего же стыдно будет ему на смертном одре! Но как позаботиться о них? Правила-то оставались в силе! И трудно всем пойти по пути одного, не обладая его способностями, отвагой, волей. Вокруг полным-полно боярских родов, «застрявших» на вторых ролях. Отчего Плещеевым-Басмановым должно оказываться предпочтение перед ними?

Здесь автору остается выйти за пределы источников и реконструировать разговор, не попавший на страницы летописей, записок иностранцев и публицистических произведений того времени. Нам не дано знать, была ли та беседа однократной или же повторялась раз за разом, пока Басманов не убедил царя. Мы даже приблизительно не знаем, с какими словами боярин пришел к Ивану IV.

Можно лишь предполагать вот что: «Великий государь! Видишь ли ты, как не прямят тебе ленивые богатины? Они родом чванятся, да вотчинами, да престолами, на которых сидели их деды или прадеды, а для воинского дела слабы. Один князюшка бежал, будто пес от хозяина, другие Литве скормили большое войско, третьи затевают против тебя крамолу. В службишках же стали неприлежны и с врагом пить смертную чашу боятся. То ли дело мы, твои верные слуги, старинные бояре, что еще предкам твоим верно служили! Правь сам, отгони княжьё, порушь нынешний обычай, а мы, как собаки у твоих ног, будем грызть что внешнего супротивника, что внутреннего! Все мы, холопы твои, послужим тебе лучше этих высокоумных княжат. Смилуйся, великий государь, пожалуй!»

Княжата об этих разговорах знали. Не напрасно голос русского княжья Андрей Курбский с такой ненавистью писал о Басманове, обращаясь к царю: «Знаю я из Священного Писания,

что дьяволом послан на род христианский губитель, в прелюбодеянии зачатый богоборец антихрист. И ныне вижу советника твоего, всем известного, от прелюбодеяния рожденного, который и сегодня шепчет в уши царские ложь и проливает кровь христианскую, словно воду, он и есть антихрист: не пристало тебе, царь, иметь таких советчиков. В законе Божьем в первом написано: „Моавитянин и аммонитянин и незаконнорожденный до десятого колена в церковь Божью не входят“…». И еще разок, с не меньшим чувством: «…знаменитый прихлебатель, маниак… и губителя… святорусской земли». Еще бы! Алексей Данилович Басманов собирался отменить порядок, при котором титулованная знать получила абсолютное преобладание. Это, знаете ли, враг. И рисовал его князь-перебежчик сплошь черным цветом. Не поминая о мужестве Басманова, о его победах…

Так чего хотел Алексей Данилович, укладывая первые камни в фундамент опричной системы? *Всего-навсего подкорректировать существующий порядок, потеснить княжат. Дать больше простора для карьеры своей родне, да и вообще отпрыскам древних родов, столетиями поставлявших верных слуг московским государям.*

А Иван Васильевич внимал заслуженному воеводе, соглашался, да в конце концов и сотворил опричнину.

Которая на шестом году существования сожрала самого Басманова…

Как же так?

Сынок и прочие родственники

Итак, в январе 1565-го появилась опричнина.

Алексей Данилович оказался среди тех, кто определял список опричных дворян «первого набора»[123]. Он же, став лидером опричной Боярской думы, имея большое влияние на царя, мог распоряжаться лучшими опричными должностями на благо семьи.

И всё огромное семейство Плещеевых должно было каждый день поминать в молитвах столь рачительного и заботливого человека!

В воеводах Басманов после рязанской осады 1564 года не бывал. Как уже говорилось, по всей видимости, из-за преклонного возраста или болезни (увечья?) – в конце концов, он прослужил в воеводских должностях два десятилетия, участвовал в кровопролитных сражениях! Именно этим объясняется тот факт,

что сам Алексей Данилович никогда не возглавлял опричный боевый корпус, несмотря на выдающиеся способности военачальника и большой опыт.

А вот ближайшая родня его без проблем получила то, к чему он с таким упорством шел всю жизнь. В первую очередь Алексей Данилович позаботился о сыне-любимце.

У Федора Алексеевича Басманова-Плещеева к началу опричнины за плечами имелось всего две «именные службы»[124]. Во-первых, в полоцком походе зимой 1562/63 года Федор Алексеевич занимал должность поддатни у рынды с третьим саадаком (очень скромную), а затем просто присутствовал в царской свите[125]. Во-вторых, после взятия города 15 февраля 1563 года его отправили из-под Полоцка с реляцией о победе ко двору Старицких[126]. Когда в 1564 году Алексей Данилович заперся от крымских татар в Рязани и отстоял город, сын был вместе с ним. Вот, собственно, и всё. После учреждения опричнины Ф.А. Басманов получил дворовый чин кравчего, но в первые годы на военной службе оставался малозаметной персоной. Он был «воеводой для посылок» в походе осенью 1567 года, прерванном на полпути, и лишь весной 1568 года получил пост первого воеводы передового полка, развернутого в составе трехполковой опричной рати против литовцев под Вязьмой[127].

И вот в 7077 (видимо, весна – лето 1569) году его ставят первым воеводой большой пятиполковой опричной рати под Калугой и даже подчиняют ему «лутчих людей» из земского войска[128]. Триумф! Отец Федора Алексеевича, на протяжении всей жизни тяжело продвигавшийся по лестнице военных чинов, но так и не удостоенный статусом командующего полевой армией, обеспечил сыну эту должность. Притом триумфу Федора Алексеевича предшествовал на редкость краткий служебный маршрут. Для таких постов он был просто… щенок. Дыра. Пустое место.

Вместе с тем это было последнее его воинское назначение перед опалой… Р.Г. Скрынников сообщает некоторые данные о службах Федора Алексеевича, на первый взгляд способные изменить представления о его боевом опыте в сторону увеличения; однако данные эти не отличаются достоверностью и могут лишь ввести в заблуждение. Так, Р.Г. Скрынников пишет: «Во время выступления опричной армии к литовской границе в 1568 году он возглавлял опричный передовой полк. Около того же времени Федор Басманов был назначен первым наместником Старицы…»[129]Р.Г. Скрынников ссылается на записки Г. Штадена. Но передача Штаденом фразы Ф.А. Басманова-Плещеева: «Этот уезд (Старицкий. – *Д. В.*)… отдан теперь мне»[130]– еще не

свидетельствует, что тот был именно наместником Старицким.

Иными словами, Федор Алексеевич на военной службе не проявил себя ни самостоятельными победами над неприятелем, ни долгой честной работой на переднем крае, но очень быстро выскочил на самый верх армейской иерархии.

Еще С.Б. Веселовский собрал о нем ряд крайне негативных высказываний: князь Андрей Курбский, немцы-опричники И. Таубе и Э. Крузе, а также долго живший в Москве А. Шлихтинг пишут о нем одинаково неприязненно[131]. По их свидетельствам, Басманов-младший делал себе карьеру «содомским блудотворением» с царем, к тому же он жестокими интригами вызывал гнев государя против других вельмож. Его считали виновником гибели князя Д.Ф. Овчины-Оболенского. Князь поссорился с Федором Басмановым и обвинил его в противоестественных отношениях с царем. Подобная дерзость сильно оскорбила Грозного. Вызвав воеводу во дворец, он велел псарям задушить его. Курбский даже считал, что Басманов-старший намеренно жертвует сыном. Г. Штаден также полагал, что с Федором Алексеевичем «великий князь предавался разврату»[132]. Допустим, показание Курбского, ненавидевшего новое окружение Ивана IV, заведомо должно быть подвергнуто сомнению; допустим, Таубе и Крузе собирали злые сплетни и порочили всю опричнину от вершков ее до корешков; но слова Шлихтинга и Штадена, у которых не было явных причин питать предубеждение против Басманова, могут быть приняты во внимание. Более того, Штаден сам испытал благоволение со стороны Федора Алексеевича[133]и тем не менее пишет о нем неодобрительно. Из XXI столетия невозможно определить, был ли тяжкий содомский грех на совести царя и Басманова-младшего, или все-таки ничего подобного не случилось и только сплетни ходили по палатам княжат. Но, во всяком случае, у современников этот человек оставил впечатление человека скверного и порочного. Что же касается движения по карьерной лестнице, то для этого Федору Алексеевичу – был он содомитским фаворитом Ивана IV или нет – хватало влияния боярина-отца и женитьбы на княгине В.В. Сицкой, племяннице царицы Анастасии Захарьиной-Юрьевой.

Также, по мнению Курбского, Федор Алексеевич «…зарезал рукою своею отца своего Алексея»[134], – надо полагать, отводя от себя обвинения в измене и показывая верность Ивану IV. Однако это известие вызвало сомнения по части достоверности у целого ряда исследователей. Во всяком случае, Басманов-младший не был казнен в результате общей большой опалы на Плещеевых, но и постов при дворе и в армии больше не занимал. Точная дата и

обстоятельства его смерти не известны, однако отца он пережил ненадолго. Лишь С.Б. Веселовский указывает на одну довольно странную деталь: «Во вкладной книге Троицкого монастыря в 1570/71 (7079) г. записано „По Федоре Алексеевиче Басманове пожаловал государь царь… 100 рублев“. Из этого можно заключить, что у царя были какие-то особые мотивы увековечить память Федора»[135].

Честолюбивый сынок был у Алексея Даниловича. Высоко взлетел – не по правде. А потом больно грянулся оземь со всем родом, и виден в этом какой-то высший суд.

Совсем другая история – с Иваном Дмитриевичем Плещеевым Колодкой. Только милостью Алексея Даниловича можно объяснить неожиданный взлет И.Д. Плещеева. В семействе Плещеевых он был старшим представителем. Его отец, Дмитрий Михайлович, добился когда-то окольничества, но сам Иван Дмитриевич ни заслугами, ни высокими чинами до опричнины отмечен не был. В «Дворовой тетради»[136]он числился заурядным дворовым сыном боярским по Переславлю-Залесскому[137]. Разрядами до опричнины он просто не замечен (!) и, надо полагать, совершенно не обладал командным опытом. Не ходил в воеводах, не бывал и головах. Еще раз, для ясности: в русской армии он был никто.

И вдруг – высшее и несколько просто высоких назначений в опричном корпусе!

Судя по разрядной росписи опричного выхода под Калугу весной 1568 года, Иван Дмитриевич был назначен опричным «главнокомандующим» – первым воеводой большого полка. Одновременно с этим войском в районе Одоева и Мценска разворачивалась вторая опричная армия – под командой А.И. Плещеева-Очина. По свидетельству росписи совместного похода одоевских и калужских полков, который так и не был совершен, Иван Дмитриевич стоял выше А.И. Плещеева-Очина: в случае схода тот должен был подчиниться[138]. В 7076 году (весна 1568 года) И.Д. Плещеев Колодка возглавлял небольшой отряд опричников в той же Калуге[139]. В конце 1568 – первых месяцах 1569 года Иван Дмитриевич стоял с крупными силами опричнины (отряды еще трех военачальников) во Ржеве Володимирове как первый воевода[140]. В 1569 году, видимо на весенние и летние месяцы до августа включительно, его назначили первым воеводой полка правой руки вместо умершего А.П. Телятевского в большой опричной армии, стоявшей под Калугой, а затем передвинутой к Туле. И.Д. Плещеев оказался в подчинении у своего родственника Ф.А. Басманова-Плещеева, который на этот раз был поставлен главнокомандующим. В мае 1570 года Ивана Дмитриевича

расписали первым воеводой в отряде, стоявшем «у Онтонья Великого» по вестям[141]. Возможно, тогда часть подчиненных ему сил участвовала в разгроме крымских татар, совершившемся 21 мая под Зарайском.

Это немыслимая, фантастическая карьера! По современным понятиям, не будучи даже капитаном, Иван Дмитриевич прыгнул сразу в маршалы. Даже Федор Басманов двигался наверх не столь стремительно.

С.Б. Веселовский ошибочно писал об И.Д. Плещееве, что он «…на службе в опричнине ничем не отличился»[142]. Между тем одно время в опричной военной иерархии Иван Дмитриевич стоял на первом месте! Более справедливо, думается, мнение Р.Г. Скрынникова, считавшего Ивана Дмитриевича «высокопоставленным опричником»[143]. После падения А.Д. Басманова-Плещеева в службах его родича виден перерыв на полтора года. После этого он получает скромное назначение третьим воеводой сторожевого полка (1572); вскоре идет в маленький Орешек «по ореховским вестям» для «береженья»[144].

Очевидно, этот человек на деле доказал, что силен не одними лишь родственными связями, но и воинским умением. Поэтому он уцелел в период опалы на Плещеевых и смог через некоторое время возобновить подъем по карьерной лестнице. После нескольких низких должностей он вновь «идет в гору». Ивана Дмитриевича постоянно отправляют на передний край «ливонского фронта». В 1573 году он уже назначается воеводой Юрьева-Ливонского. Правда, позднее его будут ставить большей частью вторым или третьим воеводой в Юрьеве, но и это – весьма высокая должность. В 1575–1576 годах он возглавил гарнизон недавно захваченной Пайды. В 1582 году Ивана Дмитриевича поставили первым воеводой передового полка в одном из последних больших походов Ливонской войны. Таким образом, он вернулся на тот уровень, каким располагал в годы опричнины.

Двумя годами позднее, в первый же месяц правления царя Федора Ивановича, И.Д. Плещеева поставят вторым воеводой по значению полевой армии, отправленной под Серпухов «для приходу крымского царя и нагайских мурз»[145].

Вскоре этот военачальник был отставлен от службы, вероятно, по ветхости лет. В 1577 году он еще фигурирует в «боярском списке» (статья «дворяне»), но в аналогичном документе 1585–1587 годов против его имени уже стоит пометка: «Нет. В деревне»[146]. Что ж, на сей раз опричнина и родственная поддержка сделали крупным московским военачальником дельного человека. Не видно, чтобы он блистал полководческим талантом, во всяком случае, это никак не проявилось в боевой

обстановке. Но его, скорее всего, считали толковым, надежным командиром, иначе не ставили бы на протяжении шестнадцати лет на воеводские должности.

Хорошая биография, изобилующая неожиданными поворотами: неправедное возвышение, честная служба, падение по чужой вине, опять честная служба, возврат прежнего высокого положения… и вновь – честная служба. Этот человек на всякий новый зигзаг карьеры отвечал простым служебным усердием. Не проваливал дел, ему порученных. Не марал рук палачеством. Не роптал. Не строил заговоров. Не бегал через литовский рубеж в стан неприятеля. Как подставил хребтину, так и волок груз до старости. И не важно, уменьшался или увеличивался этот груз… Что ж, Бог не дал Ивану Дмитриевичу прославиться, но зато уберег его от преждевременной смерти и бесчестия. Хорошая биография.

Другим Плещеевым выпало иное.

Захарий Иванович Плещеев-Очин был родней А.Д. Басманову, хотя и не столь близкой: семейства Очиных и Басмановых восходили к единому предку – боярину Даниле Борисовичу Плещееву, большому вельможе времен Василия II Темного и Ивана III Великого[147]. Захарий Иванович имел самый богатый опыт и самый солидный послужной список среди всех главных воевод опричнины. Он отстаивал честь русского оружия во многих битвах, проявил себя как энергичный, инициативный и храбрый командир. Однако его карьера показывает: самостоятельно командуя крупными полевыми соединениями, Захарий Иванович нередко приводил их к поражению; особого полководческого таланта у него, таким образом, не видно. Как военачальник он дебютировал вторым воеводой в Козельске, под командованием отца, И.Г. Плещеева-Очина, в 1549 году[148]. Судя по этой дате, родился Захарий Иванович около 1530 года или чуть раньше – в 1520-х. В 1550 году он наместничает во Мценске, в 1553-м – назначен годовать четвертым воеводой в Казани (расписан для действий на вылазках), оттуда в мае того же года идет к Свияжску вторым воеводой передового полка[149].

Осенью 1554 года на Захария Ивановича свалилась очень странная радость. Летопись сообщает о том, что в Москву доставлены были пленный хан астраханский Емгурчи и его семья. Их встретили с почетом. Среди «цариц астраханских» была «меншица» (младшая?) Ельякши, родившая по дороге в Москву царевича Яраштy. «И приехав к Москве, царь и великий князь государь велел царевича крестити и с матерью; и наречено царевичю имя Петр, а матери его Улиянея. И царь великий государь пожаловал царицу, велел ее дати замуж за Захария

Ивановича Плещеева, а царевича велел кормити матери его, доколе возмужает»[150]. Таким образом, с одной стороны, семейство старомосковской нетитулованной знати получило прибавку «царской крови», хоть и татарской… а с другой, З.И. Плещееву-Очину досталась чужая жена и чужой ребенок. Впрочем, как знать, не влюбился ли Захарий Иванович в Ельякши-Ульянию и не добивался ли сам такой необычной почести? С.Б. Веселовский считал, что «…этот политический брак обеспечил Захарию Ивановичу милостивое отношение царя»[151]. Но это не подтверждается фактами: два или три раза на воеводу обрушивались опалы, и последнюю он не пережил. Очевидно, царская милость не заходила слишком далеко.

В 1555 году Захария Ивановича отправляли вместе с князем А.И. Ногтевым-Суздальским и П.П. Головиным расследовать причины вооруженного конфликта на шведско-новгородской границе в Карелии (и заодно поставили командовать сторожевым полком в формирующейся для отпора шведам рати). После того как стало ясно, что война неизбежна, военачальник остался в полосе конфликта и действовал удачно. В частности, вместе с князем Ногтевым он разбил шведский осадный корпус у Орешка[152]. Затем он пошел первым воеводой полка левой руки в составе большой русской армии, наголову разгромившей шведов под Выборгом[153]. Осенью 1557 года его отправили в Путивль, по всей видимости для землеописания (сказано: «в Путивле пишет») [154]. Служба Захария Ивановича на Ливонском театре военных действий складывалась не столь успешно, как на Карельском. Его назначили командовать сторожевым полком в армии, вставшей под Юрьевом-Ливонским[155]. В октябре – ноябре 1559 г. он совершил ряд удачных набегов на земли ордена, однако позже два раза потерпел поражение; во второй раз его разбили всерьез: воевода потерял обоз и более 1000 человек одними убитыми. По свидетельству летописи, в столь тяжком разгроме виновата несогласованность в действиях наших воевод и беспечность самого Плещеева-Очина – он не наладил караульную службу. К тому же военачальник вступил в жестокий местнический конфликт с Замятней Сабуровым, что ощутимо помешало служебной деятельности[156]. В течение нескольких лет его имя не всплывает в разрядных списках: с высокой долей вероятности, государь положил на него опалу. В октябре 1562 году ему «сказано» окольничество, и он вместе с Д.Г. Плещеевым на Можайске раздает дворы; в большом зимнем походе к Полоцку Захарий Иванович участвовал вместе со всем цветом русских командных кадров. Воевода нигде в боевых действиях не отличился, но 17 февраля 1563 года ему доверена была

ответственная служба – вместе с тремя иными командирами охранять полоцкого воеводу С. Довойну и других знатных пленников; 18 февраля его перевели на должность первого воеводы в острог «за городом», где он, видимо, и остался после возвращения русской армии[157]. За поражение большого русского войска под Улой в январе 1564 года Захарий Иванович и князь И.П. Охлябинин, бывшие в нем воеводами, подверглись опале. Тогда они оба попали к литовцам в плен, а помимо двух этих «имянных людей» пленниками стали многие русские дворяне; неприятель захватил и обоз[158]. Главный виновник поражения, старший из воевод князь П.И. Шуйский, имевший славу удачливого полководца, бежал с поля боя и погиб от рук литовских «мужиков»[159]. Это было не просто поражение, а еще и позор и утрата стратегической инициативы.

В 7074 (1565/1566) году 26 «князей и детей боярских» подписали поручную запись на боярина З.И. Плещеева-Очина «…в том, что ему… в Литву не бежати и ни х которому государеву недругу нигде в удел не отъехать и не постричись… А побежит он… в Литву или х которому ко государеву недругу в удел отъедет, или пострижетца, или безвестно где денетца, ино… на порутчикех четыре тысячи рублев денег и… порутчиковы головы в его голову место»[160]. Иными словами, воеводе перестали доверять. Вернувшись из недолгого плена, Захарий Иванович долго не мог восстановить прежнее доверие Ивана IV и свое высокое положение. Его должность в большом осеннем походе русской армии 1567 года, свернутом на полпути, показывает, как много он потерял в карьерном смысле: его поставили всего-навсего вторым воеводой «на посылку» – ничтожный пост!

Очевидно, в 1567 году он и попал в опричнину, где удостоился боярского чина[161]. Как видно, без протекции со стороны Алексея Даниловича Басманова-Плещеева тут не обошлось. По разрядным записям опричного похода под Вязьму (весна 1568-го) видно: положение Плещеева-Очина начало понемногу восстанавливаться – он уже первый воевода сторожевого полка, а затем и воевода в Вязьме[162]. По всей видимости, за очередной взлет по службе Захарию Ивановичу следовало опять-таки благодарить родню: Басмановых. И они в конечном итоге вывели воеводу на высоту, которой до опричнины у него не было. В 1569 году его отправили во главе отряда опричников отбивать Изборск вместе с земской ратью М.Я. Морозова; эта непростая воинская задача была выполнена. Но и тут все вышло не слава богу у Захария Ивановича: земских воевод и татарских мурз за изборскую победу наградили от имени царя золотыми монетами, а опричным военачальникам их не дали. По

всей видимости, Иван IV был недоволен местническим столкновением среди них[163]. В том же году, во время калужского похода опричного корпуса, З.И. Плещеева-Очина расписали первым воеводой передового полка, но затем перевели на должность второго воеводы большого полка – видимо, подстраховывать менее опытного Ф.А. Плещеева-Басманова[164].

Родня же и свела Захария Ивановича в могилу: очевидно, его коснулась общая опала 1570 года на Плещеевых: имя опричного боярина попало в синодик казненных[165].

Дорог ли был «подарок» боярина Басманова опричной армии? Захарий Иванович – воевода хоть и опытный, однако же неудачливый и, по всей видимости, безыскусный. Его поражение в 1559 году поставило в тяжелое положение самого Алексея Даниловича и его войсковую группировку на ливонском фронте. Но Басманов поддерживал родню даже и в тех случаях, когда ему приходилось терпеть от нее неприятности. Захарий Иванович получил по службе больше, чем стоили его способности, и заведомо больше, чем он мог претендовать по знатности.

Но его-то Бог не уберег, как Ивана Дмитриевича Плещеева Колодку…

Брат Захария Ивановича, Андрей Иванович Плещеев-Очин, не располагал ни сравнимым опытом, ни такой же энергией, однако добился высокого положения в опричной военной иерархии за счет тех же родственных связей. До опричнины его имени разряды почти не знают. В феврале 1560 года, после взятия Алыста, его посадили там вторым воеводой[166]. Это сравнительно незначительный укрепленный пункт, и честь, оказанная Андрею Ивановичу, невелика. Во время большого осеннего похода 1567 года, окончившегося у Ршанского яма, он – «дворянин в стану» у государя[167]. Для серьезных воеводских назначений это, конечно, негусто. Тем не менее Андрей Иванович их получает!

В 7076 (не ранее зимы 1567/68) году его поставили возглавлять отряд «из опришнины» в Одоеве; при «сходе» с армией И.Д. Плещеева Колодки он должен был подчиниться последнему и «ходить за людьми по вестям» в большом полку. Позднее, в 1568 году, он расписан воеводой большого полка, то есть главным начальствующим лицом в корпусе трехполкового состава под Мценском (туда перешел, по всей вероятности, и его одоевский отряд)[168]. Любопытно, что В.Б. Кобрин, имея все эти данные, все-таки сделал вывод: «Четвертый из братьев (сыновей И.Г. Плещеева-Очина. – *Д. В.*) Андрей большой роли не играл»[169]. Но ведь Андрей Иванович сыграл роль одного из опричных «главнокомандующих»! Может быть, он не добился

получения думного чина, но в войсках он достиг наивысшего положения – старшего воеводы в самостоятельном полевом соединении. Кто ему это дал? Неужели этот невеликий военачальник без особых заслуг перед престолом мог на что-то претендовать сам по себе? О нет. И его вытащил наверх боярин Басманов вместе с прочей родней.

С.Б. Веселовский сообщает, что А.И. Плещеев-Очин «пережил царя Ивана», – не выдавая источника, откуда он взял эту информацию[170]. В синодике казненных его имени нет, но и в разрядах после 1568 года оно также не встречается: опала на Плещеевых, по всей видимости, выбила его из воеводской «обоймы». Отличиться на поле боя и проявить полководческие способности этот воевода не успел – в отличие от того же И.Д. Плещеева Колодки.

Был этот человек бледным пятном в ярком семействе Плещеевых. С ними вместе он поднялся высоко. С ними вместе пал. Но остался столь же незаметен в падении, каким был и на взлете.

Иван – еще один младший брат Захария Ивановича Плещеева-Очина, «ветерана» грозненских войн, – отличался не меньшим военным опытом. Разряды отмечают «именные» его службы с первой половины 1550-х годов. Он добился высоких назначений задолго до опричнины: сидел наместником в Чернигове и Почапе, с начала 1560-х годов выходит на воеводские посты в крепостях и полевых соединениях. Ему пришлось неоднократно участвовать в боевых действиях – на казанском направлении и, более всего, на литовско-ливонском фронте[171]. Логично было бы предположить, что для опричного боевого корпуса это был весьма ценный подарок – военачальник и администратор, неоднократно проверенный в деле.

Но… логика опричного военного строительства ставила командный опыт на второй-третий план. В этом можно было убедиться на многочисленных примерах, представленных выше. С Иваном Ивановичем она сыграла злую шутку: в опричнине он не обрел служебного возвышения, скорее, можно говорить о… понижении статуса. В опричнине он первое время ходил в головах – несмотря на то что давно миновал этот уровень армейской иерархии. И только один-единственный раз его поставили первым воеводой небольшого отряда опричников на Великих Луках – в 7077 (вероятно, 1569) году[172]. Синодики казненных отмечают его гибель вместе с Захарием Ивановичем. По реконструкции Р.Г. Скрынникова, казнь Ивана Ивановича произошла в декабре 1569 – январе 1570 года[173]. Очевидно, его «потянули» за собой более высокопоставленные опричники его же семейства – Алексей

Данилович Басманов-Плещеев, обвиненный по «новгородскому делу», а также брат, Захарий Иванович Плещеев-Очин.

Вот парадокс! Выше уже говорилось об опричнине, что она была поистине общим делом семейства Плещеевых. Иван Иванович, дельный человек, обязан был перейти туда на службу, вне зависимости от того, до какой степени это соответствует его статусу в армейской иерархии. Интересы рода требовали! Плещеевы шли во власть родом. Один тянул всех. Все подтягивались к одному, дабы выступать в любой борьбе единой сплоченной силой. Таков был естественный обычай служилой знати того времени. Один человек – ничто, род – всё!

Еще один представитель семейства, Н.И. Плещеев-Очин, занимал по сравнению с иными членами рода более скромное положение. Он был в 1569 году всего лишь третьим воеводой в отряде «из опричнины», ходившем отбивать Изборск вместе с земским корпусом М.Я. Морозова. Тем не менее Никита Иванович, уповая на выдающееся положение родни, в этом походе бил челом «в отечестве о счете» на окольничего В.И. Колычева-Умного, представителя другого великого опричного рода. Ему сопутствовал успех: удалось добиться права идти в поход «без мест» и получить «невместную грамоту»[174]. Когда семейство Плещеевых потеряло высокие чины и лишилось нескольких видных своих представителей из-за опалы на боярина А.Д. Басманова-Плещеева, у него был серьезный враг – влиятельные Колычевы-Умные, которые могли подтолкнуть падение конкурентов. Никита Иванович, однако, благополучно пережил опричные казни ближайших родственников. Для него служба в опричном корпусе вообще оказалась малозначительным эпизодом. Отчасти ему повезло: он был, по всей видимости, намного моложе, чем его старшие братья Захарий и Иван Ивановичи, простившиеся с жизнью вместе с А.Д. Басмановым-Плещеевым. Поэтому он не достиг высокого положения и оставался в опричнине фигурой незаметной; по этой же причине, вероятно, и уцелел.

Что Никита Иванович представлял собой как военачальник перед поступлением на службу в опричнину?

Командир с изрядным послужным списком, по непонятным причинам он не обрел в опричном корпусе ни малейшего служебного повышения. В сентябре 1547 года он присутствует на свадьбе князя Юрия Васильевича и княгини У.Д. Палецкой – «со княгининым зголовьем»[175]. Очевидно, тогда он еще юноша, поскольку «именные» назначения его в армейских разрядах начнут появляться лишь десять лет спустя. Осенью 1557 года он отправляется в Темников – первым воеводой[176]. В 7070

(1561/62) году Никита Иванович – один из смоленских воевод, затем второй воевода сторожевого полка в рати, отправленной «в литовскую землю» (первый воевода того же полка – его брат Иван)[177]. В 7072 (1563/64) году он сидит воеводой в маленькой Керепети на ливонском рубеже, откуда в апреле 1564-го переходит наместником в Почеп, а оттуда на следующий год возвращается в Керепеть[178]. Между первым воеводским сидением в Керепети и наместничеством в Почепе Н.И. Плещеев-Очин принял участие в походе большой русской рати воевод князей В.С. и П.С. Серебряных-Оболенских на земли нынешней Северной Белоруссии; оттуда 12 февраля 1564 году он прискакал гонцом к Ивану IV с отчетом о тактическом успехе армии Серебряных[179]. В.Б. Кобрин с полным на то основанием предположил, что Никита Иванович вошел в опричнину на раннем этапе ее существования: его имя числится среди поручителей по его старшем брате З.И. Плещееве-Очине в грамоте 7074 (1565/66) года[180]. Очевидно, в опричной военно-административной системе оказалось слишком много людей из обширного семейства Плещеевых. Поэтому четвертому, младшему брату из отрасли Плещеевых-Очиных предстояло оказаться в тени высокопоставленных родственников и вне крупных воеводских назначений. По служебным назначениям в опричном корпусе его заметно превзошел даже Андрей Иванович Плещеев-Очин, родной брат, явно уступавший Никите Ивановичу по части командного опыта. Андрей был старше Никиты, и семейный интерес опять, как видно, возобладал над государственным. Возможно, Никиту Ивановича использовали на административно-судебных службах или ждали удобного момента, чтобы возвысить. Но вплоть до общей опалы на Плещеевых такого случая не представилось.

Благополучно пережив опалу, Никита Иванович на несколько лет исчезает из разрядов. Лишь в 1573 году ему доверят небольшой отряд для самостоятельных действий в Ливонии, затем, весной – летом 1575 года, он опять появится на службе – как второй воевода в Туле, а через год, в августе 1576-го, уже возглавит полк левой руки на «береговой службе» у Каширы[181]. Впоследствии его станут постоянно отправлять в походы на воеводских должностях, он возглавит полки и целые армии, заработает окольничество и будет последний раз упомянут разрядами в апреле 1593 года[182]. Фактически Н.И. Плещеев-Очин окажется одним из самых востребованных русских полководцев последних лет царствования Ивана IV и на протяжении большей части царствования Федора Ивановича. Никита Иванович сделает очень хорошую карьеру на военном

поприще, но возвышение его не связано с опричными службами.

Этот совершенно так же, как и брат, Иван Иванович, попал в общее дело семейства как кур в ощип. Не был у великих дел и на высоких постах. Не получил ничего сверх того, что мог бы получить и без опричнины, в обход традиционного положения вещей. Немного пострадал за род, но именно немного. Зато не был уничтожен. А потом смог подняться по способностям и по усердию своему.

Опять – хорошая биография.

«Семейное дело»

Ну а теперь имеет смысл остановиться в перечислении родственников, «пристроенных» на высокие посты в опричнине по протекции Алексея Даниловича Басманова. Остановиться и задуматься над вопросом: чем была для этого человека опричнина? Источником наживы? Трудно сказать. Семейство Плещеевых и до опричной поры ходило в «больших людях», пусть и не высшего ранга; нищета ему не грозила. Способом добыть славу? Славы Басманову хватало – после всех побед, им одержанных.

Нет, дело в другом.

Алексей Данилович взял свое в этой жизни. На закатной ее поре ему могло не хватать лишь власти, влияния. Иными словами, возможности вершить большие государственные дела. Он это получил. Вероятно, Басманову требовалось насолить старинным соперникам московского боярства – княжатам, взять над ними верх. Тут он преуспел. Княжатам из числа знатнейших путь в опричнину оказался заказан на первые пять лет ее существования… Еще боярину требовался инструмент, с помощью которого он мог бы возвысить родичей – ближних и дальних. О! Эту задачу ему удалось выполнить целиком и полностью. Если взглянуть на раннюю опричнину глазами одного из ее «отцов-основателей», то она предстанет как «семейное дело». Как богатый и перспективный «подряд», выданный великим государем нескольким боярским родам, но прежде всего – именно Плещеевым. Более того, если говорить современным языком, этот «подряд» изначально являлся еще и «проектом», выпестованным Алексеем Даниловичем.

Так что такое опричнина, если глядеть с колокольни боярина Басманова? Безусловное благо. Отдых после нескольких десятилетий служебных тягот. Исправление ситуации, при которой вся социальная среда, породившая этого человека,

терпела униженное состояние. Обеспеченное будущее для всего рода. Долгожданный реванш. Восторг! Ликование!

Вот так.

Можно, конечно, видеть в опричнине какую-то дьявольскую шутку свихнувшегося деспота. Объявить что-либо результатом чужого безумия – прекрасный способ сказать: «Мне это не нравится. Я не хочу и не буду это понимать!»

Чтобы понимать опричнину, следует прежде всего уяснить: это не химера воспаленного мозга, а явление, у которого была серьезная социальная база. Влиятельная общественная группа имела кровную заинтересованность в том, чтобы опричнина продолжала существовать. И как будет показано в следующих главах этой книги, одной группой дело не ограничивается.

Вот только упоительно прибыльный «проект» обернется большими сложностями. В том числе и для самого «отца-основателя» боярина Басманова. Причина проста: одного хотели от опричнины старинные боярские рода Москвы, другого искал в ней государь Иван Васильевич, а жизнь направила ход событий по третьему руслу. И в итоге получилось нечто такое, чего не ожидал никто.

Прежде всего, никто не рассчитывал, что опричнина вызовет столь концентрированное недовольство и даже открытое сопротивление. Во-вторых, никто, помимо самого монарха, даже в самом дурном сне не мог себе представить, сколь свирепыми мерами будет подавляться это сопротивление. А порой и просто тень, возможность сопротивления…

Многие видные опричники последовательно проходили через каскад испытаний, делавшихся от раза к разу всё более жестокими; проверялось, как далеко может зайти человек, желая сохранить свое положение в опричной иерархии. И далеко не всегда те, кто стоял у истоков опричной иерархии, могли переступить через себя – через веру и совесть.

Подобные испытания выпали и на долю Алексея Даниловича.

Переступить через себя

С первым из них ему пришлось столкнуться осенью 1568 года.

У опричнины было немало противников. Еще летом 1566 года, после того как завершился Земский собор, решавший судьбу Ливонской войны, открыто выступила оппозиция. Ее вожди били челом великому государю об опричнине: «не достоит сему быти». Некоторые из них поплатились за свою дерзость головами…

Позднее открылся заговор (то ли видимость заговора, якобы возглавленного Иваном Петровичем Федоровым). Но самым упорным и самым серьезным *действительным* врагом опричных порядков оказался митрополит Филипп.

Заняв митрополичью кафедру в Москве летом 1566 года, он начал с того, что потребовал у царя отменить опричнину. Тогда Ивану IV удалось достигнуть компромисса с суровым духовным пастырем. Однако расследование «дела Федорова» привело к массовым репрессиям – впервые в политической истории России. Митрополит сначала тайно увещевал государя, вымаливая милосердие для своей паствы. Это ничуть не помогло. Тогда он выступил открыто.

Филипп публично отказался благословить царя. Мало того, он начал принародно обличать опричнину, поскольку видел в ней нарушение Христовых заповедей.

Ранняя опричнина стояла на представителях старинных московских боярских родов. Колычевы-Умные, близкая родня митрополита, как уже говорилось, вошли в тесный круг семей, руководивших ею бок о бок с монархом. Очевидно, именно они способствовали возвышению Филиппа. Прежде он был игуменом Соловецкого монастыря, то есть настоятелем далеко не самой известной русской обители на самом краю христианской ойкумены. И вдруг его вызвали в Москву, поставили на митрополичью кафедру… Колычевы-Умные, очевидно, полагали увидеть в родиче всю ту же старинную «доблесть» – умение порадеть за семейство. Да высокие рода нетитулованной знати, надо полагать, с облегчением вздохнули, когда предшественник Филиппа, несговорчивый митрополит Афанасий, покинул кафедру, а на смену ему пришел «свой человек». Вероятно, Умные, подготавливая взлет Филиппу, говаривали другим столпам опричнины что-либо вроде: «Да он из наших!»

И впрямь, Филипп, в миру Федор Степанович Колычев, был выходцем именно из этой среды. Вот только он сломал в своей личности все душевные устремления, на которые могло бы опереться чувство родовой взаимовыручки. Он прошел суровую монашескую школу на Соловках. Он возвысился там до настоящих духовных подвигов. И не собирался возвращаться к бытовой правде: «Как не порадеть своему человечку?!»

Митрополит Филипп по биографии своей и по свойствам характера – прямая противоположность боярину Басманову. Один желал военной карьеры, добивался ее и добился. Добился честно – трудами, искусством и отвагой. Но другой, представитель столь же, если не более влиятельного рода, чем Плещеевы, в молодые годы решительно отказался от карьеры. Один всеми силами искал

власти, а другой противился всякому возвышению: Филипп дважды отказывался от игуменства и не сразу принял митрополичий посох. Один, поднявшись высоко, всеми силами заботился о родне. Другой отринул родовую честь совершенно, предпочтя ей идеалы древних христиан – мучеников за веру.

Так что на место Афанасия, недовольного опричниной, но не смевшего возвыситься до публичного словесного бичевания опричников, пришел митрополит-кремень, дерзнувший и самому государю бросать укоризны.

Всю первую половину 1568 года длилось противостояние государя и митрополита. Иван Васильевич требовал повиновения. Филипп не повиновался. Напротив, он всё усиливал свои обличения опричных кровопролитий, и он готов был принять мучение за веру, ибо видел в них попрание Христовой веры.

Митрополита попытались обвинить в гомосексуализме. Обвинения скоро были опровергнуты. Большая «комиссия» следователей отправилась на Соловки – производить «дознание» о тех годах, которые Филипп провел там на игуменстве. Отношения с царем накалились до предела, доходило до ссор в присутствии множества людей.

Осенью 1568 года гром грянул.

Странные и некрасивые события произошли, по разным источникам, то ли 4-го, то ли 8 ноября[183].

Митрополит Филипп служил в Успенском соборе, когда под церковные своды ворвалась воинская команда во главе с великим опричным боярином Алексеем Даниловичем Басмановым-Плещеевым. Он сыграл роль главного распорядителя.

Алексей Данилович объявил Филиппу волю царя: «Ты недостоин святительского сана!» Из-за спины его вышли приказные люди и принялись зачитывать показания лжесвидетелей. Филипп смиренно смотрел на своих гонителей, не говоря ни слова в свое оправдание и не пытаясь с ними спорить. Как только смолкли голоса чтецов, Басманов подал своим людям знак, и те бросились на Филиппа, сорвали с него архиерейское облачение со знаками сана. Митрополит оставался спокоен. Его позорили, его пытались выставить в жалком свете, но вышло иначе. Он не выдал ни словом, ни жестом страха или удивления. Стоя в разорванных одеждах, митрополит отворотился от опричников и недрогнувшим голосом промолвил, обращаясь к священнослужителям: «О чада! Скорблю, расставаясь с вами, но радуюсь, что послужил Церкви. Церковь наша овдовеет, и будут в ней пастыри как презренные наемники…» Подскочившие опричники не дали ему попрощаться. Они напялили на митрополита рваную монашескую рясу, сшитую из

лоскутков. Затем Филиппа вытолкали из храма, нанося удары метлами, и посадили на воз. Пока его вывозили из Кремля, охрана изощрялась в брани. Опальному архиерею грозили страшными наказаниями.

Филипп произнес: «Чего Бог не позволит, того человек не совершит, ибо Он нам помогает. Нам думать не о мимо-текущем, а о лучшем и вечном, а Бог наши тщания повернет к делу…» Что было тогда «мимотекущим» для злобного эскорта? Не боясь Высшего судии, выслужиться перед начальством, отлупив старика в лоскутной рясе.

В сохранении опричных порядков Алексей Данилович был *кровно* заинтересован. Именно так! Его вел голос крови. Ведь боярину удалось привести на высокие воеводские посты и придворные («дворовые», как тогда говорили) должности добрый десяток родственников. Далеко не все они перечислены выше – басмановских «выдвиженцев» было больше. Его сын оказался главнейшим царским фаворитом. Если бы Иван IV отменил опричнину, все они рисковали лишиться положения… кроме самого боярина Басманова, поднявшегося честно – кровью и потом.

Его руками государь Иван Васильевич свергал и позорил митрополита Филиппа, позднее причисленного Русской православной церковью к лику святых… Главе нашей Церкви еще предстояло пройти немало унижений, ссылку и смерть от рук Малюты Скуратова. Среди гонителей пастыря видное место занял Алексей Данилович, опричный боярин.

Что, некрасиво? Басманов – великий человек, сильный человек, полководец, украшенный многими заслугами перед отечеством. И – такое нравственное падение.

Алексей Данилович попал тогда в трагическое положение. Борясь, быть может, с голосом веры, он избавлял родню от угрозы, исходившей от митрополита-обличителя. Тяжело, наверное, приходилось этому человеку идти против совести, защищая семью… А о том, что совесть у него была и он отнюдь не являлся бездушным палачом, говорит история его гибели.

В конце 1569–1570 году царь совершит с опричным войском поход по северным русским землям, разоряя города и совершая душегубства в массовом порядке. Больше всего пострадал тогда Новгород Великий с областью, поэтому иногда этот поход именуют Новгородским. Новгородцев обвиняли в измене, архиепископу Новгородскому Пимену инкриминировали переговоры с неприятелем, целью которых якобы была передача Новгорода и Пскова под иноземное владычество.

Известно, что после окончания большого опричного похода

старые вожди опричнины – князь Афанасий Вяземский и Алексей Басманов-Плещеев – также оказались в числе обвиняемых. Их объявили первыми пособниками Пимена; Басманова в 1570 году казнили вместе с родственниками. Известно, что Вяземский предупреждал Пимена о готовящейся карательной акции. Видимо, и Басманов так или иначе противился кровавому походу. Возможно, и он пытался сообщить новгородцам о том, какая беда ждет их в ближайшем времени. А может быть, просто попробовал отговорить царя от столь страшного плана.

«Отцы-основатели» опричнины были самостоятельными людьми, а не бездумными исполнителями. Они свое положение считали прочным хотя бы потому, что получили его заслуженно. Они готовы были допустить казни – ради сохранения опричнины. Много казней. Ведь «семейное дело»! Они готовы были даже измараться о дела неприятные и душе-вредные – как, например, эпизод со свержением митрополита Филиппа. Но для них все-таки существовала нравственная граница. Они изначально не являлись ни палачами, ни карателями. Тем более не обретался в них революционный дух, требовавший переворошить традиционные основы русской жизни, вздыбить ее и уничтожить всех противников такого переворота. Они желали кое-какие детали поправить, но не искали способа перевернуть старинные устои вверх тормашками. И однажды кровавые «постановки» царственного «режиссера» стали приводить их в ужас. Надо полагать, Вяземский и Басманов дошли до той черты, которую не смогли переступить. Еще до большой опалы на Плещеевых пострадало несколько человек из их рода. Быть может, Алексей Данилович наивно верил, что сможет «повлиять» на царя, отговаривая его от жуткой затеи, и дорого расплатился за свою веру. В этой его «измене» проступают человеческие черты. Тут он опять выбился из рода, как выбивался, когда выходил на поле боя и единолично принимал победные тактические решения. *Тут он интересами семейства рисковал ради чего-то более высокого и в житейском смысле проиграл… Но нравственно – выиграл. А потому достоин доброй памяти, как человек, сумевший вовремя остановить помрачение собственной души.*

Итак, карьера А.Д. Басманова-Плещеева рухнула, потащив за собой в пропасть карьеры многочисленных родственников. Причем некоторых казнили вместе с ним, других пораньше или чуть погодя, третьи потеряли в чинах… Сложилась ситуация, в которой можно прозреть некую притчу, рассказанную Богом: великий царедворец пошел против Него, боясь за положение родни, и вот скатилась голова вельможи, а вслед за тем свершилось то, чего он так опасался. Как уже говорилось,

современники рассказывали печальную историю: если один сын боярина, Петр, погиб вместе с главой семьи, то другой, Федор, тот самый фаворит Ивана Грозного, будто бы зарезал отца, желая сохранить собственную жизнь…[184]Если это действительно так, то выходит, что родная кровь лихо отплатила боярину за заботу.

* * *

Из этой истории можно извлечь два урока: один исторический, а другой – чисто человеческий. Во-первых, сложный, пестрый состав политической элиты Московского государства был одной из главных его социальных проблем. Консолидация двух ее ветвей произошла поздно, чуть ли не при первых Романовых. А до того соперничество старомосковского боярства и пришлой княжеской аристократии могло принимать острые формы. Нетитулованная московская знать горой стояла за опричнину как за избавление и благо. Но для ее планов кровопролитие, устроенное царем, оказалось слишком обильным. Такого не хотел никто из зачинателей опричнины. И вот ее первые лидеры постепенно отходят от власти, теряют влияние. Не только Басманов и не только в связи с «новгородским делом». Многие. Для опричнины, какой видел ее Иван IV, требовались живые орудия, а строили ее все-таки не инструменты, а люди – с волей, умом и верой. Слишком крупные люди. Не смогли они превратиться в орудия…

Во-вторых, иногда человеку дано очень многое: богатство, слава, начальственное положение, но бес тщеславия грызет его неустанно: почему ты не первый? Почему главные почести – не твои? Чуть прислушайся к нему, и большая беда гарантирована…

2. Случайный человек. Опричнина глазами князя Федора Михайловича Трубецкого

Ранняя опричнина и опричнина поздняя – как будто два принципиально разных учреждения! Смотришь и не веришь глазам своим, сколь многое изменилось. Прежние «великие люди» ушли в одночасье. Кто в могилу, кто в опалу, а кто – в монастырь. Новые люди опричнины рекрутировались из таких общественных слоев, которые еще недавно и на порог Опричного двора пущены не были бы. Всплыли фигуры страшные, бесстыдные в своей свирепости, и одновременно с ними… совершенно случайные для опричнины личности.

Басманов-старший вместе с государем и многими боярами из старинных московских родов создавал опричный уклад под себя и под свой род. Безнин и Скуратов, о которых речь пойдет ниже, рвались туда, стремясь выслужить чины. Один – умом и саблей, а другой – пыточным инструментом. Вяземские и Хворостинины, о которых также разговор пойдет позднее, просто воспользовались удачной возможностью повысить служебный статус. Можно осуждать или не осуждать образ действий каждого из них, но так или иначе никто из них не был в опричнине случайным человеком. *Им, в разной форме, давался шанс. Они этот шанс повернули в свою пользу.*

Но… среди опричников нового призыва оказались персоны, не нуждавшиеся в опричнине ни в малой мере. Прекрасно прожили бы они без нее. *Таким шанс давался при рождении: отеческая кровь позволяла им высоко подняться, не надрывая жил.* Одной лишь честною службой.

Родов, летавших столь высоко, Московское государство знало совсем не много. Десяток. Может быть, полтора десятка. Первенцы, появлявшиеся на свет в подобных семействах, с пеленок обрекались на роль бояр и главнокомандующих. Им требовалось крепко постараться, чтобы власть ушла из их рук. Например, стать изменниками. Или приобрести увечье на войне. Или служить фантастически плохо. Словом, что-нибудь такое, от чего мало-мальски нормальный человек при минимальном везении гарантирован…

Высших аристократов готовили к одной роли – управлять. Их с детских лет учили военному делу, да еще тонкому искусству быть хозяевами, мастерами власти. И они умели повелевать другими людьми, как сейчас не умеет ни один русский управленец – ведь нет у нас сегодня аристократии. Нет тех, кто

передает право на власть из поколение в поколение. А наука власти не может быть в полной мере постигнута на скамье вуза.

Среди таких семейств особенно выделялись князья Гедиминовичи: Бельские в первую очередь, затем Мстиславские, Голицыны и Трубецкие. Из Рюриковичей, например, Микулинские и Шуйские… Но пальма первенства была все-таки у отпрысков Гедиминова рода.

Начиная службу, они подвергались относительно недолгим испытаниям: им давали побывать раз-другой-третий на командных должностях второстепенного характера. Или просто поучаствовать в походах и боевых действиях в составе государевой свиты. Они должны были, таким образом, понюхать пороха, но чаще всего не могли всерьез напортачить из-за неопытности: на первых порах этого просто не позволяла должность. Затем, очень быстро, – очень быстро! – они оказывались в «командармах», то есть возглавляли самостоятельные полевые соединения.

Князь Иван Федорович Мстиславский начал рындой (государевым телохранителем) в 1547 году. Еще разок сходил в поход в рындах, а на третий был одним из воевод, да еще и в чине боярина. После нескольких высоких назначений он уже в 1552 году оказывается главнокомандующим русской армией, взявшей Казань. В дальнейшем ему предстоит быть «командармом» на протяжении трех десятилетий[185].

Князь Иван Дмитриевич Бельский оказался главнокомандующим армией, получив второе свое воеводское назначение. И потом оставался в этом статусе до самой смерти.

И так далее. В чем тут дело? Во-первых, армии требовались люди, которым будут подчиняться в силу древности и знатности рода. Их назначения в верхнем эшелоне военной иерархии никого не могли обидеть, поскольку они по крови, «по отечеству» *имели право и одновременно обязанность быть на самом верху*. Даже если в детстве у них были отнюдь не милитарные грёзы! Положение обязывает… Во-вторых, опыт показывает, что в деле эти «командармы по крови» были совсем неплохи. Их, как уже говорилось, с детства приучали руководить людьми. Ну а если этого навыка оказывалось мало, к ним приставляли второго воеводу – человека на ступеньку ниже чином, не столь знатного, зато хорошего тактика и опытного человека. Он-то и подстраховывал «молодых тигров». И система работала…

Так вот, кое-кто из высших аристократов, к бесконечному удивлению своему, обнаружил себя на опричной службе.

Эта необыкновенная перемена совершилась в течение всего нескольких месяцев весной – осенью 1570 года. Была опричнина

боярской, а стала княжеской. Разом. Залпом.

После большого похода против северных русских земель, находившихся в земщине (1569–1570)[186], а также расследования «новгородского изменного дела» и произошел перелом. Для этого было как минимум две причины. Прежде всего, подвергся разгрому стержнеобразующий для опричнины клан Плещеевых, которые до того успели оттеснить Телятевских от власти в опричном корпусе. Плещеевы ставили своих людей не только на высшем, но и просто на всех уровнях командного состава опричнины… Тогда же пал род князей Вяземских, а это еще четыре опричных воеводы, в том числе два крупных: князья А.И. Вяземский-Глухой и Д.И. Вяземский. Более того, сама «новгородская кампания» могла вызвать серьезное разочарование царя в опричнине: во время грабительского похода на Северную Русь опричники покидали царя, предпочитая кровавой, страшной, но все же службе, личное обогащение. В записках немца-опричника Генриха Штадена есть очень характерное место: царь после этого похода делает в Старице смотр опричному войску, желая знать, «…*кто остается при нем* и крепко его держится»[187]. Следовательно, Иван IV увидел в рядах опричного войска заметное число людей отставших, ушедших по своим надобностям. И «мемуары» Штадена, и записки других иностранцев об опричном времени изобилуют свидетельствами многочисленных злоупотреблений опричных должностных лиц, не меньше заботившимися о собственном обогащении, чем старая, аристократическая администрация, но более «голодных», а значит, менее сдержанных в методах и масштабах вымогательств, взяточничества, открытого грабежа. При этом они осмеливались оставлять Ивана IV в его походах!

Поэтому, во-первых, опричный корпус нуждался в укреплении новыми командными кадрами, ведь старые оказались выбиты или попали под подозрение. И во-вторых, потускнела идея, согласно которой опора на старинные московские боярские рода и устранение представителей сильнейшей титулованной аристократии от рычагов управления опричниной придадут опричному военному механизму особый градус верности, управляемости, инициативности.

В результате весной – осенью 1570 года происходит вливание целого ряда способных военачальников из числа титулованной знати (притом ее «сливок»!), в командный состав опричнины. Среди них виднейшей персоной был именно князь Ф.М. Трубецкой.

Гедиминович

Федор Михайлович – выходец из весьма знатного рода, идущего от великих князей Литовских Гедимина и Ольгерда. А Гедиминовичей в Москве середины XVI века ставили необыкновенно высоко. Князья Бельские, князья Мстиславские, князья Голицыны возглавляли армии, сидели в Боярской думе, обладали колоссальными земельными владениями. А княжеское семейство Трубецких могло потягаться с любым из этих родов. Сам Федор Михайлович однажды вступил в местническую тяжбу с князем Иваном Юрьевичем Голицыным, не считая его ровней. Как пишет историк Ю.М. Эскин, «Трубецкой, вероятно, считал равенство с Голицыным „потерькой“». И дело решилось в его пользу[188].

Трубецкие служили государям Московским со времен Ивана III Великого. Они сохраняли на протяжении всего XVI столетия права на родовые вотчины в Трубчевске и даже остатки удельного суверенитета, хотя удел и был ликвидирован не позднее 1531 года. В Думе из князей Трубецких до опричнины был лишь князь С.И. Трубецкой-Персидский, попавший туда в годы правления Елены Глинской. Крупных служебных достижений в воеводских чинах за их родом числилось немного, но в полковых воеводах Трубецкие ходили неоднократно, да и наместничать в больших городах им также приходилось[189]. Статус настоящих удельных князей, то есть полудержавных властителей, хотя бы и на незначительной территории, мешал им стать полноценными служильцами московских монархов. Во-первых, для них самих это было некоторое понижение статуса. Во-вторых, не было и полного доверия к удельным князьям, не отведавшим простой московской службы без привилегий, наравне с прочей знатью.

Впрочем, Трубецкие не бунтовали, не устраивали измен, не пытались возглавить придворные «партии». Их не трогали. А они сами не торопились терять свое особое положение ради высоких чинов в армии или Боярской думе.

До первой половины 60-х годов XVI века Федора Михайловича в разрядах не видно. Он известен лишь по «Дворовой тетради» как служилый князь[190]. В разрядных записях его имя появляется незадолго до опричнины.

Князь Трубецкой упомянут в числе есаулов, ходивших с Иваном IV под Полоцк зимой 1562/63 года[191]. Иными словами, он принял участие в том самом походе, когда Алексею Даниловичу Басманову-Плещееву пришлось терпеть унизительное пребывание на весьма низком посту. Надо учитывать одно немаловажное обстоятельство: Трубецкие намного знатнее Плещеевых и заметно выше их стоят на лестнице местнических счетов. Тем не менее Алексей Данилович – воевода (и для него

этот воеводский пост никак не повышение, а едва терпимая должность), в то время когда Федор Михайлович – всего-навсего есаул, то есть на два порядка ниже чином.

По всей видимости, причина подобного несоответствия проста: если Басманову под Полоцком немного недостает до пятидесятилетия, если он – исключительно опытный полководец, то Федор Михайлович, надо полагать, весьма молод. Его «выдерживают» на невысоких должностях московской службы, давая набраться опыта перед более значительными постами. Ему около двадцати пяти лет или чуть меньше… В октябре 1550 года особым указом было объявлено о наделении тысячи служилых людей по отечеству земельными владениями недалеко от Москвы. Текст указа и список «избранной тысячи» составили «Тысячную книгу». Среди «тысячников» князя еще нет. Следовательно, скорее всего, тогда ему не успело еще исполниться пятнадцать лет. Таким образом, родился он после 1535 года. Зато в «Дворовой тетради», которую начали составлять несколько позднее, в первой половине тех же 50-х годов XVI века, он уже числится «служилым князем». Значит, князь Трубецкой появился на свет в конце 1530-х годов.

Ничем особенным Трубецкой при осаде Полоцка не отличился. Но, вероятно, был в деле и чем-то запомнился государю Ивану Васильевичу: ведь впоследствии царь приблизил его к себе, как и многих других участников победоносной полоцкой кампании.

С 7072 (1563/64) года на протяжении нескольких лет Федор Михайлович сидит первым воеводой в Дедилове, то есть на переднем крае обороны южных границ России. Древний Дедилов стоял в двадцати верстах от Тулы на реке Шивороне и благодаря своему порубежному положению часто подвергался нападениям крымских татар. В середине 1550-х город укрепили, а на новых дубовых стенах установили две пушки и 87 пищалей. Гарнизон составляло несколько сотен ратников. Город не был богатым торговым и ремесленным центром. Он играл роль стража на пути у беспощадного врага. Воеводство в Дедилове не давало ничего для славы или корысти. Это было тревожное место – одно из самых рискованных в русской обороне против татар. И там Федор Михайлович мог приобрести обширный драгоценный опыт самостоятельного командования. Так, осенью 1564 года он командовал дедиловскими ратниками в боях с крымцами на Рязанщине[192]. Отпустят его с воеводства лишь осенью 1565 года. И до этого ему впервые придется принять на себя ответственность за целую армию.

Летом 1565 года выдалось тревожным. Еще в мае на

Муравском шляхе русская сторожевая станица обнаружила татарское войско. На литовском рубеже шли боевые действия. Вот и приходилось постоянно маневрировать скудными силами[193], прегражда неприятелю путь то тут, то там. Трубецкому приказали выйти из Дедиловской крепости с отрядом к Кашире. Он участвовал тогда в крупной оборонительной операции под общим командованием князя И.Д. Бельского. В конце июня главные силы русской армии начали перебрасывать с юга на литовский рубеж. Но против крымцев следовало держать заслон, даже если масштабного вторжения здесь уже не ждали. Поэтому в июле – августе под Калугой встала армия из пяти полков (видимо, не столь уж значительных по численности). Именно ею и командовал князь Трубецкой[194]. Когда армию распустили, он вернулся в Дедилов, где пробыл на воеводстве до начала осени.

К тому времени опричнина уже существовала на протяжении нескольких месяцев. Правда, опричной армии еще не существовало. Впервые она появится на полях сражений лишь осенью 1565 года, под Болховом. Но в армии Ф.М. Трубецкого боUльшую часть воеводских постов занимали люди, которым предстояло оказаться на опричной службе. Сам князь ни сном ни духом не мог представить себе собственное будущее на *опричных* воеводских постах. От этого момента его отделяло целых пять лет.

На протяжении этого пятилетия карьера Федора Михайловича складывалась в рамках земщины. Известно, например, что осенью 1567 года он стоял первым воеводой в передовом полку на Великих Луках, а позднее под Вязьмой расписан был «для литовских людей» первым в сторожевом полку; позднее он занимает пост первого воеводы в Туле[195]. А Тула – не маленький Дедилов. Это крупный город с мощным каменным кремлем, настоящая русская цитадель и главнейший столп обороны целого региона. Оказаться на тульском воеводстве – большая честь, не сравнить с незначительным Дедиловом! Выходит, военная карьера князя Трубецкого шла быстрыми темпами. Он рос в чинах со скоростью, подобающей его происхождению. И вот летом 1568 года князь опять оказывается во главе армии на южных рубежах. На этот раз армия состояла из трех полков[196]. Осенью полки Трубецкого отбивают нападение крымцев Шифир-мурзы «на Одоевские места и на чернские и на белевские»[197]. По некоторым, впрочем, довольно спорным сведениям, 1568 год принес Федору Михайловичу и боярский чин – *в земщине*[198].

Тогда ему было около тридцати лет. Однако за это время он успел послужить России как военачальник на весьма

ответственных постах. Продвижение Трубецкого хотя и происходило стремительно, однако давало князю возможность увидеть воинскую службу с разных точек зрения.

Есаул в огромной армии.

Воевода небольшой крепости на переднем краю.

Полковой воевода.

Командующий полевым соединением.

Воевода крупного города.

За несколько лет князь получил богатейший боевой и административный опыт, отведал больших сражений и бесконечных стычек с татарами. *Это был правильный служебный рост.* Это не прыжок из капитанов в маршалы.

И для вооруженных сил России Федор Михайлович стал по-настоящему ценным кадром.

Опричное «повышение»

На опричной службе Федор Михайлович оказался не позднее мая 1570 года. С момента попадания в опричнину Трубецкой становится одной из крупнейших командных величин в вооруженных силах России. Его высочайший статус сохранится на протяжении всего царствования Ивана IV и не будет утрачен при его сыне Федоре Ивановиче (1584–1598). Фактически князь оказался одним из «столпов царства».

Вот только сам он, по крайней мере, изначально вряд ли имел основания радоваться такому «повышению».

Итак, князь Трубецкой с самого начала занял среди опричных военачальников ведущее место. Почему именно он был избран царем для столь высокой службы, понять нетрудно. Трубецкой не имел прочных связей со старым воеводским корпусом опричнины, а значит, был избавлен от подозрений в доброжелательстве к «новгородским изменникам». Он располагал обширным военным опытом, хотя и не имел громких боевых достижений. Главное же достоинство князя – чрезвычайная знатность рода. Опричные воеводы не вылезали из местнических споров друг с другом, что заметно вредило службе, а против Федора Михайловича ни один из них не посмел бы инициировать подобного разбирательства: слишком велико было превосходство прямого потомка Ольгерда[199].

В мае 1570 года Трубецкой возглавляет опричный отряд, поставленный у Калуги «по вестям». Летом того же года он уже поставлен первым воеводой большого полка, то есть «главнокомандующим» основными силами опричного корпуса,

дислоцировавшимися там же. Осенью Федор Михайлович вновь под Калугой командует опричным отрядом. В походах Ивана IV 1571 и 1572 годов князь назначается первым дворовым воеводой, иначе говоря, возглавляет государев полк[200]. На исходе опричнины, не позднее октября 1571 года, князь Трубецкой получил боярский чин. Об этом сообщает разряд государевой свадьбы с Марфой Собакиной: здесь, среди прочих доверенных людей, присутствует с семьей и боярин Федор Михайлович[201]. Ранее говорилось, что боярином он мог стать еще в земщине: источники дают в данном случае разноречивую картину. Однако между 1568 годом, когда (теоретически!) могло совершиться пожалование боярским чином в земщине, и 1571 годом, когда Трубецкой совершенно явно – боярин на опричной службе, нет никаких упоминаний этого думного чина при его имени. Вероятность того, что боярство Федор Михайлович получил в опричнине, выше.

Любопытно: никакие Малюты Скуратовы, Вяземские и другие опричные знаменитости не поднимались до таких служебных высот, как этот высокородный аристократ. Но именно в качестве опричника Трубецкой не приобрел широкой известности. Никто никогда не ассоциировал опричнину с его именем.

Ну а теперь стоит оценить, какими глазами смотрел князь Трубецкой на опричнину и на свое там пребывание? Что ему дала опричнина?

Почти ничего, если не считать спорного вопроса, когда именно Федор Михайлович обрел боярство. Но даже если он и стал боярином именно в опричнине, то с таким же успехом князь мог бы заслужить это звание и в земщине: карьера его шла вперед и вверх семимильными шагами. Да, он возглавил опричную армию. Да, он фактически первенствовал среди воевод опричнины, если не считать некоторого предпочтения, отдававшегося до мая 1571 года князю Михаилу Темрюковичу Черкасскому, – но это, так сказать, «не в счет»: сестра Черкасского была супругой самого государя!

Однако… Ф.М. Трубецкой еще до попадания в опричнину добился положения «командарма», а выше ничего в русской армии того времени не существовало. Иначе говоря, опричнина уже не могла предложить ему, как военачальнику, ничего более высокого.

Зато обстоятельства новой службы, надо полагать, *производили на Трубецкого гнетущее впечатление.*

Прежде всего, до 1570 года опричники во главе с государем нанесли несколько страшных ударов по высшим аристократическим родам. Федор Михайлович не мог не

чувствовать, что люди, подобные ему по социальному положению, оказались в крайне небезопасной ситуации. И главными их врагами стали те самые опричные лидеры, с кем теперь ему предстояло служить бок о бок. Не заработать бы недоброжелателей *с обеих сторон*…

Кроме того, до 1570 года в опричнину старались не допускать княжат. Да, там была титулованная знать «второго разбора»: Вяземские, Хворостинины, Охлябинины, Гвоздевы. Но всё это не его полета птицы, тут и сравнивать невозможно, – настолько велика дистанция! Были высокородные бояре: Плещеевы (коих разогнали и частично казнили), Колычевы-Умные (эти тоже испытали на себе опалу), Салтыковы, Бутурлины. Те, кто пережил «смену руководства», остались в небольшом числе. К тому же ни один из перечисленных родов также не добирал до «породы» князей Трубецких. Пожалуй, единственным служилым аристократом, приближавшимся к Федору Михайловичу по степени знатности, можно считать князя Василия Ивановича Темкина-Ростовского. Причем именно приближавшегося, но не достигавшего. Однако Темкин для опричной службы стал своего рода исключением…[202]

Иначе говоря, тут не с кем тягаться Гедиминовичу.

Зато как неприятно наблюдать в тесном приближении к самому государю нескольких худородных выдвиженцев! Ни княжатам, ни старинным боярским родам они не ровня, для Трубецкого же – попросту никто. А стоят высоко. Кое-кто воеводствует, какие-то псы шелудивые даже *сидят рядом с людьми* в опричной Думе и рассуждают о великих делах! Да сидеть-то с ними по соседству – не выйдет ли из того поруха чести?

Земщина в среднем своем слое и нижнем, в гуще, так сказать, ничем не превосходила Опричный двор Ивана IV. Здесь и там оказались служильцы примерно одного уровня родовитости. Но если взглянуть на тех, кто составил высший «ярус» обеих иерархий, на «начальных людей», то здесь соотношение складывалось явно не в пользу опричнины. Земские «столпы» принадлежали к числу знатнейших семейств, а опричные до 1570 года такой кровью похвастаться не могли.

Вот и выходит: «повышение»-то, конечно, повышение… но только среди фигур, заведомо уступающих по происхождению. Так велика ли честь?

Федор Михайлович для опричнины – случайный человек. Он оказался необходим опричной военной системе в качестве опытного вождя, полное превосходство которого оспорить невозможно. Некому! Но была ли сама опричная военная система необходима князю Трубецкому? Вот уж вряд ли.

Когда Федора Михайловича «рекрутировали» на опричную службу, лишь одно могло подсластить ему горькую пилюлю: тогда же на «укрепление командных кадров» Иван IV перебросил из земщины целую коллекцию высокородных аристократов. Среди них – исключительно опытный полководец, талантливый тактик князь В.И. Барбашин, да еще несколько знатнейших людей страны, так или иначе связанных со Старицким удельным домом[203].

Все они попали в опричнину как кур в ощип…

Но теперь ему хоть не скучно: есть возможность пообщаться с людьми, равными по «отечеству».

Разумеется, ни к каким карательным операциям и палаческим заданиям Федора Михайловича не привлекали. Источники не донесли до наших дней ни единого свидетельства подобного рода. Не для того, надо полагать, понадобился князь монарху… С подобными делами справлялись люди попроще, да и пониже званием.

Эпизод, не более того

Падение опричнины, в противоположность судьбам многих других опричников, не разрушило карьеру Федора Михайловича. Князь Трубецкой не перестал получать высшие армейские посты. Как первый «дворовый» воевода Федор Михайлович участвовал в победоносном зимнем походе 1572–1573 годов, когда была взята ливонская крепость Пайда. Другой победоносный поход – на ливонские города и замки, захваченные тогда во множестве (лето 1577 года), – князь также провел на должности первого «дворового» воеводы[204]. Перед началом большого вторжения передовые части русской армии совершили стремительный рейд от Пскова вглубь вражеской территории. Командовал ими в этой наступательной операции бывший опричник князь Трубецкой.

Занимая столь высокие посты, он автоматически входил в состав высшего командования полевой армии, ее штаба. А значит, делил с царем и другими высшими воеводами славу этих побед.

Смерть Ивана IV никак не сказалась на статусе полководца: уже в мае 1584 года он возглавляет армию, вышедшую «на берег… для прихода крымского царя»; два года спустя Федор Михайлович отправился первым воеводой в Новгород Великий.

Он еще успел поучаствовать в большой войне со шведами, разразившейся при государе Федоре Ивановиче. То, что когда-то потерял, проиграв Ливонскую войну, царь Иван IV, постарался вернуть его сын. Часть утраченных русских территорий

возвратить ему удалось. Боевые действия начались зимой 1589/90 года. Князь Ф.М. Трубецкой вышел вместе с государем и всей армией во главе полка правой руки. Он был при взятии Яма, Ивангорода и Копорья. В зимнем походе 1591–1592 годов на Выборг его вновь расписали первым воеводой полка правой руки[205]. Тогда наша армия изрядно разорила шведские уезды под Выборгом и Корелой. Последний поход князя Трубецкого состоялся весной 1593 года – его опять отправили «на берег» начальствовать над полком правой руки. В серпуховской поход царя Бориса Федоровича (1598–1605) князя Ф.М. Трубецкого уже не взяли, видимо по возрастным причинам, и дали скорее почетную, нежели боевую задачу – отвечать за готовность к осаде «старого каменного города» в Москве (1598)[206].

Имя старого воеводы пребывает *на первом месте* в боярских списках 1588–1589 и 7098 (1589/90) годов. Он судит местнические суды, участвует в дипломатических приемах[207]. При государях Федоре Ивановиче и Борисе Федоровиче князь Ф.М. Трубецкой пользуется большим почетом, уважением и немалым влиянием. Он являлся придворным сторонником партии Годуновых (несмотря на некоторые размолвки с ними), и, скорее всего, этим объясняются новая победа рода князей Трубецких над «ровней» – князьями Булгаковыми-Голицыными в крупном местническом деле. На закате судьбы князь Трубецкой не утратил высокого положения. Никакая опала или военное поражение не омрачили последних лет полководца.

Умер Федор Михайлович уже в преклонном по понятиям того времени возрасте – около шестидесяти пяти лет. Это произошло в январе или феврале 1602 года.

По сведениям В.Б. Кобрина, он похоронен «в своем родовом гнезде Трубчевске»[208].

Английский дипломат Джильс Флетчер, посетивший Московское государство в конце 80-х годов XVI столетия, перечислил четырех главных воевод русской армии того времени; среди них и князь Ф.М. Трубецкой. К нему относится следующая оценка, данная Флетчером всей четверке: «Они знатны родом, но не отличаются никакими особенными качествами…»[209]Оценка эта, думается, объективна: в данном случае Флетчер выполнял функцию сборщика важных сведений, а не публициста-хулителя России. Для него важнее было исполнить разведывательную службу, и военная система России весьма интересовала британца… Несколькими строками ниже английский дипломат отмечает выдающиеся способности другого русского полководца – князя Дмитрия Ивановича Хворостинина. Да и в самой ремарке о четырех главнейших военачальниках России он делает некоторое

исключение, говоря о дарованиях князя Ивана Михайловича Глинского. Судя по фактам военной карьеры князя Трубецкого, Флетчер был недалек от истины: за Федором Михайловичем, как руководителем самостоятельных полевых соединений, не числится серьезных боевых успехов. Как, впрочем, и поражений. Одно можно сказать точно: на протяжении нескольких десятилетий честной службы этот человек побывал как один из главных воевод в трех больших успешных походах, руководил гарнизонами значительных крепостей, ни от какого неприятеля не бегал с позором, ничего не сдал врагам.

Он просто сделал на своем веку много добротной военной работы.

Среди прочего, поработать пришлось и в опричнине. Около двух с половиной лет провел князь Трубецкой на опричной службе. И для него это был не столь уж значительный эпизод где-то в середине очень длинной службы трем государям Московским…

Не пройди Федор Михайлович опричную полосу, надо полагать, судьба высокородного аристократа сложилась бы примерно так же.

Его притча проста: князь получил от рождения роль, которую до самой смерти старался исполнять как следует. Ему это удалось, и он достоин уважения. Опричнина обтекла Трубецкого, как вода обтекает навощенный камень.

3. Сыщик. Опричнина глазами князя Василия Ивановича Темкина-Ростовского

Князь Василий Иванович Темкин – выходец из огромного и весьма разветвленного дома ростовских князей Рюриковичей, сильно пострадавшего в годы опричнины. Подробные сведения о потерях, понесенных различными ветвями князей Ростовских, собрал С.Б. Веселовский[210], судьба их трагична. Только синодики, составленные из имен репрессированных при Иване Грозном, упоминают полтора десятка представителей этого семейства. Иностранные источники сообщают о казни 50 человек из рода ростовских князей, но трудно сказать, нет ли здесь преувеличения.

В любом случае этому семейству царь не доверял. Его недоверие хотя бы отчасти можно считать заслуженным: в 1554 году целая гроздь князей Ростовских совершила попытку перебежать в Литву. Да и позднее, когда память о том побеге стерлась, князьям Ростовским полной мерой доставалось монаршей немилости…

А вот личная судьба Василия Ивановича сложилась прямо противоположным образом. То есть, в конечном итоге, и его ждала казнь: можно раскрыть карты с самого начала – тем интереснее будет наблюдать, как вертелся князь Темкин, пытаясь перехитрить судьбу. На протяжении нескольких лет он, не щадя сил, врастал в тут самую организацию, которая вогнала в гроб столько его родни! Этот служилый аристократ представляет собой яркий образец опричника-карателя, строящего карьеру на выполнении наиболее жестоких поручений монарха. В опричнине он был одной из центральных фигур и оставил заметный, хоть и негативный, след в ее военной истории. Это человек необычный, вылезающий изо всяких рамок. Не просто каратель, палач, а нечто другое. Василий Иванович – какой-то трикстер, арлекин, ловко шествующий по пути восхождения, меняя маски, но все-таки не доходящий до высшей точки и гибнущий на взлете. Личность его не вписывается в традиционный набор амплуа русского национального характера. Опричнина как будто включила странную лампочку, не предусмотренную проектом, ненужную, вкрученную в том месте, где лампочкам быть неуместно, и, однако, загоревшуюся полным светом.

Поэтому биография князя заслуживает самого пристального внимания.

Ростовские князья занимали в Боярской думе середины XVI

столетия выдающееся положение, им доставались богатейшие наместничества – Псковское, Новгородское, Смоленское и др. Старший брат Василия Ивановича Темкина, князь Юрий Иванович, имел чин боярина. Наряду со служилыми князьями Гедиминовичами в середине XVI века именно князья Ростовские занимали исключительно высокое положение в армейской иерархии. Одна из отраслей ростовских князей, род князей Темкиных, восходит к Ивану Ивановичу Темке, видному военному деятелю и администратору первых лет правления Василия III[211]. Он погиб под Оршей в 1514 году.

Итак, по рождению своему князь Василий Иванович Темкин принадлежал к числу высших аристократов Московского государства. Он мог претендовать на ключевые посты в командном составе вооруженных сил. Ему, как и Федору Михайловичу Трубецкому, кровь давала очень значительные преимущества по службе. Большинство русских «служилых людей по отечеству» должны были тянуть лямку в течение всей жизни, стремясь получить то, что давалось высшему аристократу за несколько лет. Разумеется, если род этого аристократа не проштрафится и не попадет в опалу…

С московской службы на старицкую

Разряды показывают: первые «именные» назначения Василия Ивановича уже поставили князя на весьма высокий уровень служебного положения. Он появляется в разрядах как воевода «на Резани… за городом» весной 1540 года, затем, уже как рязанский наместник, в июне 1543 года, а в июле 1544 года – опять как «воевода за городом» у той же Рязани[212]. Поскольку Рязань считалась крупным городом, было почетно и выгодно оказаться там на воеводстве или тем более на наместничестве.

Между 1544 и 1555 годами князь В.И. Темкин-Ростовский перешел из службы московскому государю на службу в Старицкий удел. В апреле 1555 года Василий Иванович участвовал в торжествах по поводу свадьбы князя Владимира Андреевича Старицкого и княгини Авдотьи Романовны Одоевской; свадебный разряд называет его боярином в Старицком уделе[213]. Соответственно, из московских разрядов имя его надолго ушло, а разряды удельные не сохранились, поэтому нет сведений о том, что именно поручал князю Владимир Андреевич Старицкий. Известно лишь одно его назначение: весной— летом 1559 года Василия Ивановича, возможно (!), посылали из Старицкого удела на «береговую службу» под Каширу – против татар[214].

Итак, в судьбе князя присутствует большое белое пятно. О том, кем он был в те годы, можно сказать немногое. Во-первых, служба удельному правителю считалась «честию ниже» службы «на великого государя». Там высокородный аристократ имел возможность быстро получить боярство – да! Вот только чин удельного боярина ничего не стоил в Москве. Более того, к знати, прилепившейся к удельным дворам, монархи московские исстари относились без доверия и без любви. Во-вторых, как раз тогда, в середине 1550-х годов, ростовские князья накликали царский гнев на свою голову, о чем говорилось выше. Надо полагать, для представителей их рода карьера стала весьма проблематичным делом. Наконец, тот, кто мог возвыситься при дворе Ивана IV, ни при каких обстоятельствах не пошел бы на службу к Владимиру Андреевичу. В 1553 году, когда царь тяжело болел, столица узнала о «боярском мятеже»: часть высшей знати отказалась присягать малолетнему царевичу. И понеслись по хоромам шепотки, а потом и громкие речи: дескать, зачем сажать на престол несмысленное дитя? Есть же взрослый претендент, по крови – тот же Рюрикович, того же Московского правящего дома. Кто? Кто? Да князь Владимир Андреевич Старицкий. И многие, по слухам, уже склоняются на его сторону… Дело кончилось выздоровлением государя. Присяга царевичу потеряла всякий смысл. Но такие вещи не забываются, нет, не забываются ни через год, ни через пять, ни через десять лет. И пока главных людей Старицкого дома не извели до смерти, Иван IV видел в самом существовании этого семейства великую угрозу для себя. А изведут их только в 1569 году. Следовательно, на человеке, перешедшем к Старицким, государь мысленно ставил крест. «Этот – не из друзей!»

Василий Иванович знал, разумеется, о том, что ему за переход на удельную службу грозит монаршее неудовольствие. И о том, конечно же, что возможность вернуться на государев двор сократится до ничтожной величины. Но он все-таки решил делать карьеру у Владимира Андреевича.

Почему?

Трудно ответить на этот вопрос со всей определенностью. Вероятно, «попытка к бегству», предпринятая князьями Ростовскими в 1554 году, сильно уменьшила для их родни шансы карьерного возвышения. Род стал опальным… Так не лучше ли подняться у Старицких, нежели вообще отказаться от какого бы то ни было возвышения? Впрочем, могло произойти и другое. При дворе Ивана IV шла постоянная борьба аристократических группировок за власть. Известно о ней совсем мало, как и о всякой грызне «бульдогов под ковром». Очередной ее раунд мог

завершиться тяжелым поражением князей Ростовских. Кто-то из них почел за благо бежать, а кто-то отправился в удел…

Так или иначе, а служба Старицкому дому была плохой рекомендацией для государя Ивана Васильевича. И на долгое время князь Темкин оказался величиной очень маленькой, фактически незаметной для Москвы. Да, боярин. Разумеется. Где-то-там-боярин, хе-хе.

Под подозрением

Нет сведений об участии князя Темкина-Ростовского в боевых действиях. Причина проста: на страницы летописей он в роли полководца не попал, а удельные разряды, как уже говорилось, до наших дней не дошли.

Командный опыт у него в доопричные времена, несомненно, был. Но имелся ли опыт службы в полевых соединениях, то есть в действующих армиях, сказать трудно. Вся информация о присутствии Василия Ивановича в зоне боевых действий ограничивается тем, что он где-то между второй половиной 1559 и началом 1567 года попал литовцам в плен. Воевал – да. Но где, когда, насколько удачно – бог весть. Впрочем, какая там удача, если государю Ивану Васильевичу пришлось выкупать из плена князя Василия Ивановича!

Об этом можно со всей определенностью судить по летописному известию от 5 июля 1567 года: «Отпустил царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии в Литву Полотцково воеводу Станислава Станиславовича Довоина на обмену на князя Василья на Темкина, да ко князю Василью принять по государеву приказу на Довоине 10 тысяч угорских золотых. А на розъмену государь посылал от себя князя Ивана Тевекелевича да дьяка Осифа Ильина, а для береженья посыланы на рубеж на Смоленскои Василеи Колычев да Михаило Кумбулов со многими людьми»[215]. Особого внимания заслуживает тот факт, что процедурой обмена пленниками должны были заняться крупные, хорошо известные исследователям служильцы опричного двора Ивана IV. Следовательно, либо Василий Иванович уже пребывал в опричнине до пленения, либо сразу после возвращения из Литвы монарх собирался определить его на службу в составе Опричного двора. За какие заслуги – неизвестно.

Для ранней опричнины это «кадр» сомнительной ценности: из родовитых княжат, да еще из семейства, попавшего под удар опричных репрессий, то есть подозрительного в смысле лояльности к Ивану IV. Одно из двух: либо Василий Иванович

оказал царю какие-то выдающиеся услуги, суть которых до наших дней не донесли источники, либо, как предположил В.Б. Кобрин, будучи выкуплен государем, князь терял всякую связь с домом Старицких и за «полонное терпение» был принят в опричнину[216]. Впрочем, двор Старицких был распущен намного раньше, и какая у князя В.И. Темкина-Ростовского могла к 1567 году остаться «связь» с несуществующим удельным двором, остается неясным. Пока наиболее рациональным объяснением прихода Василия Ивановича в опричнину остается «компенсация» за «полонное терпение».

Р.Г. Скрынников очень разумно высказался по этому поводу: «Зачисление в опричнину литовских пленников объяснялось довольно просто. Все они, не поддавшись на уговоры русских эмигрантов в Литве, добровольно вернулись на родину. Правительство могло не опасаться, что они сбегут в Литву»[217].

Опричная карьера Василия Ивановича содержит один факт исключительной важности: между попаданием князя в состав Опричного двора и первым его воеводским назначением в опричном боевом корпусе виден большой хронологический зазор. Князь вернулся в Россию и поступил на опричную службу летом 1567 года[218]. А когда Темкин проявился с «именным назначением» в опричных войсках? Три (!) года спустя.

Вот как это произошло.

В мае – июне 1570 года перед выходом большой армии «на берег», против татар, из Москвы был отправлен небольшой передовой отряд из опричнины – «дожидатись… государева походу». Первым воеводой этой авангардной группы был поставлен Василий Иванович[219]. Фактически Темкин должен был играть роль глаз и ушей Ивана IV перед боевым выходом основных сил России на юг, да еще в условиях, когда реальной стала угроза масштабного нападения крымцев. Эта угроза реализуется в 1571 и 1572 годах. Предметом особых опасений царя могла стать преданность собственных войск: только что закончился большой опричный поход в северные русские земли, и сопровождавшие его массовые репрессии способны были вызвать недовольство в армии. Совсем недавно пострадали земельные владения, а возможно, и семьи тех, кто отправлялся в поход. Иными словами, перед Василием Ивановичем поставили весьма ответственную задачу, притом не только военного свойства.

Через год весной Василий Иванович удостоился примерно того же задания, что и в 1570-м. Он пошел вторым воеводой опричного передового полка[220]. Тогда к Оке для большой оборонительной операции против крымцев выдвигались основные силы земской армии, а с ними и опричный корпус. Во главе

передового полка поставили тогда князя М.Т. Черкасского. Но он, считаясь человеком достаточно знатным для высокого командного поста, не вызывал особого доверия. Более того, Михаил Темрюкович, недавний выходец с Северного Кавказа, быть может, не вполне понимал реалии русского военного дела. То ли по подозрению в предательстве, то ли за провал сторожевой службы князь Черкасский был казнен, и Василий Иванович должен был возглавить передовой полк.

Когда русская армия откатилась к Москве, Опричный двор с Иваном IV, пройдя столицу, отступил дальше. Но с земцами, принявшими бой на подступах к городу, осталась часть сил опричного боевого корпуса – «опричный разряд». А состоял он тогда из двух полков – передового (при нем остались князь В.И. Темкин и князь Д.И. Хворостинин) и сторожевого (им командовали князь П.Т. Шейдяков, боярин В.П. Яковлев и князь В.А. Сицкий)[221]. Таким образом, Василий Иванович, военачальник со сравнительно скромным боевым опытом, оказался во главе самостоятельного соединения. Его поставили оборонять от крымцев район Занеглименья[222]. Там располагался Опричный двор – одна из официальных резиденций Ивана IV[223]. Оборона столицы закончилась неудачно: город, подожженный отрядами хана Девлет-Гирея, сгорел, крымцы увели огромный полон, армия, не выполнив стоявшую перед ней задачу, понесла огромные потери. Среди прочего пострадала и зона ответственности князя В.И. Темкина: в огне большого пожара сгинул Опричный двор.

Очевидно, именно эта военная неудача стала причиной, по которой Василий Иванович подвергся казни вместе с сыном Иваном, также ходившим в опричных воеводах. Синодик репрессированных содержит их имена[224]. По сведениям Курбского, их разрубили на части[225], а Генрих Штаден сообщает об утоплении Темкина[226]. Очевидно, свидетельство Штадена, находившегося тогда в опричнине, более достоверно, нежели рассказ Курбского, пользовавшегося слухами, которые неведомыми путями приходили из-за русско-литовского рубежа.

Складывается парадоксальная картина. Летом 1567 года князь Темкин возвращается в Россию из плена и попадает на службу в опричнину, но на протяжении длительного периода малозаметен там и совершенно незаметен в опричной военной иерархии. Его не ценят, его не выдвигают на ключевые посты. Очевидно, связь Василия Ивановича с родом опальных княжат и, видимо, не в последнюю очередь прежняя служба Старицким лишают его доверия Ивана IV и начальных людей опричнины. Но к концу 1569 – началу 1570 года всё меняется: уже в октябре 1569

года Василий Иванович участвует в заседании Боярской думы как боярин из опричнины[227], а через полгода назначается на ответственный воеводский пост. Теперь это доверенный человек! Триумф! Успех! Поистине волшебное превращение судьбы!

Каковы причины столь разительной перемены?

В.Б. Кобрин собрал обширные сведения о прямом и непосредственном участии князя В.И. Темкина в опричных репрессиях[228]. Василий Иванович, в частности, 15 июля 1570 года собственноручно умертвил дьяка Шапкина с женой и двумя сыновьями. Однако факты, сконцентрированные В.Б. Кобриным, относятся к периоду, когда Василий Иванович уже был опричным боярином и воеводой. Он, так сказать, «отрабатывал» обретенный статус. Доказывал полную лояльность монарху доступными методами.

Очевидно, получение им боярского чина следует связывать с другим делом, в которым был весьма заинтересован лично Иван IV. Речь идет об осуждении митрополита Филиппа, выступившего с обличениями опричнины в конце 1567 – первых месяцах 1568 года. Иными словами, о том самом деле, где боярин Басманов сыграл очень некрасивую роль. Да и не только Басманов, но и другие видные опричники. Война царя с митрополитом оказалась пробным камнем, проявившим темень во многих душах…

Материалы для суда над Филиппом готовила большая следственная комиссия, работавшая на Соловках в мае-июне 1568 года. От церковных властей в ее состав вошел епископ Суздальский Пафнутий, а работой представителей светской власти, то есть собственно следователей, руководил князь В.И. Темкин-Ростовский[229]. Как говорит Житие святителя Филиппа, Василий Иванович не стеснялся применять радикальные методы «расследования»: обещание мзды за «правильные» показания сочеталось с пытками[230]. Князь собрал обширную коллекцию клеветы и лжесвидетельств. Поскольку суд над опальным митрополитом завершился смещением его с кафедры (ноябрь 1568 года) и ссылкой в тверской Отроч монастырь, очевидно, материалы, добытые Василием Ивановичем, были использованы и сыграли свою роль. После этого князь Темкин мог получить думный чин в опричнине, а его исключительная знатность позволила ему сразу же достигнуть боярского звания, минуя окольничество.

Так арлекин сделал свой прыжок с поворотцем. Возвысился в опричнине, где никому своим не был…

А если и потребовалось обмыть думный чин в чужой крови, что ж, трикстер не против умерщвления дьяка Шапкина. Кто ему такой этот дьяк? Сторож ли князь Темкин дьяку Шапкину?

Однако воеводское звание ему все еще не доверяли – даже после того, как дали место в Думе. В октябре 1569 года была уничтожена семья Старицких: сам удельный князь Владимир Андреевич, его мать, жена, дочь, а также их слуги. Только после этого, несколько месяцев спустя, князь В.И. Темкин-Ростовский появляется в опричных воеводских разрядах. А вместе с ним и другие военачальники, служившие раньше князьям Старицким или связанные с ними родством: князья Н.Р. Одоевский, А.П. Хованский и С.Д. Пронский, а также Г.Н. Борисов-Бороздин и Н.В. Борисов-Бороздин. Аристократами, связанными так или иначе с домом удельных князей Старицких, разом, почти единовременно, пополнили командование опричного боевого корпуса после того, как сами Старицкие подверглись уничтожению. Причем какие это были аристократы! Отпрыски высочайших родов, люди великие по породе и «отечеству»! Хованские – из Гедиминовичей, Одоевский – из черниговских князей Рюрикова дома, а Пронские – из рязанских; Борисовы же корнями уходили в боярство великих князей Тверских. Вряд ли подобный «залп» может рассматриваться как простое совпадение. Так же маловероятно, что все они оказали Ивану IV какие-то тайные услуги, способствовавшие окончательной расправе над Старицкими. Вероятнее другое: после гибели князя Владимира Андреевича у многих людей – бывших его служильцев и родни – было отнято потенциальное «знамя», вокруг которого могла сплотиться группа аристократов в борьбе за смену монарха. Теперь они оказались разобщены. Теперь их можно было ставить во главе самостоятельных полевых соединений и полков на ответственные места.

Но остается еще один вопрос: почему их одновременно назначили на важные посты в опричной армии, а не в земской?

В 1569–1570 годах из обоймы опричных воевод вылетело несколько очень значительных людей. Князь А.П. Телятевский, заместничав с Ф.А. Басмановым-Плещеевым, странным образом «…разболелся и умер»; затем сами Плещеевы подверглись казням и ссылкам; князья Вяземские попали в опалу. Требовалось пополнение. А разочарование Ивана IV в организаторах ранней опричнины из старомосковских боярских родов не способствовало рекрутированию этого пополнения из их среды. Конечно же, опричному боевому корпусу срочно требовались крупные военачальники. Причем такие, на которых не падало бы подозрение в «новгородской измене», стоившее жизни многим представителям старой опричной элиты (тем же Плещеевым, например). Но… почему взяли именно этих, когда-то связанных со Старицкими?

Предлагается рассмотреть три версии ответа на данный вопрос.

Во-первых, возможно, в них видели людей, недостаточно обросших служебно-родственными связями с земщиной, поскольку значительную часть своей служилой биографии они провели в уделе. Теоретически на них можно было рассчитывать как на персон не вполне «своих» и в опричнине, и в земщине.

Во-вторых, именно эти военачальники считались особенно искусными, храбрыми, энергичными, обладали обширным командным опытом в обстановке боевых действий.

В-третьих, после уничтожения Старицких огромное количество людей могло быть объявлено причастными к их «делу», а оно основывалось на страшном обвинении: будто бы князь Владимир Андреевич покушался на жизнь Ивана IV. Таким образом, те, кого не тронули – не арестовали, не сослали, не казнили по «делу» Старицких, должны были с удвоенной силой «отрабатывать» монаршую «милость».

Версию, изложенную второй, придется отбросить сразу. Все служилые аристократы, рекрутированные в опричную армию в 1570 году, были, что называется, «середняками» среди русских воевод. У каждого имелся опыт армейского командования, но никто не имел его столь много, чтобы считаться крупным полководцем, искусным тактиком или хотя бы ветераном боевых действий. Впоследствии они показали себя как военачальники разных способностей: князь С.Д. Пронский и князь Н.Р. Одоевский проявили себя удачно, князь А.П. Хованский, скорее, напротив, а князь В.И. Темкин-Ростовский оказался одним из главных виновников сожжения Москвы в 1571 году. Не видно ни малейших признаков того, что этих воевод отбирали для перевода в опричнину по критерию выдающихся талантов или хотя бы выдающегося боевого опыта. Они, остается повторить, до 1570 года должны были считаться «середняками».

Версия первая, при ближайшем рассмотрении, также должна быть отброшена. В опричнине князь В.И. Темкин-Ростовский к 1570 году пробыл уже три года, вероятно успев войти в среду ее руководства. Тогда же его многочисленная родня служила в земщине на высоких воеводских постах – это четко показывают соответствующие разрядные записи. Что касается прочих «старицких воевод», то они те же три года провели в земщине и так же обладали обширными родственными связями. Если бы хронологическая дистанция между ликвидацией двора Старицких и принятием всех этих персон в опричнину была ничтожной, тогда эта версия могла бы считаться основательной. Но сейчас нет причин опираться на нее.

По-видимому, третья версия наиболее правдоподобна. Страх отложенного наказания за существующие или несуществующие вины перед Иваном IV мог представляться действенным стимулом в делах службы. Как видно, государь Иван Васильевич не мог отказать себе в удовольствии использовать людей с «компрометирующими связями». А среди прочих – и Василия Ивановича, который до того пытался завоевать доверие монарха иными способами.

Так арлекин сделал второй прыжок с поворотцем, да и выпрыгнул в большие воеводы. Но больше вертлявость ему не помогла.

Как он смотрел на опричнину? Всего вернее, как на рискованную игру. Пан или пропал. Государь приблизил, но большой веры не дает. Родня, как видно, такому «приближению» не рада. От одних отошел Василий Иванович, да к другим пристал не до конца. Никому не свой. Что делать? Взять на себя такую службу, какою многие побрезгуют. Насладиться выигрышем. Карабкаться выше, чувствуя азарт.

И… гробануться.

Честолюбивый сыщик, служащий к тому же не за совесть, а за страх, мог бы горы свернуть по велению правителя. Мог бы, да. Если бы не провалил большое и важное для страны дело, когда понадобились способности полководца, а не «исполнителя».

Подобный способ подбора кадров – когда исходили из возможности лишний раз надавить на военачальника, а не из уровня его опыта и способностей, – не дал опричному боевому корпусу ничего хорошего. Побед за такими воеводами не числится ни одной. А вот Москва, сожженная крымцами, надолго задержалась в народной памяти.

Притча князя Темкина некрасива. Своего счастья лишившись, чужим горем его не воротишь. Бог не позволит.

4. «Второй сорт». Опричнина глазами князя Афанасия Ивановича Вяземского

«Позови меня царь к себе, я не стану молчать, только он не позовет меня. Наших теперь уже нет у него в приближении. Посмотри-ка, кем окружил он себя? Какие древние роды около него? Нет древних родов! Все подлые страдники, которых отцы нашим отцам в холопство б не пригожались! Бери хоть любого на выдержку: Басмановы, отец и сын, уж не знаю, который будет гнуснее; Малюта Скуратов, невесть мясник, невесть зверь какой, вечно кровью обрызган; Васька Грязной, – ему всякое студное дело нипочем! Борис Годунов – этот и отца и мать продаст, да еще и детей даст в придачу, лишь бы повыше взобраться, всадит тебе нож в горло, да еще и поклонится. Один только и есть там высокого роду, князь Афанасий Вяземский. Опозорил он и себя и нас всех, окаянный! Ну да что про него!» – с такой болью и обидой рассказывает об опричнине боярин Морозов в романе Алексея Константиновича Толстого «Князь Серебряный», что трудно не поверить горьким его словам.

И сколько поколений русских образованных людей искренне верили в них! Ведь ежели писатель по-настоящему одаренный возьмется рассказывать о какой-нибудь эпохе, то все школьные учебники и все многоумные монографии расступятся перед ним, поклонятся, да и дадут ему дорогу впереди себя. Знания, вбитые на школьной скамье, задерживаются в головах лишь случайным образом. БоUльшая их часть выветривается после экзаменов, а то и до экзаменов не доходит… Разве могут сравниваться грубо нарезанные кубики сухой, да еще, по большей части, скверно изложенной информации с художественными образами? Особенно если образы эти выполнены с очевидным талантом, если чувствуется в них пламя небесное? Нет, тут и сравнивать нечего. Роман всегда бил учебник. Талантливо сделанный роман бьет учебники на протяжении многих поколений. Он-то как раз может прищемить душу, бросить якорь в сердце, незыблемо утвердиться в памяти. Худо ли это? Не знаю. Люди простые лучше бы знали историю своего народа хотя бы так; в ином случае они ее, скорее всего, никак знать не будут.

Но для искушенного человека пользы в художественных образах нет. И для таких персон стоит взломать высказывание боярина Морозова.

Грязной и Скуратов, конечно же, худородны. Но вот Басмановы могли бы успешно местничать с самими Морозовыми.

Да и Годуновы относятся к числу старомосковских боярских семейств, хоть и не высшего ранга. И те и другие «родословны». И те и другие – знать. А вот Афанасий Иванович Вяземский – совсем другое дело. Этот человек находится ровно на середине социального пространства, отделявшего огромную массу рядовых «детей боярских» от сливок аристократии. Он принадлежал к числу аристократов «второго сорта». Если только не третьего…

Итак, князя Афанасия Ивановича Вяземского считают большим фаворитом Ивана Грозного, и суждение это справедливо. Странно, что именно этот человек оказался рядом с государем при самом начале опричнины… Поистине странно! Для старых боярских родов, чьим детищем стало это учреждение, он был чужаком. Худородные выдвиженцы – а их в ранние годы опричнины не очень-то пускали на самый верх – также вряд ли могли считать его своим человеком.

Афанасий Иванович Долгий-Вяземский происходил из размножившегося и измельчавшего рода, который в 60-х годах XVI века пребывал на грани утраты княжеского титула. В официальных документах того времени последнее поколение Вяземских записывали уже не князьями, а детьми князей. Да, они происходили от рода Рюрика. Что с того? Рюриковичей на Руси XV–XVI столетиях жило великое множество. Некоторые из них мечтали о большом селе в качестве столицы родовых владений… А коренные вотчины семейства Вяземских в городах Вязьма и Хлепень были потеряны еще в 90-х годах XV столетия[231]. Вяземские могли бы продвигаться по ступеням московской службы, но карьера их не задалась. В Думу никто из них до опричных времен не попал. На воеводские посты их назначали редко. Таким образом, Вяземские не могли поддержать родовую честь: они попросту не располагали для этого необходимыми средствами.

Между тем княжеский титул при московских государях потеряло не одно семейство. Так, исчез он у Всеволожей-Заболоцких, Еропкиных и Полевых, происходивших от смоленских Рюриковичей. Вяземские находились в ту пору «на грани», они «захудали». Без малого три десятка их служили в 1550-х годах, а в чины пошел только один из них – князь Александр Иванович Вяземский-Глухой. Это примечательная личность, и ниже о ней еще зайдет разговор. Но… он царским фаворитом не стал.

В отличие от Афанасия Ивановича.

Возвышение князя также связано с Полоцким походом 1562–1563 годов. Впрочем, как и возвышение многих других видных опричников. До «Полоцкого взятия» князь Афанасий Иванович не

занимал сколько-нибудь заметных постов в армии. Он был человеком небогатым и даже не мог самостоятельно снарядиться в поход, получая деньги из государевой казны «на подмогу»[232].

Отправляясь к Полоцку, князь торжествовал: ему дали пост важный и весьма ответственный – поставили во главе «коша», то есть царского обоза[233]. Как знать, не оказал ли ему родственную протекцию Александр Иванович? Он-то уже получил к тому времени изрядную известность, мог и попросить за родную кровь…

Афанасий представить себе не мог, скольких седых волос будет стоить ему это назначение. Огромная русская армия двигалась крайне медленно, постоянно возникали «заторы», «истома» и «мотчание», обоз страшно растянулся. По словам летописи, «…путное же царево и великого князя к Полотцску шествие нужно и тихо… От множества… воинского собрания полковые люди и коши в заторех на лесех смета-лися, в тесных местех иных полков с кошевными людьми не познати. Царь же и великий князь, много о том скорбя, что путное его шествие медленно, и того для по многим станом дневал. Ездя же царь и великий князь со избранными своими по всем воеводским полком сам и в заторех людей боярам своим и дворянам своего полку велел розбирати и пропущати коегождо в… его полк, да не смешаются полковые люди в ыных полкех, чтобы путному его шествию и делу его в том мотчания не было»[234]. Надо полагать, Афанасий Вяземский день за днем оказывался неподалеку от царя: он был среди тех самых «избранных» – такая уж ему досталась должность. При сложившейся ситуации ему следовало проявить необыкновенную расторопность. Иван IV мог заметить тогда деятельного командира. Поскольку Вяземский впоследствии взлетел высоко, надо полагать, работой «начальника обоза» монарх остался доволен.

Афанасий Иванович стал одним из первых лиц опричнины. Он вошел туда при самом ее основании: был вместе с царем в Александровской слободе, когда велись переговоры, приведшие к введению опричной системы. Иностранцы, оставившие записки о России опричного периода, в один голос называют его среди главных временщиков того времени. Шлихтинг именовал князя «ближним советником тирана»; по его словам, Иван IV лекарство брал только из рук своего любимца.

Летом 1565 года князь Вяземский с боярином Басмановым и П. Зайцевым отбирал дворян для службы на Опричном дворе и в составе опричного боевого корпуса[235].

О! Для аристократа «второго сорта» подобное поручение открывало блистательные перспективы.

Князь Вяземский пошел по тому же пути, что и Алексей Данилович Басманов. Он потащил за собой весь род, изо всех сил стараясь обеспечить родне высокие служебные назначения. Целая гроздь Вяземских возвысилась с его легкой руки.

Но о родственниках князя речь пойдет ниже. Важнее другое: как он сам воспользовался благосклонностью государя Ивана Васильевича.

Лично для себя Афанасий Иванович получил немало.

Во-первых, князь два раза добывал для себя воеводские должности в опричной армии. Никогда прежде воеводой он не бывал. Командование обозом во время Полоцкого похода было потолком его армейской карьеры. И вот осенью 1567 года, когда большая русская армия начинает выдвигаться к литовскому рубежу, Афанасий Иванович выступает как второй дворовый воевода. Иными словами, второй воевода государева полка[236]. Невероятное повышение! Если мерить его по шкале нашего времени, то получится, что майор одним махом превратился в генерал-майора. Более того, разряд называет его не только воеводой, но еще и оружничим! А это один из высших и наиболее почетных придворных (или, как тогда говорили, «дворовых») чинов. Оружничие возглавляли целое ведомство. Им полагалось быть «крепкими хозяйственниками». Вспоминая, что Афанасий Иванович несколькими годами ранее возглавлял обоз колоссального полевого соединения, можно предположить: хозяйственная жилка, видимо, в его характере присутствовала. Впоследствии он будет фигурировать как келарь Слободского ордена – один из главных приближенных Ивана IV по этой странной мистической организации, наряду с Малютой Скуратовым. Но для монастырской иерархии звание келаря ассоциируется как раз с хозяйственными делами. Это, собственно, инок-завхоз. Вероятно, и там использовалась по назначению оная жилка Афанасия Ивановича. Как же такого «хозяйственника» допустили на важнейшую командную должность? А ведь рядом с ним были другие дворовые воеводы, также не обладавшие особым опытом, – князь М.Т. Черкасский да П.В. Зайцев.

Вдруг эта троица, набранная из людей непригодных для командования сильнейшим полком в армии, напортачит? Что ж, их было кому подстраховать. Первым воеводой большого полка шел тогда князь Иван Андреевич Шуйский – опытнейший полководец, а во главе передового полка стоял тот же князь Ф.М. Трубецкой. Они просто не дали бы совершить серьезную ошибку. Второй раз Афанасий Иванович добился воеводского чина зимой 1568/69 года: он был вторым воеводой «по вестям» в Дорогобуже[237]. Таким образом, влияние князя Аф. И.

Вяземского на «дворовые дела» и даже на самого царя не сделало его значительной фигурой в опричной военной иерархии. Ему воеводские чины потребовались, как видно, для упрочения родовой чести. Если бы Афанасий Иванович удержался наверху, его потомки могли бы в местнических спорах ссылаться на его пример: «Вот и наш предок был воеводою». Да через много лет так и случится – дальновиден был князь! Однако его репутация и, главное, его быстрый уход с политической сцены сыграли против его родни. Им напомнили, что Афанасий Иванович «посягал» в опричнине на «христианскую кровь». А главное, несмотря на все его усилия, ему, да и всему семейству Вяземских, не удалось сохранить высокое положение. Смерть в опале работала против него и против его потомков…

Во-вторых, уже в июне 1566 года он участвовал в дипломатических делах: вел переговоры с литовскими послами. Позднее он «учинял» договор со шведской короной. Затем выполнял тайные дипломатические поручения Ивана IV, пытавшегося вырвать у англичан обещание дать царю и его семье убежище в случае потери престола. В частности, князь организовал тайное свидание Ивана Васильевича с английским дипломатом, переодевшимся в русское платье. И только он присутствовал на засекреченном совещании, только он знал, до какой степени монарх боится заговора собственных подданных, разозленных опричниной. Это означает высшую степень доверия.

В-третьих, Афанасию Ивановичу досталось звание вологодского наместника.

В-четвертых, он получил думный чин окольничего[238].

Ему по его породе и «отечеству» за четверть таких благодеяний полагалось истово благодарить Господа Бога и великого государя.

Но личное возвышение – это всего лишь полдела. Захудалые Вяземские воспрянули и разом рванулись вверх по лестнице чинов. Когда-то, в 1562-м, полководец Александр Иванович Вяземский-Глухой, кажется, помог родичу пробиться в начальники государева «коша». Теперь Афанасий Иванович мог сторицей отплатить за такое благодеяние.

Возвысившись в опричнине, Афанасий Иванович «вытащил» на большие воеводские чины родню: князей Дмитрия Ивановича Лисицу Вяземского и Александра Ивановича Вяземского-Глухого. У Болхова осенью 1565 года Дмитрий Иванович числился первым воеводой в небольшой опричной рати, шедшей из Белева; осенью 1567 года его поставили вторым воеводой большого полка на береговую службу под Калугой[239]. А кем он был до опричнины? Ни один источник не упоминает его на сколько-нибудь заметных

службах. Можно сказать, к воеводскому уровню он поднялся с уровня нулевого… Кроме того, до опричнины в воеводах ходил и князь Василий Иванович Вяземский[240], но он был малозаметен в армии; зато в опричной Думе ему достался чин окольничего (1568)[241]. Князь Андрей Иванович Вяземский прежде введения опричнины выполнял крайне незначительные служебные поручения, а в опричные годы, по словам В.Б. Кобрина, «…он был на гораздо более высоких ролях: при походе из Новгорода в Литву в сентябре 1567 г. – первый голова и дворянин „в стану у государя“»[242]. Достались земельные пожалования и почетные «именные» службы и другим представителям обширного семейства Вяземских.

Из этого семейства значительным опытом и способностями обладал только один военачальник – князь А.И. Вяземский-Глухой (или Глухов). Он заслуживает особого внимания, да и почтительного отношения. В отличие от иных князей Вяземских, поднявшихся в опричнине, он и до опричнины достиг на ниве военной службы высоких чинов. Энергия и командирский талант этого человека очевидны. Это был блистательный полководец, гордость всего рода. Летом 1554 года небольшое русское войско вело тяжелые бои под Астраханью. А.И. Вяземский привел туда отряд «вятчан». Тогда Александру Ивановичу постоянно приходилось возглавлять передовые силы, участвовать в боевых столкновениях. Князь действовал дерзко и уверенно. Он наголову разгромил вражеское войско на Волге у острова Черного. Затем неожиданно атаковал стан самого астраханского хана Емгурчея, разогнал неприятеля, захватил его пушки и пищали[243]. В 1563 году под Полоцком он возглавлял отряд из 154 «служилых людей по отечеству», числился сначала есаулом, потом головой; 16 февраля он опять отличился, совершив разведывательный рейд под Бобыничи и взяв там литовских языков[244]. Таковы два наиболее ярких эпизода его армейской карьеры. Но помимо них, князь Вяземский послужил немало. Осенью 1553 года его поставили воеводой в Шацк – на передний край русской обороны против степного юга. В 7070 (1561/62) году Александр Иванович сидел вторым воеводой торопецким уже на западном пограничье, несколько месяцев спустя он возглавил передовой полк во время похода от Великих Лук «на литовскую землю», а затем воеводствовал в Стародубе «за городом»[245]. Такие люди были нужны опричному войску значительно больше их многочисленной родни. Однако никто не отменил для опричнины обычай того времени: во власть идут родом, карьеру делают родом, поднялся один – тяни остальных. Александр Иванович, поднявшийся первым, надо полагать, потянул за собой Афанасия

Ивановича, а тот уже, в свою очередь, помог возвышению всего семейства, не глядя на опыт и реальные заслуги его представителей. В опричнине Александр Иванович четырежды назначался на воеводские должности, а зимой 1567/68 года он даже возглавил самостоятельный отряд опричников под Дорогобужем, направленный туда «по вестям»[246]. Этот командир заведомо превосходил большинство опричных воевод реальными заслугами и для опричного корпуса был просто подарком. Отсюда и высокая частота его назначений. Фактически он играл в армейской иерархии опричнины гораздо более значительную роль, чем Афанасий Иванович, несмотря на то что царским фаворитом не был и в «дворовых делах» никакой роли не играл. Вероятно, в Александре Ивановиче видели дельного военачальника, вероятно также, что у него был шанс на высокую и притом заслуженную карьеру в армии, но падение князя Афанасия Ивановича Вяземского навредило близким слободского «келаря».

А теперь пришло время увидеть опричнину с точки зрения «крепкого хозяйственника», воеводы и царского оружничего.

Прежде всего, он никогда не был ровней высшим аристократам. В чаяниях успешной карьеры ему по породе и «отечеству» надлежало придерживаться скромных запросов. На порядок более скромных, чем Алексею Даниловичу Басманову-Плещееву, и на два порядка более скромных, нежели князю Федору Михайловичу Трубецкому. А он взлетел столь высоко! *И восхождение его, очевидное для русского дворянства и приезжих иностранцев, стремительное, сопровождавшееся благодеяниями членам семьи, со стороны выглядело фантастической удачей. У самого же Афанасия Ивановича, надо полагать, голова кружилась от таких высот и дух захватывало при мысли о новых перспективах. Без опричнины не видать ему подобных чинов и подобного влияния как своих ушей! Стало быть, князь Вяземский имел основания грызться с любым врагом за продолжение опричных порядков. В конце концов, за его спиной, как и у великого Басманова, стояла семья: только дай ослабу, и все ее благоденствие разрушится! Нет, такого допускать нельзя…*

С другой стороны, об Афанасии Ивановиче нельзя сказать, что он поднялся «из грязи в князи». При всей «второсортности», он все-таки входил в нижний слой служилой знати. *Вяземские считались «родословными людьми». Захудалыми, но никак не безродными. И даже за пределами опричнины некоторые из них – да тот же Александр Иванович Глухой-Вяземский, например, – могли рассчитывать на воеводский чин, на службу при дворе. Кровью, потом, не щадя себя, они имели шанс подняться самостоятельно,*

хотя процесс карьеры происходил бы в «естественных условиях» намного тяжелее и дольше, нежели в опричнине. А значит, цену себе Вяземские знали. Малые – но Рюриковичи! И у их служебного рвения был предел.

Чем мог Афанасий Иванович отплатить государю за столь щедрые дары? Верной службой, разумеется. Честной работой. Умел хозяйствовать? Нужное дело! Другой вопрос, участвовал ли он в массовых репрессиях. Ведь они начались «делом» конюшего Федорова-Челяднина как раз в ту пору, когда князь Вяземский находился в зените карьеры… Но источники не дают возможности точно определиться с этим. Мог участвовать. И даже, вероятно, обязан был как-то подтверждать свою лояльность государю. Его протеже Григорий Ловчиков прямо занимался душегубством – твердо установленный факт. Но слова «мог» и «вероятно» в качестве аргументов использовать нельзя. Поэтому остается возможность того, что Афанасий Иванович не марал руки кровью, избежал злодейства.

В 1570 году князь попал в опалу в связи с расследованием новгородского «изменного дела» и подвергся опале, а возможно, и казни[247]. Его родня распрощалась с блестящей карьерой. Больше воеводами Вяземских при Иване IV не назначали[248].

Источники не позволяют в подробностях восстановить историю с падением «большого царского фаворита». Тут до сих пор много загадочного. Очевидно, как раз наступил такой момент, когда служебное рвение Афанасия Вяземского исчерпалось, и он не нашел в себе сил поддержать готовящиеся массовые репрессии против Новгорода Великого.

По свидетельству А. Шлихтинга, князь Вяземский в дни фавора ходатайствовал перед царем о возвышении Григория Ловчикова. Тот был возвышен при дворе и разбогател; его «работой» в опричнине стало выполнение карательных функций. Но, как пишет тот же Шлихтинг, Ловчиков «…забыв о благодеяниях, ложно обвинил Афанасия перед тираном, якобы тот выдавал вверенные ему тайны и открыл принятое решение о разрушении Новгорода»[249]. Немецкий дворянин Альберт Шлихтинг попал к нам в плен незадолго до опричнины. Он оказался на службе у царского медика Лензея как переводчик. Осенью 1570 года Шлихтингу удалось бежать, а несколько месяцев спустя он создал записки о «московитских» делах. Источник этот для данного случая имеет особую ценность. Прежде всего, время создания записок отделено от времени опалы, обрушившейся на Вяземского, хронологической дистанцией менее года. Шлихтинг писал по памяти, и память его к тому времени более всего деталей хранила о последнем

периоде пребывания в плену. Кроме того, сам Вяземский, скрываясь от расследования, несколько дней провел у Лензея. Таким образом, Шлихтинг мог знать все обстоятельства его падения из первых рук. По его свидетельству, Афанасия Ивановича поставили «на правеж», то есть подвергли жестокому избиению, а затем вчистую разорили.

Генрих Штаден, немец-опричник, сообщает, как продолжилась судьба князя: Вяземского, оковав железами, отправили в посад Городецкий, где он и умер[250]. Русские источники говорят о лишении его чина оружничего, но о казни нет ни слова. Синодики репрессированных при Иване Грозном имени Афанасия Ивановича не содержат. Зато некоторые его родичи и слуги были убиты. Стало быть, казни он избежал, но с высот положения своего скатился до положения кандальника, видя к тому же крушение всего семейства.

Сообщал ли действительно Афанасий Иванович нечто важное о намерениях царя на берега Волхова? Нельзя сказать точно, но вероятность этого велика. Русские документы того времени упоминают о каких-то «ссылках» между ним и новгородцами. Так что донос Ловчикова, надо полагать, возник не на пустом месте.

Но как оценить эти действия Афанасия Ивановича? Возможно, князь и здесь руководствовался родственным чувством: его сестра была замужем за Н. Фуниковым, а у того в родне состояли новгородские помещики. Но есть и другое объяснение.

Вяземский, как и Басманов, не отступился от государя Ивана Васильевича, когда тот проводил кровавое «расследование» по делу конюшего Федорова. Но от того жесточайшего разгрома Северной Руси, какого возжелал царь, на них повеяло ужасом. Оба все-таки были христианами, оба принадлежали служилой аристократической среде, оба – русские люди, наконец. Каково приходилось им, когда они узнали: монарх направляет опричнину нещадно истреблять их соотечественников, единоверцев, людей, социально им близких? Не захотелось ли им спасти обреченных, вытащить хоть кого-то из-под топора? Что ж, такой ход событий вполне вероятен.

Как видно, не вся опричная верхушка состояла из одних злодеев, корыстолюбцев, душегубов. Кто-то не смог до конца переступить через совесть и презреть спасение души.

Нет возможности подтвердить такую версию документально. Ее надо рассматривать в качестве одной из возможных. Но именно в ней хочется видеть искомою правду, поскольку она позволяет видеть в наших предках высоту души.

Судьба Вяземского особенно интересна тем, что в ней с

необыкновенной рельефностью выявляется маршрут, по которому пришлось пройти многим персонам его круга.

К середине XVI века выяснилось, сколь много аристократических родов оказалось за пределами высшего эшелона знати. Военно-служилый класс представлял собой пирамиду, и на вершине ее пребывало родов пятнадцать – двадцать. Эти всё решали, делили между собой важнейшие посты в армии и органах управления, вели «большую политику», делясь властью только с государем. Ниже пребывало еще 50–60 родов ниже рангом. Эти могли претендовать на воеводские посты и прорываться в Думу, но только в результате крупных успехов по службе, удачного брака или иного счастливого стечения обстоятельств. Большей частью им давали возвыситься только в после того, как они окажут престолу выдающиеся услуги или отслужат полжизни на пылающих границах России. Иными словами, им приходилось к праву рождения, то есть праву «породы», добавлять права, добытые долгими трудами. Ниже располагался «третий сорт», и где-то на границе между «вторым» и «третьим» сортами находились Вяземские.

Так вот, «второму сорту», в том числе и титулованному «второму сорту», опричнина давала отличный шанс перепрыгнуть через труднопреодолимую границу, отделявшую их от служебного благоденствия «первого сорта». К тому же им не грозило совершенно потерять статус после того, как царь разочаруется в своей опричной затее и отменит ее. Ведь они – не худородные. Они могут бешено местничать, поскольку кровь их очень хороша, это кровь Рюриковичей! У них есть шанс отстоять высокое положение, даже если впоследствии придется тягаться с высшей аристократией – теми же 15–20 родами. «Второй сорт» и без опричнины представлял собой кое-что. Родословные люди, князья, чьи предки когда-то правили на небольших клочках русской земли. Даже Вяземские, «захудалые», измельчавшие Вяземские, – и те стояли на шаг выше заурядного провинциального дворянства. Что же касается способностей к управлению, как военному, так и административному, то ведь и их семейства из поколения в поколения передавали искусство власти…

Для государя Ивана Васильевича этот социальный слой был наилучшим строительным материалом. Старинные боярские рода могли чваниться своим «отечеством» и своим «реваншем» над титулованной знатью. Но не столь уж многие из них оказались в опричнине. А из тех, кто туда попал, не столь уж много оказалось дельных людей. Не всем быть Басмановыми! Худородные по большей части просто не обладали нужными способностями и

могли использоваться главным образом в карательных операциях. А «второй сорт» наших княжат чванливостью, надо полагать, не отличался:

не тому жизнь учила… Им приоткрыли дверцу, за которой вилась лестница наверх, и потребовали оплатить более высокую скорость карьеры честной службой. Они и рады! Эти дали золотой слой опричных служильцев и составили самый надежный сегмент опричного военного командования.

Конечно, до высот, достигнутых князем Афанасием Ивановичем Вяземским, никто из них не добрался. Зато и судьбы его большинство избежало. «Второй сорт» получил за опричную службу кое-что, продвинулся в чинах, а когда опричнине пришел конец, его представителям удалось сохранить полученное. Некоторые даже вошли, хотя и трудно, хотя и через местнические стычки, в состав «первого сорта».

Вот несколько примеров.

Для начала – братья Хворостинины, вышедшие из ярославских Рюриковичей, но не обладавшие при дворе серьезным весом.

Князь Дмитрий Иванович Хворостинин за семь лет службы в опричнине несколько раз удостаивался поощрений. Его, например, ставили первым воеводой Зарайска – города с каменным кремлем. Ему также пожаловали думный чин окольничего. Царь не слишком жаловал воеводу, бывали и опалы, но все-таки князь Хворостинин скорее преуспел, чем потерял в служебном статусе[251]. Его отец, князь Иван Михайлович, впервые получил «именное» назначение в 1538 году, а окольничество он выслужил к 1562-му, пройдя четверть века военной работы. У отпрыска эта хронологическая дистанция более чем вдвое короче: всего лишь одиннадцать лет!

Весьма заметно продвинулись на воинском поприще братья Дмитрия Ивановича.

Первый из них, Андрей Иванович, начал получать «именные» службы лишь в опричнине, прежде разряды его «военную работу» не улавливают. Впрочем, среди опричных воевод он появился очень рано, еще в 1565 году, под Болховом (как третий воевода); под Калугой осенью 1567 года он фигурирует как второй воевода в сторожевом полку[252]. Андрей Иванович попал в состав опричных воевод, очевидно, молодым человеком, особой роли в армейской организации опричнины он не сыграл, карьеру же сделал намного позднее, в следующее царствование. По словам Рейнгольда Гей-денштейна, относящимся, правда, к 1581 году, у Андрея Ивановича была репутация человека, пользовавшегося уважением государя «по телесной и нравственной силе»[253].

Петр Иванович также попал в опричнину относительно молодым, не имея командного опыта. Ходил в рындах, воеводствовал в Юрьеве (это уже заметное назначение), а в полковых воеводах был лишь раз, под занавес опричнины: в 1572 году, при отражении крымского наступления, его поставили вторым воеводой полка левой руки[254].

Федор Иванович более заметен. Он, очевидно, был старше Андрея и Петра, в разрядах он появляется на исходе 1550-х. В опричнине Федор Иванович изначально занимал малозначительные должности, но в поздний период ее истории прорвался к воеводским постам. Во время царского похода «на берег» в мае 1571 года он числился вторым дворовым воеводой, а через год, когда царь с большой армией и опричной свитой отправился против шведов, князя Ф.И. Хворостинина оставили старшим военачальником в Слободе[255]. Очевидно, царь доверял ему.

Похоже, князей Андрея, Петра и Федора «втащил» в опричнину их старший брат, Дмитрий. Их положение, надо полагать, зависело от его статуса. И лишь Федор Иванович в последние два года опричнины мог играть серьезную самостоятельную роль. Все братья Хворостинины продолжили делать карьеру после опричнины, главных их поприщем стала военная служба, и они добились положения видных военачальников. В частности, князь Андрей Старко Хворостинин участвовал в героической обороне Пскова от войск польского короля Стефана Батория. Да и все братья Хворостинины служили честно, позора не принесли ни себе, ни русскому оружию. Правда, никто из них не превзошел Дмитрия Ивановича в полководческом таланте.

Другой пример – князь Иван Петрович Охлябинин, из тех же ярославских Рюриковичей, что и Хворостинины.

Он был в опричном войске одним из ставленников клана Плещеевых, поскольку женат был на двоюродной племяннице боярина А.Д. Плещеева-Басманова. В походе на Полоцк зимой 1562/63 года он был есаулом и действовал весьма активно[256]. По всей видимости, у князя Охлябинина было военное дарование: его назначали на видные воеводские должности весьма часто. Он оказался одним из тех, кто составил костяк опричного командного состава. Трижды его направляли в составе опричных армий на «береговую службу» под Калугу – один раз во главе передового полка, два раза – во главе полка левой руки[257]. Зимой 1568/69 года он числился вторым воеводой в опричном отряде, поставленном у Великих Лук «по вестям»; был также вторым воеводой в опричном отряде у «Ржевы

Володимировой»[258]. Падение родни, семейства Плещеевых-Басмановых, дурно сказалось на карьере Ивана Петровича. Во время выхода опричного корпуса под Тарусу осенью 1570 года Охлябинин числится в нем всего лишь вторым воеводой сторожевого полка[259], то есть на значительно менее высокой должности, чем прежде. А битва у Молодей застает его в роли «письменного головы» – даже не воеводы…[260]Впрочем, позднее, после полного расформирования опричнины, честь получения воеводских назначений в крепостях и полках будет ему возвращена. Как видно, в опричном войске его способности были замечены и высоко оценены монархом.

Князь Василий Андреевич Сицкий – фигура даже более заметная для опричнины, нежели Хворостинины и Охлябинин.

К середине XVI века Сицкие – одна из младших ветвей князей Ярославских[261]– не были совершенно захудалым родом, но и не добились выдающихся успехов на службе. Они время от времени назначались на воеводские посты в полки и крепости, но не на первые позиции; до Василия Андреевича никто из них в московских думных чинах не бывал. По служебному статусу Сицкие сравнимы с родичами – Охлябиниными и Хворостиниными, также происходившими из ярославских князей, но стояли несколько ниже этих ветвей.

В исследовательской литературе общим местом стало утверждение, согласно которому статус Василия Андреевича резко подскочил благодаря удачной женитьбе. Супругой князя стала Анна Романовна Захарьина-Юрьева, родная сестра Анастасии Романовны Захарьиной-Юрьевой, первой жены Ивана IV. С.Б. Веселовский считает непреложным фактом: «Василий Андреевич… попал в Опричный двор, несомненно, по свойству с царем»[262]. Что ж, удачный брак действительно объясняет, почему представитель семейства, относительно невысоко стоящего в иерархии русской служилой аристократии, оказался «в приближении» у царя. Василий Андреевич уже в 1550-х годах был рязанским дворецким, вошел в Думу, оказался в боярах при царевиче Иване Ивановиче[263]. И это достаточные основания, чтобы не видеть в переходе Василия Андреевича с думным чином в опричную Думу ничего необычного: до опричнины князь пребывал в окольничих, опричнина же дала ему звание боярина[264]. Однако этого еще далеко не достаточно, чтобы объяснить его появление в составе командования опричного боевого корпуса.

На военной службе в опричных полевых соединениях князь В.А. Сицкий оказался в сентябре 1570 года. Его поставили вторым воеводой самостоятельного опричного отряда под Калугой при

первом воеводе – князе Ф.М. Трубецком[265]. Весной 1571 года Василий Андреевич был назначен третьим воеводой сторожевого полка в царском походе против крымцев[266]. В дальнейшем, уже в период распада опричной военной машины, князь Сицкий сопровождает Ивана IV в походах как «боярин из опричнины»; осенью 1571 года Василий Андреевич участвовал в смешанном земско-опричном походе на шведов как второй воевода сторожевого полка и принялся местничать со своим первым воеводой Замятней Сабуровым; от монарха на вопрос о том, как решить местнический спор, был получен ответ: «…з Замятнею без мест, а как придут с службы з государевы, и государь князю Василью в отечестве с Замят-нею велит счет дати»[267]. Любопытно, что это не единственный случай местнической тяжбы князя В.А. Сицкого в период опричнины: Р.Г. Скрынников обратил внимание на тяжбу «в отечестве» царского свояка Василия Андреевича с другим видным опричником, И.А. Бутурлиным[268]. Ну а после отмены опричных порядков, на протяжении середины – второй половины 1570-х гг., не слишком родовитый аристократ вынужден был то и дело вступать в местнические разбирательства, отстаивая высокий служебный статус[269]. Как видно, удачный брак хоть и возвысил князя Сицкого, но не сделал его положение прочным[270].

«Второй сорт» после опричнины местничал неистово! Иначе и быть не могло: их пытались столкнуть вниз, а они дрались изо всех сил, отстаивая новое, более высокое положение.

Итак, в ранней опричнине Василий Андреевич не воеводствовал. На командной службе в опричной армии он оказывается, как и многие другие титулованные служилые аристократы, в 1570 году. Видимо, сыграл роль его прежний командный опыт, довольно обширный. По сообщению В.Б. Кобрина, военная служба князя В.А. Сицкого впервые фиксируется разрядом 1549/1550 года – поход на Казань в качестве сопровождающего лица при Иване IV[271]. В 1554 году Василий Андреевич ходил вторым воеводой сторожевого полка на луговую черемису в составе большой армии князя И.Ф. Мстиславского[272]. Летом 1556 года Василий Андреевич сопровождал царя Ивана Васильевича в серпуховском походе против крымцев; весной 1559 года он отправился четвертым воеводой большого полка на юг, против Девлет-Гирея[273].

Видно, что военные назначения в опричнине у князя В.А. Сицкого ничуть не выше тех, что он занимал задолго до учреждения опричной системы, еще в 1550-х. Таким образом, речь не шла о повышении, не о военной карьере. Просто опричному боевому корпусу понадобились новые командные кадры, и тут

кстати оказался опричник с думным чином, облеченный доверием царя и притом обладающий командными навыками.

Тем не менее участие в военных мероприятиях опричнины стало важной ступенькой в карьере князя В.А. Сицкого. Во-первых, он все-таки удостоился боярского чина именно на опричной службе. Во-вторых, его, что называется, «заметили» как полководца, именно когда он исполнял обязанности опричного воеводы.

Осенью 1572 – зимой 1573 года (через несколько месяцев после отмены опричнины) совершается крупное военное предприятие: поход большой армии во главе с Иваном IV в Ливонию. Результатом похода стало взятие Пайды. Василий Андреевич участвует в пайдинской кампании как второй воевода государева полка – после царевича Михаила Кайбулича (то есть фактически первым среди русских воевод полка)[274]. Эта должность говорит либо о возросшем доверии со стороны царя, либо о том, что военные способности князя Сицкого были в период опричной службы замечены и высоко оценены. Переход из вторых воевод сторожевого полка во вторые (фактически же первые) воеводы государева полка – это весьма значительное служебное достижение. Из-под Пайды в начале 1573 года Василий Андреевич был отправлен всего лишь как второй воевода сторожевого полка в корпусе князя И.Ф. Мстиславского, двинувшемся по направлению к Колывани. Там корпус был разбит и понес тяжелые потери. Но князь В.А. Сицкий уцелел, и уже в апреле 1573 года разряды называют его вторым воеводой сторожевого полка на новом месте – в составе армии, вышедшей на «береговую службу». Через полгода он участвовал в сборах похода на мятежную «черемису»[275]. В 1576 году ему доверили возглавить «наряд» (артиллерию) в большой армии, выступившей на юг, против крымцев[276]. А на следующий год, во время масштабного вторжения русской армии в Ливонию, Василию Андреевичу доверили место одного из воевод большого полка[277]. Это – заметное служебное повышение, которое князю удалось закрепить. Летом 1578 года князь Сицкий отправился вторым воеводой в большой полк русской армии, изготовившейся к наступлению на Кесь (Венден). Однако на этом карьера Василия Андреевича завершилась. Боевые действия под Венденом сложились для наших войск неудачно, и там князь В.А. Сицкий сложил голову осенью 1578 года[278].

Постоянные назначения на командные посты в действующую армию, а также очевидный служебный рост свидетельствуют о том, что Василий Андреевич по результатам службы в опричном боевом корпусе мог получить репутацию способного

военачальника.

Примеров возвышения аристократов «второго сорта» в опричнине или хотя бы несколько позднее – после того как государь видел кого-то из них в деле и пожелал приблизить – гораздо больше. Это скорее правило, чем исключение. Второстепенная служилая знать, менее всего замаравшись опричными душегубствами, более всего получила от опричной службы и многое из полученного сумела сохранить. Опричнина сама сослужила ей добрую службу.

А для русской военно-политической элиты восхождение даровитых представителей этого слоя на более высокую ступень явилось вливанием «свежей крови».

Худородные

1. Неуемный честолюбец. Опричнина глазами Михаила Андреевича Безнина

В главе об аристократах, служивших в опричнине, среди прочего было сказано, что первое время этот новый политический уклад был настоящим благом для большой группы знатных людей.

Для тех же старых боярских родов, изнемогавших от господства княжат, например.

Для титулованной знати «второго ряда».

Можно было бы предполагать великую поддержку опричнины со стороны еще одного общественного слоя – худородного дворянства. Иными словами, тех, кто не мог ни при каких обстоятельствах конкурировать со служилой знатью. Ни с княжатами, ни с отпрысками старинных семейств московского боярства. Провинциальный «городовой» сын боярский (дворянин) или, чуть лучше, «выборный», то есть порой служивший в столице «по выбору», не мог рассчитывать ни на воеводские чины, ни на место в Боярской думе, ни на должность приказного судьи, ни на высокие должности при дворе великого государя. Сын боярский «дворовый», то есть постоянно служивший при дворе монарха, кое-какие карьерные перспективы имел, но весьма незначительные. Вне опричнины на воеводские чины такие люди попадали исключительно редко. А на уровень командующего армией за все полувековое правление Ивана Грозного «выскочил» один только Никифор Павлович Чепчугов-Клементьев – за счет выгодной матримониальной комбинации, обеспечившей поддержку влиятельной родни.

Опричнина всем этим людям – многим сотням и тысячам дворян! – дала шанс на возвышение. Попав в состав Опричного двора или опричной военной иерархии, худородный дворянин мог впоследствии взлететь намного выше, чем позволяло его происхождение.

Складно получается?

О да.

И сколь многие историки писали о том, как государь Иван Васильевич выдвигал «молодых», «талантливых», «худородных» дворян! Как он опирался на них «в борьбе с княжеско-боярской знатью». Как много доброго принесли эти люди своей службой России.

Вот только исследования последних десятилетий показали: в опричных административной и военной иерархиях до сколько-

нибудь серьезных назначений дошло весьма мало «худородных выдвиженцев». А общий состав Опричного двора по степени знатности не столь уж сильно отличался от земщины.

Почему, собственно, царь должен был двигать наверх людей, которые в среди служилой знати и за людей-то не считались – так, собаки, нечто малость повыше холопов? Свои, конечно, русские, православные, но ведь собаки же. Куда им наверх? Курбский, говоря за огромный сектор служилой знати, презрительно назвал их «каликами». Почему царь, имея под своей рукой сколь угодно много опытных, способных, умных, понаторевших в делах войны и управления аристократов, должен был черпать кадры для опричнины из этих людей, заведомо не имевших подобного опыта? Допустим, к середине 1560-х он мог приобрести недоверие к горделивым княжатам. Допустим, надежды на старомосковское боярство не оправдались: после нескольких лет опричнины эта группа оказалась то ли недостаточно сильной, то ли слишком самостоятельной, чтобы играть роль простых исполнителей. Тогда рука монарха могла потянуться к тем, кто попроще, пониже…

Вот только как царю выделить среди огромной массы простых служильцев именно тех, кто ему нужен? Выбор огромен. По-настоящему способных людей мало: худородных дворян сызмальства не учили ни воеводствовать, ни управлять землями и разного рода учреждениями.

Требовались особые случаи, позволявшие кому-то из них предъявить свои особые таланты великому государю. Показать себя во всей красе. Тогда в минуту острой необходимости Иван Васильевич вспоминал об «умной собаке» и ставил ее наравне с «людьми».

Очень характерна фраза из его послания Василию Грязному, как раз одному из «худородных выдвиженцев»: «Ты объявил себя великим человеком, так ведь это за грехи мои случилось (и нам как это утаить), что князья и бояре наши и отца нашего стали нам изменять, и мы вас, холопов, приближали, желая от вас службы и правды. А вспомнил бы ты свое и отца своего величие в Алексине – такие там в станицах езживали, а ты в станице Пенинского был чуть ли не в охотниках с собаками, а предки твои у ростовских архиепископов служили. И мы не запираемся, что ты у нас приближенье был. И ради приближенья твоего тысячи две рублей дадим[279], а до сих пор такие и по пятьдесят рублей бывали…»[280]

Так что в итоге великим шансом, дарованным опричниной, смогли воспользоваться считаные единицы «худородных», стремительно взлетевшие по лестнице служебных назначений.

Может быть, десяток или полтора десятка. Если такому человеку везло счастливо пережить опричнину, он мог потерять высокое положение в постопричные годы. Так случилось со многими опричными воеводами. Побывав раз-другой на почетных воеводских постах в годы опричнины, они скатывались потом до службы на уровне воинских голов. Немногие дожили до следующего царствования, оставшись на вершине. Но с 1584 года, когда скончался Иван IV, их ждала незавидная судьба. При царе Федоре Ивановиче более знатные придворные группировки полностью их разгромили. Последние крупные фигуры из числа неродовитых деятелей опричного посола были выведены за пределы высшего яруса пирамиды власти. Не осталось никого. Ни единого человека. Ко временам правления Бориса Годунова о небольшой группке «худородных выдвиженцев» Ивана Грозного уже и думать забыли: была и нету.

Но когда-то некоторые из них сыграли яркую роль.

Кто же?

Поднимались эти люди разными маршрутами. Чтобы сделать карьеру в поздний отрезок правления государя Ивана Васильевича[281], им надо было показать поистине выдающиеся способности к военному делу или дипломатии; если же подобных способностей не имелось, существовал иной путь – стать выдающимися палачами.

Так вот, не стоит смешивать тех, кто совершал восхождение по первому пути, с теми, кто пошел по второму. Это очень разные судьбы. И очень разный у них итог.

Наиболее известные люди из этого сектора опричных служильцев – Р.В. Алферьев, М.А. Безнин, И.Б. Блудов, К.Д. Поливанов, Г.Л. Скуратов-Бельский, Б.Я. Бельский[282], род Грязных-Ильиных, род Черемисиновых-Карауловых. Их совсем немного! Они тонут в окружении гораздо более значительных по знатности лиц и в опричной Думе, и в опричной военной иерархии. Отнюдь не они определяют лицо опричной военной машины.

Итак, вот история одного из них – Михаила Андреевича Безнина.

На пути к возвышению

Он был в близком родстве с другим большим человеком опричнины – Романом Васильевичем Алферьевым. Оба они в московской системе определения знатности далеко стояли от аристократических уровней. Но все же это люди далеко не

простые, да и худородные лишь в сравнении с теми же Басмановыми, Трубецкими, Темкиными. Они относились к старинной тверской «родословной» фамилии Нащокиных. Это семейство к середине XVI века невероятно расплодилось и утратило влияние, но все-таки не скатилось до уровня простых городовых дворян[283].

Михаил Андреевич – фигура крупная, примечательная, о нем много писали в прошлом столетии. Он представляет собой пример опричника, прорвавшегося на высокую ступень власти и оправдавшего свой «скачок наверх» и честной службой, и основательной книжностью. Этот человек отличался бешеным честолюбием, но вместе с тем и значительными способностями к государственным делам. Его отличала невероятная энергия, способность к неустанным трудам, сочетавшиеся с поистине неистовым желанием пробиться наверх.

При его уровне знатности, учитывая даже принадлежность к старинному роду, возможностей осуществить честолюбивые мечтания просто не было. Требовался какой-то исключительный случай. Или новая иерархия, с большей вертикальной мобильностью.

Полоцкий поход зимы 1562/63 года дал первое.

Опричнина – второе.

В доопричных разрядах Михаил Андреевич малозаметен. В 1559 году мы видим его в головах на береговой службе, затем в той же должности он ходил с Ф.И. Мстиславским на Алыст и на Феллин в Ливонии[284].

Безнин проявил решительный характер во время переговоров с осажденным в Полоцке гарнизоном (февраль 1563 года) и тем, по всей видимости, угодил царю[285]. После взятия города он был отправлен к архиепископу Пимену в Новгород с почетной миссией гонца, несущего вести о победе. Михаилу Андреевичу дали это поручение вопреки его очень скромному служебному положению: он числился на протяжении полоцкого похода в дозорщиках, затем в есаулах[286].

А несколько месяцев спустя он уже участвует в переговорах с литовцами!

О полоцком эпизоде известно из официальной государственной летописи. На этом эпизоде стоит остановиться подробнее, поскольку он связан с иной линией в биографии Михаила Андреевича.

М.А. Безнин, помимо того что делал карьеру военачальника и дипломата, был выдающимся литератором. Он в разное время стал автором самостоятельного летописного сочинения, воеводских «отписок»[287]и монастырских «приговоров»[288],

сделанных в особом, художественно-публицистическом стиле. Он же составлял опись книжного собрания Иосифо-Волоколамского монастыря (1591), а также заготовку для повести о взятии Полоцка, попавшую впоследствии в Лебедевскую летопись. Возможно, он также вместе с А.Ф. Адашевым принимал участие в работе над официальной летописью[289].

Пространное сообщение об осаде Полоцка известно по Лебедевской и Александро-Невской летописям, по Записной книге Полоцкого похода 1562–1563 годов, а также другим памятникам разрядного характера.

Среди историков существует полемика по поводу того, кто был его автором. Ведь это весьма крупное и заметное произведение литературы – целая воинская повесть, куда вставлены официальные документы и послания. Тот, кто был автором ее основы, – талантливый литератор середины XVI столетия. В.И. Буганов, исследуя разрядные памятники, без особых оснований приписал авторство основы повествования о «полоцком взятии» Д.И. или И.С. Черемисиновым. Ю.В. Анхимюк привел убедительные доводы к тезису, согласно которому летописная повесть о «полоцком взятии» первична по отношению к текстам частных разрядных памятников, на которые ссылается В.И. Буганов[290]. К этому остается добавить следующее: при том внимании Ивана IV, которое он уделял официальному царскому летописанию, в текст летописной повести вряд ли могли проникнуть искажения событий, происходивших перед глазами царя и при его активном участии (искажения в разрядных документах, особенно в частных разрядных книгах[291], представляются более вероятными). Между тем Иван IV вел через доверенных лиц переговоры с полоцким гарнизоном. Его представляли на «съездах» с литовцами в разное время Иван Черемисинов, Василий Разладин и Михаил Безнин. Дела польско-литовского гарнизона, защищавшего город, начали складываться скверно, как только русские привели в действие «тяжелый наряд» – осадную артиллерию, несколько опоздавшую к началу осады. Полоцкие укрепления оказались слишком слабыми, чтобы остановить совокупную мощь ее огневого удара. Переговоры давали осажденным передышку. По ходу переговоров 7 февраля 1563 года у русской стороны создалось впечатление, что представители полоцкого гарнизона Василий Грибун и Лукаш Халабурда специально медлят, затягивают процесс.

Далее в частных разрядных памятниках можно найти следующий текст: «И в те поря по государеву приказу приехал от дворовых воевод Михайла Безнин и учал говорити от воевод Ивану Черемисинову: „Прытко будет с полоцкими людьми дело, и

они бы делали ранее, а не будет дела, и они бы розъехалися и государевым делом промышляли, а государевой рати про што без дела томитца“. И Иван Черемисинов Михайлу Безнину говорил: „Вы де молотцы молодые, смышляете битися, и ты поедь прочь, а дай нам с Лукашем поговорити о крестьянской крови, штоб кровь крестьянская не пролилась, про што пролитися крови крестьянской, нечто бы дело зделалось без крови“»[292]. Таким образом, создается впечатление, что мудрый Черемисинов одернул не в меру горячего Безнина, к тому же унизив его званием «молодца молодого», по сравнению с собой, старшим. Но, как уже говорилось, в том походе Безнин получил полное одобрение государя и в виде особой милости был отправлен как гонец с известием о падении Полоцка. Учитывая этот факт, возвеличивание Черемисинова, к тому же идущее за счет унижения Безнина, который действовал по воле командования и самого царя, выглядит неестественно. В летописном варианте все иначе. Длинная ремарка Черемисинова полностью отсутствует, а значит, молодцом выглядит именно Безнин: он явился, чтобы поторопить не слишком ретивого коллегу и произвести на литовских дипломатов впечатление своей решительностью[293]. Роль переговорщиков выделена столь отчетливо и характер их действий передан столь подробно, что это заставляет предполагать в одном из них автора заготовки, превратившейся затем в летописную повесть. С этой точки зрения гораздо более вероятным автором является Михаил Безнин, а не кто-то из рода Черемисиновых, ведь именно Безнин выставлен в выгодном свете. Но Черемисиновы, составляя или редактируя какой-то частный разрядный памятник, могли вписать туда несколько фраз от имени одного из представителей семейства, исправляя негативное впечатление от его деятельности. К тому же Михаил Андреевич – человек «книжный». В будущем он станет книгохранителем Иосифо-Волоцкой обители. Историки замечали у него особый литературный стиль и «писательский темперамент» – даже в тех случаях, когда он составлял деловые документы. Такого человека логично поставить на роль автора текстовой заготовки для царской летописи о полоцких событиях.

И Безнин, и его родственник Алферьев неоднократно назначались на воеводские должности в опричнине, особенно Михаил Андреевич. Однако карьеру они сделали в основном по административной и дипломатической части. Так вот, по всей видимости, вмешавшись в ход переговоров под стенами Полоцка, Михаил Андреевич вытащил из пруда золотую рыбку. Иван IV, возглавлявший войско, оценил его слова. Оценил из-за отважного стремления «пить смертную чашу» с неприятелем – как тогда

говорили. И сделал впоследствии Безнина одним из крупнейших деятелей опричнины.

Ворвавшись с несколькими фразами в поворотный момент военной истории России, великий честолюбец положил основание своей карьеры. На протяжении всей Ливонской войны у Московской державы не было ни одного столь же крупного успеха, как взятие Полоцка. Иван IV не без оснований видел в этой победе личный триумф: он присутствовал в войсках, он лично руководил операцией от начала и до конца. Многие люди, запомнившиеся ему по «Полоцкому взятию», впоследствии высоко взлетели на лестнице военных чинов…

Безнин, как видно, чувствовал особое значение происходящего. И он сделал рискованный ход: ведь могли засмеять, пристыдить, а то и наказать. Но Михаил Андреевич не прогадал. Государь видел его. Государь одобрил его. Государь запомнил его, а потом приблизил к себе…

В фаворитах

Безнин служил в опричнине с года ее основания. И в первом же походе опричного корпуса (под Болхов, осенью 1565 года) он числится вторым воеводой опричной рати, шедшей из Белёва, затем он появляется под Калугой осенью 1567 года – вторым воеводой передового полка[294]. Явный взлет карьеры! В 1569 году он поднимается еще выше: его назначают вторым воеводой в большом полку на Туле «после отходу опришнинских больших воевод». Через два года Михаил Андреевич отстраивает городские укрепления Москвы после великого пожара, разожженного крымцами Девлет-Гирея. А в 7080 (скорее всего, с весны 1572-го) году он уже стоит первым воеводой в Нарве-Ругодиве, что для человека его социального уровня – за пределами мечтаний[295].

У государя он, что называется, «в приближении». Знаком царской милости стало пребывание Михаила Андреевича на двух свадьбах высших людей царства. В 1573 году русский ставленник в Ливонии Магнус берет в жены девицу из рода удельных князей Старицких – государевой родни. А в 1580 году сам Иван IV женится на Марии Нагой. И там и там Безнин – желанный гость. Он присутствует на торжествах «без чинов», в окружении людей на два порядка более знатных.

Стоит напомнить, кем он был без опричнины, кем он был до опричнины: воинский голова, есаул. Иначе сказать, фигура малозаметная. А тут – такое возвышение!

Это очень деятельный, энергичный человек. Не боится

службы, готов закатать рукава, когда надо, а если потребуется – выйти в поход против любого неприятеля. Для него страшнее остаться на задворках службы. Побыв кем-то на высотах власти, вновь оказаться никем, лишиться доступа к великим делам правления…

Люди бесталанные выпрашивали у царя хотя бы разовое почетное назначение на воеводский пост, чтобы повысить тем самым статус рода – ведь имя назначенного навсегда останется в разрядных книгах, и потомки смогут на что-то претендовать, поминая предка-воеводу! В отличие от подобного живого балласта Безнин в армии ценится. Его ставили на воеводские посты много раз. Причем ставили на ответственных направлениях, против сильного врага, прежде всего татар. Его должности пахнут битвами, порохом, кровью. Это не человек свиты. Это серьезный военачальник.

Чин следовал ему и на другом поприще. Михаил Андреевич становится видным дипломатом. По поручению царя он исполнял важную работу.

Так, в 1577 году Безнин вел переговоры о сдаче ливонского города Невгина, в 1583 году он встречал английских послов. В том же 1583-м вел переговоры о размене пленных с послами Речи Посполитой, а двумя годами позднее в составе «великого посольства» ездил для заключения перемирия с Речью Посполитой (это было уже после кончины Ивана Грозного).

После отмены опричнины его положение в армии изменяется к худшему. В январе 1573 года царь посылает его на штурм «пролома» в стене Пайды вместе с другими именитыми опричниками, а затем оставляет в небольшом завоеванном городе вторым воеводой[296]. Вскоре его переводят в ту же Нарву, где он недавно первым воеводой, на роль… *четвертого* (!) воеводы.

Но уже в августе 1573 года Михаил Андреевич вернется в Пайду в чине *первого* воеводы[297]. Позднее оказался на воеводстве в Зубцове. В дальнейшем он сохранял положение воеводы на протяжении всего царствования Ивана IV (хотя многие опричные воеводы скатились до статуса голов), использовался как военачальник довольно часто, но самостоятельными соединениями ни разу не командовал. Его потолок – пост второго воеводы большого полка в октябре 1580 года, во время неудачного похода к Великим Лукам[298]. Что можно сказать по этим данным? Безнина ценили как военачальника и после опричнины, хотя выше определенного уровня ход ему был закрыт даже при самом покровительственном отношении со стороны государя.

Как администратор он взошел на более высокую ступень,

получив в 1576 году чин думного дворянина. Его держали на высоких постах на протяжении многих лет. Но и во время опричнины, и после нее слишком худое родословие не позволяло ему возглавить крупное полевое соединение, стать окольничим или боярином. Он полностью выбрал свой потолок. А с точки зрения служилой знати Михаил Андреевич этот потолок намного «перепрыгнул».

Потеря статуса

При государе Федоре Ивановиче влияние Михаила Андреевича быстро падает, несмотря на то что он был когда-то дядькой при юном царевиче, теперь взошедшем на престол[299]. В 1584 году Безнин одерживает победу в бою с татарами на реке Выси, участвует в «утишении» восставшего столичного посада и дворян, но военная карьера его не клеится. Да и дипломатическая (здесь Безнин поднялся намного выше, чем на воеводском поприще) также постепенно сходит на нет. Служилые аристократы теснят его и ему подобных, постепенно отбирая у них высокие посты.

В первые месяцы 1586 года он еще – призванный на дипломатическую службу человек, задействован в переговорах с послами крымского хана и польского короля, но уже скорее как статист, чем в роли активно действующего лица.

И – всё. Точка. Конец пребыванию худородного честолюбца у великих дел.

Летом Михаил Андреевич постригся в Иосифо-Волоколамской обители[300]. Карьера его закончилась. Но и в стенах обители он искал приложения своей неуемной энергии. Ему хотелось играть серьезную роль и там. Ему хотелось деятельности. Он чувствовал, что его рано списали со счетов! И никак не мог успокоиться.

В монастыре М.А. Безнин (старец Мисаил), во-первых, составляет краткий летописец, где зафиксированы его заслуги перед отечеством: победа над татарами, успокоение восставших в 1584 году… Во-вторых, он становится строителем – вторым лицом после настоятеля (выше келаря, выше казначея!) и пытается провести крупную хозяйственную реформу. Старец Мисаил ввел принудительное кредитование монастырских крестьян, увеличил оброки, которые с них взимались[301]. Похоже, именно эта реформа вызвала крестьянские волнения 1593–1594 годов. Впоследствии Безнин ссорится с монастырскими властями: в его неуемном предпринимательстве увидели, вероятно,

источник лишних для обители проблем. В 1595 или 1596 году старец Мисаил должен был перейти в Троице-Сергиеву обитель. Дожил он до преклонных лет: как минимум в 1598 году был жив, поскольку подписал тогда грамоту об избрании царя Бориса Федоровича – в качестве представителя Троице-Сергиевой обители. Ему тогда было 65–70 лет, не меньше[302].

Близкая родня Безнина, Роман Васильевич Алферьев, появился в разрядах под 1553 годом как голова у стрельцов, участвовавших в карательной экспедиции на «Луговую сторону» и «Арские места». В 1558 году его назначили на очень скромную службу пристава у черкасских князей при служилых татарах во время одного из второстепенных ливонских походов русской армии. Во время похода князя И.Ф. Мстиславского на Феллин (1560) Алферьев числился головой в большом полку – тоже невелика честь. После взятия Феллина Роман Васильевич остался там как один из воевод, командующих русским гарнизоном. Это его назначение – почетное, и оно свидетельствует о том, что Алферьев отличился во время боевых действий. Два года спустя он назначается вторым воеводой в Невель, и оттуда, по царскому указу от 28 сентября 1562 года, командируется в состав огромной армии, предназначенной для взятия Полоцка; здесь он пребывает на должностях есаула и дозорщика. Но поздней весной 1565 года опять поставлен головой (а не воеводой) в большую армию, выступавшую к южным рубежам[303]. Таким образом, до опричнины Роман Васильевич пребывал на средних «офицерских» должностях, как сотни других дворян. Он не был особенно заметен. В опричнину Алферьев попал не сразу – в отличие от Безнина, который оказался там в первые же месяцы существования опричного боевого корпуса.

Да и то на первых порах Роман Васильевич не поднимается выше того же, привычного, положения головы. В 1568 году он уже второй воевода передового полка в опричном корпусе под Вязьмой и Мценском. Под 7076 (видимо, весна 1568) годом Алферьев показан в разряде как третий воевода небольшого отряда опричников под Одоевом. Пока еще он играет довольно скромную роль в опричном воинстве, хотя и стоит выше, чем в доопричные времена. Но тогда же ему удается добиться крупного успеха в местнической тяжбе с князем Иосифом Гвоздевым. К 1570 году статус Романа Васильевича в опричнине резко повышается. Р.В. Алферьева ставят командовать войском, занятым строительством города Толшебора «по Колыванской дороге»[304]. Выше этого он в военной карьере не поднимался[305]. Зато карьера дипломатическая удалась ему гораздо больше. Еще в опричные годы он возвысился до положения печатника[306]и

впоследствии играл одну из ведущих ролей во внешней политике России – думный дворянин. При Федоре Ивановиче Алферьев растерял все свое влияние[307], испытал царскую опалу и потерпел тяжелые поражения в местнических тяжбах[308]. Это естественно: по родовитости он намного уступал аристократам Рюриковичам, Гедиминовичам и старинным московским боярским родам; до определенного момента монаршая милость выводила его на вершины власти, никак не соответствующие степени его знатности, затем государь переменился и благоволение было отнято; тут старым врагам оставалось только вспомнить старые счеты с Алферьевым. Умер он в Царицыне в конце 1589-го или в 1590 году[309].

В опричной военной системе оба – Роман Алферьев и Михаил Безнин – исполняли роль «рабочих лошадок». Оба они были подняты по воле государя намного выше, чем могли мечтать в предопричное время. Оба начали местничать в опричнине и стали настоящими «рекордсменами» местнических тяжб после ее расформирования, поскольку единственным для них способом удержать высокий статус было постоянное соперничество с высокородной знатью и апелляции к монаршей милости[310]. М.А. Безнину принадлежит экстраординарное действие – в начале 1582 года он угрожал самому Ивану Грозному постричься во иноки после поражения на ниве местнической борьбы: «…искал своего отечества Михайло Безнин на Василье Зюзине. И, берегучи Василья, бояре перед Михайлом оправили тем, что Василья Зюзина дядя боярин Офонасей Щетнев был на Галиче намесник больши намесника боярина Михайла Тучкова, а ему, Васи-лью, дана правая грамота на Петра Головина. И Михайло Безнин от тое боярской обвинки хотел постритца. И государь, розсмотря тово дела, Михайла пожаловал, велел дати на Василья правую грамоту»[311].

Тогда, при Иване Васильевиче, Безнин был нужен. И ради его способностей государь дал ему преимущество, хотя случай был, по всей видимости, сомнительным. Многие местнические тяжбы, вершенные в опричное время, впоследствии не рассматривались как прецедент: слишком много было в них нарушений традиционной иерархии знатности.

Что это значит? Пока на троне оставался Иван Васильевич, было кому брать под свою защиту «худородных выдвиженцев». Вот их общий защитник умер. Они перестали быть кому-либо нужны, не успев стать сколько-нибудь сильной и самостоятельной корпорацией. Их смели в мгновение ока…

В чем их притча? Наверное, так: Бог смиряет чрезмерно честолюбивых.

* * *

Конец 1560-х – середина 1580-х – золотое время Безнина. Он постоянно играет серьезные роли в политике и на военном поприще. Он добился того, о чем мечтал. Как должен он смотреть на опричнину?

Да совершенно так же, как смотрели на нее Малюта Скуратов, Василий Грязной, Константин Поливанов, Роман Алферьев и иные люди их уровня. *Они, надо полагать, денно и нощно молились за здравие государя царя и великого князя Московского и всеа Руси Иоанна Васильевича. Ибо без него они были – пыль, а с ним, с его защитой, вознеслись на высоты заоблачные, даже в самых дерзких мечтах не чаемые. Выходцы из старинных боярских родов и без опричнины были большими людьми, хоть и не на первых ролях. Минула опричнина, и те, кто уцелел, не попал в опалу, не вызвал царского гнева, слишком приблизившись к огню высшей власти, сохранили высокое положение. А вот для худородных, стоявших намного ниже, опричнина сыграла роль манны небесной. Только мало ее было, и частички ее сумели ухватить только самые талантливые и самые жестокие изо всех. Кому-то (как тому же Безнину или превосходному полководцу Игнатию Блудову) Россия и через несколько столетий может сказать спасибо за добрую верную службу. О ком-то слова доброго не скажешь. Но и первые, и вторые готовы были на что угодно ради сбережения опричнины и своего личного в ней положения. А служилая знать, и в опричнине занявшая главные высоты, вряд ли вызывала у них особенное уважение. Худородные были как раз «революционерами», радикалами. Им возвращение старого порядка ничего хорошего не сулило…*

У нас часто говорят: «От века начальство тиранило народ, тянуло из него деньги и ничем не занималось!» Вот лучшее «оправдание» для современного начальства. Ведь если предки были сплошь никчемными руководителями страны, то нечего стыдиться потомкам, занявшим их места. Они бездельничали, так и нынешним не зазорно проводить рабочее время в праздности. Они брали взятки, так и преемникам их… Стоп! А вот неправда. Среди людей, облеченных властью в громовые времена последних Рюриковичей на престоле московском, многие были умны, деятельны, служили не за страх, а за совесть. Это было настоящее «хорошее начальство». Строгое, энергичное, умевшее не щадить себя ради дела, опытное и грозное для врагов страны. Пример полководцев и администраторов старомосковской эпохи – великий укор для ничтожества и подлости современной российской элиты. Те были ответственны, сильны, искусны,

бесстрашны, так почему среди этих сплошь мокрые курицы?

Даже опричнина, собравшая множество злодеев, не стала исключением. В ее рядах с пустейшими лизоблюдами и карателями соседствовали талантливые и энергичные служильцы. Михаил Андреевич Безнин – безусловно положительный пример подобного деятеля.

Если бы так со всеми! Но вышло иначе. Безниных в опричнине оказалось совсем мало. А вот скуратовых…

2. «Первый в курятнике». Опричнина глазами Григория Лукьяновича Скуратова-Бельского по прозвищу Малюта

Для современного образованного человека самый знаменитый опричник – Малюта Скуратов. Или, вернее, Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский по прозвищу Малюта. Образ его порой затмевает даже самого государя Ивана Васильевича. Он стал своего рода лицом опричнины для всех тех, кто интересуется русской стариной, но никогда специально не углублялся в историю опричных учреждений.

Для кого-то Малюта Скуратов – пугало. Кто-то пускается в рассуждения о том, что это истинный патриот и лучший образец для современного сотрудника отечественных спецслужб. А кому-то видится в его личности крупный государственный деятель. Григорию Лукьяновичу приписывается множество несуществующих добродетелей, так же как, впрочем, и множество чужих преступлений.

Сколько написано о Малюте Скуратове литературных произведений и публицистических статей! Как часто фигурирует он в исторической живописи! Сообщество академических ученых постоянно обращается к этой фигуре в научных изданиях, а народ уделил ему место в песнях.

Как часто бывает, правда судьбы Малюты Скуратова намного прозаичнее легенд, созданных вокруг его имени потомками…

Прежде всего, о нем известно до крайности мало достоверных фактов.

Вот с этого и стоит начать.

Под покровом невидимости

БоUльшая часть жизни Григория Лукьяновича сокрыта от взоров потомков. Видна только финальная ее часть, да и та – лишь благодаря опричнине. Вне опричнины он никто и ничто. С прекращением опричнины завершается и его жизненный путь: от момента, когда последние опричные учреждения исчезли, до дня, когда сгинул Малюта, прошло всего несколько месяцев. Григорий Лукьянович – порождение опричнины в полном смысле этого слова.

Источники по истории военно-служилого класса России в XVI веке в сумме своей напоминают решето с крупноячеистой сеткой.

Всякий сколько-нибудь значительный «служилый человек по отечеству» не пролезает в эти большие ячейки, оставаясь лежать на дне, а служилая мелочь проходит сквозь них, как вода. Те самые разрядные книги, о которых говорилось в главе, посвященной А.Д. Басманову, непременно «зацепят» человека, хоть раз ходившего в воеводах. С большой долей вероятности они «поймают» и дворянина, дослужившегося до уровня воинского головы. А уж те личности, коим удалось получить «думный» чин – то есть попасть в Боярскую думу в качестве боярина, окольничего, думного дворянина, – обязательно будут хотя бы раз-другой упомянуты в разрядах, летописях или дипломатических документах. Весьма возможно, несколько слов о них отыщется в трактате какого-нибудь иностранца. Скорее же всего, их имена прозвучат в разных источниках многое множество раз.

Так, столп царства, великий полководец, князь и боярин Иван Федорович Мстиславский постоянно играет ведущие роли в театре разрядных книг, государственных и церковных летописей; пишет о нем английский торговый агент Джером Горсей, называют его и другие иноземцы, оставившие записки о «Московии». То же самое можно сказать о вельможах из родов князей Бельских, князей Шуйских, князей Голицыных или, скажем, старинного боярского семейства Шереметевых. Тут на каждую личность приходятся десятки упоминаний: известна родня, скорее всего, известно время и обстоятельства свадьбы (свадеб), можно с высокой точностью определить время рождения, и, конечно, в подробностях видна служба.

Григорий Лукьянович Скуратов… тоже Бельский, да не тот, не из князей, чей род восходит к великому князю Литовскому Гедимину. Ни один из источников не содержит ни слова, ни полслова о его карьере прежде опричнины. До думных чинов ему далеко, как до планеты Сатурн. На воеводских постах он не бывал. Возможно, в каких-то незначительных походах его использовали как воинского голову (такое назначение могло затеряться в источниках), но и это – всего лишь *возможно*. Ведь столь же вероятно и другое: даже до уровня армейского головы, какого-нибудь стрелецкого сотника, Григорий Лукьянович не дотянул.

Итак, еще раз: о службах Малюты нет никаких свидетельств. Между тем в соответствии с традициями русского государственного уклада все дворяне обязаны были служить с юношеских лет и до самой смерти. Если, конечно, их не подкосит тяжелая болезнь, ранение, увечье. Скуратов *точно служил*, в этом нет никаких сомнений. Но ни до чего существенного не дослужился.

В начале 1550-х годов было составлено два очень важных документа, дающих сведения о высшем слое русского дворянства. Это, во-первых, «Тысячная книга». Туда попали имена тысячи семидесяти служильцев-дворян, которым собирались дать земельные участки недалеко от Москвы. И во-вторых, «Дворовая тетрадь». Туда записывали тех, кто служил в составе государева двора или, как тогда говорили, «по дворовому списку». В число избранной тысячи Григорий Лукьянович не попал. А вот к государеву двору он был приписан вместе с двумя братьями – Третьяком и Нежданом – как провинциальный «сын боярский» (то есть рядовой дворянин), служивший «по Белой»[312].

Не известен, хотя бы и в самом грубом приближении, возраст Малюты при поступлении на опричную службу. С равной долей вероятности ему могло быть тридцать два и сорок восемь… Но, во всяком случае, начало 1550-х годов застало его на службе, а значит, тогда он уже достиг пятнадцати лет. Следовательно, опричнину Григорий Лукьянович встретил как минимум тридцатилетним…

Это еще не всё из белых пятен в его биографии.

Скуратова по-прежнему не видно на протяжении первых двух с половиной лет в истории опричнины. Если сравнивать его с тем же Михаилом Андреевичем Безниным, сразу видно: Безнинто летал выше. Безнин воеводствовал уже в самом первом походе опричного военного корпуса – осенью 1565 года. А вот Малюты там не видно. Известны некоторые персоны, сопровождавшие Ивана Грозного в его походе к Александровской слободе, из которого и выросла впоследствии опричнина. Так вот, Малюту Скуратова в их числе никто не называет. Известны люди, занимавшиеся отбором опричных кадров «первого призыва» на государев двор и в армию. Но и тут Малюта не у дел. А уж среди чинов опричной Боярской думы его и подавно нет…

Где ж Малюта?

В распоряжении историков даже нет данных, свидетельствующих о том, что на протяжении 1565–1567 годов Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский по прозвищу Малюта вообще служил в опричнине. Хоть кем-то. Хоть конюхом, хоть псарем.

Боярин Алексей Басманов-Плещеев виден.

Князь Афанасий Вяземский виден.

Крупный опричный деятель Петр Зайцев виден.

Блистательный полководец князь Дмитрий Хворостинин виден.

Да много кто виден в ранней опричнине…

А вот Малюты нет.

Первое появление

Осенью 1567 года большая русская армия во главе с государем Иваном Васильевичем отправится на литовско-ливонский фронт. Государь намеревается бросить цвет русского воинства в решительное наступление. Его сопровождает многолюдная свита, впрочем, как это было и еще будет во всех случаях, когда Иван IV выезжал в действующую армию.

Именно с этого момента можно судить об уровне служебных назначений Григория Лукьяновича.

В «государевом полку», помимо «дворовых воевод», то есть командующих этим полком военачальников, назначены также «воеводы на посылку»; их отправляют для решения административных и частных тактических задач; ниже «воевод на посылку» стоят сменные головы – младшие командиры; Григорий Лукьянович поставлен в список «третьих голов». О худости его рода говорит окружение: рядом с ним, среди тех же «третьих голов», – Василий Грязной. Что о Грязном писал Иван Васильевич? «…Чуть ли не в охотниках с собаками» у князя Пенинского. Так вот, Грязной в данном реестре стоит *до* Малюты, то есть, как тогда говорили, «честию выше».

Любопытно, в каких же тогда «охотниках с собаками» были Григорий Лукьянович и его род?

Нет, к «демократическим слоям населения» он никакого отношения не имеет. Не от сохи и не от плуга. Дворянин, хотя и невысокого полета. Худородство дюжинного служилого человека Г.Л. Скуратова-Бельского по сравнению с представителями старомосковских боярских родов и титулованной аристократии – факт, с которым согласно абсолютное большинство исследователей опричнины. П.А. Садиков, хоть и приписал ошибочно Скуратовых-Бельских к числу «очень захудалых» Плещеевых[313], то есть к «второстепенным», но «честным» родам, однако же, не видел в Григории Лукьяновиче ничего иного, как только провинциального сына боярского[314]. С.Б. Веселовский показал, что Малюта был сыном заурядного провинциального дворянина[315]. В.Б. Кобрин подозревал в Скуратовых-Бельских бывших холопов московских князей[316]. Однако свидетельств, убедительно доказывающих его правоту, до сих пор не найдено. Р.Г. Скрынников выдвинул гипотезу, согласно которой худородная Марфа Васильевна Собакина была отдаленной родней Скуратовых-Бельских. Это уже интереснее. Марфу Собакину Иван IV сделал третьей своей женой в октябре 1571 года. Теоретически брак с нею самого царя мог резко возвысить Григория Лукьяновича[317]; однако и для этого предположения пока не

найдено доказательств. Скорее, гипотеза Скрынникова неверна, и вот почему: М.В. Собакина – победительница своего рода «конкурса красоты», когда царскую невесту выбирали из 2000 претенденток после «многого испытания». Иначе говоря, «подсунуть» свою кандидатку было не так уж легко. Кроме того, какое могло быть возвышение, если Марфа Собакина и месяца не прожила после свадьбы! Конечно, как пишет Скрынников, «… свахами царской невесты были жена и дочь Малюты, ее дружками на свадьбе оказались сам Малюта и его зять Борис Годунов»… Но, как будет показано ниже, Малюта Скуратов успел возвыситься *до* свадьбы Ивана IV и Марфы Собакиной. Так или иначе, Р.Г. Скрынников не отрицает крайне низкого положения Г.Л. Скуратова-Бельского на лестнице местнических счетов[318]. По традициям, сложившимся в военной среде Московского государства, Григорий Лукьянович не мог и мечтать с таким-то «отечеством» о воеводском чине. Обрести его Г.Л. Скуратов-Бельский мог только чудом… или в случае серьезной ломки социальных устоев, что и произошло в опричнину.

Первое «именное» назначение, зафиксированное источниками, – один из многочисленных сменных голов государева полка в 1567 году… Это еще совсем не карьера. Это только первый ее знак. Итак, до конца 1567 года Григорий Лукьянович и в опричнине – человек не большой.

Более того, и впредь, на протяжении нескольких ближайших лет, источники не балуют упоминаниями о каких-то значительных службах Малюты. Опричнина в самом разгаре, а он по-прежнему незаметен.

Очень долго.

И только с мая 1570 года он – думный дворянин в опричной Думе[319]. А чин думного дворянина – это много. Думные дворяне сидят рядом с боярами и окольничими, участвуют в вершении великих дел государственных, решают задачи по непосредственному велению царя.

Выходит, в течение 1568–1569 годов Григорий Лукьянович должен был оказать государю весьма значительные услуги… Во всяком случае, государь оценил его деятельность исключительно высоко.

Где же он проявил себя?

На фронте?

Разряды, как и раньше, не упоминают в эти годы ни воеводу Скуратова-Бельского, ни даже воинского голову Скуратова-Бельского.

На дипломатическом поприще?

Работа наших дипломатов XVI века фиксировалась

подробнейшим образом. Известны даже второстепенные личности, как-то поучаствовавшие в ней при Иване IV. Тот же Безнин виден в полный рост.

Малюты – нет.

Возможно, ему доверили управлять какой-то жизненно важной отраслью государственной машины?

Нет данных и на этот счет.

Зато имеются совершенно определенные данные иного рода.

Это возвышение можно связывать с карательной деятельностью Григория Лукьяновича. Иными словами, он поднялся как «исполнитель». Попросту же говоря, как палач[320].

Палач

Расследование по «земскому заговору» или, иначе, по «делу Федорова-Челяднина» началось в конце 1567 года и продолжалось на протяжении многих месяцев. По всей вероятности, именно тогда Григорий Лукьянович и был впервые использован как каратель. В синодике Свияжского Троицкого монастыря есть указание, что под Калугой (Губин угол) разгром во владениях И.П. Федорова-Челяднина учинял именно Малюта[321]. Жертвами его отряда стали 39 человек.

Осенью 1569 года Григорию Лукьяновичу и все тому же Василию Грязному дали более ответственное поручение. Они предъявили царские обвинения удельному князю Владимиру Старицкому – перед тем как сам Владимир Андреевич и боUльшая часть его семьи подверглись уничтожению.

Это уже не безымянная дворня боярина Федорова. Это столкновение с человеком, стоящим бесконечно выше Малюты на социальной лестнице. К тому времени государь, как видно, уже крепко доверял Малюте, коли дал ему задачу подобного уровня. Выполняя ее, сам Г.Л. Скуратов не побоялся мести со стороны родственников семьи Старицких, а также людей, издавна связанных с Владимиром Андреевичем служебными отношениями. Следовательно, чувствовал за спиной полную поддержку царя…

А вот еще один важный штрих к пониманию карьеры Григория Лукьяновича. Митрополит Филипп оказался самым последовательным, самым мужественным и самым влиятельным противником опричнины. И его «дело» сыграло роль точильного камня, на котором заострялась преданность виднейших опричников государю. На Филиппе оступился поистине великий человек – Алексей Данилович Басманов-Плещеев. Против

Филиппа поработал дюжинный мерзавец и карьерист князь Темкин-Ростовский. Наконец, в его «дело» вступает главный «исполнитель» Ивана Васильевича – Малюта.

Не хватало последнего мазка в картине чистой, белоснежной судьбы святителя Филиппа. Не хватало последнего мазка в картине страшного падения Малюты. Декабрь 1569 года завершил оба полотна: на территории Тверского Отроча монастыря Г.Л. Скуратов-Бельский собственноручно умертвил Филиппа, бывшего митрополита Московского. Совершилось…

Житие святого Филиппа донесло до наших дней картину расправы над шестидесятидвухлетним стариком.

По словам жития, «властолюбивый раб» Малюта, явившись и с лукавством «умильне припадая ко блаженному», испрашивал у Филиппа благословения для царского похода на Новгород Великий. Вскоре Северной Руси предстояло умыться большой кровью. Филипп, как видно, понимал, *на что именно* просят у него благословение. И решительно отказал Малюте.

Вместо благословения бывший митрополит, готовясь к скорой гибели, начал читать молитву: «Владыко, Господи Вседержителю! Прими с миром дух мой и пошли аггела мир-на от пресвятыя славы своея, наставляюща мя усердна ко Трисолнечному Ти Божеству! Да не возбранен ми будет восход от начальника тьме со отступными его силами! И не посрами мене пред аггелы Твоими, и лику избранных мя причти, яко благословен еси во веки! Аминь!»

Как знать, что за судьба ожидала прежнего владыку, будь он сговорчивее. Как минимум, сохранил бы жизнь. А там, быть может, и вновь возвысился бы.

Но он – подлинный монах, то есть человек для мира умерший, а потому мирским соблазнам неподвластный. Поэтому и не дает благословения, а произносит обличительную фразу, именуя «начальником тьмы» самого царя и отступниками – его опричное воинство. Но и это еще не все. Фраза «прими с миром дух мой» означает знание страшного обстоятельства: в случае отказа благословить царя Филиппу уготована смерть. Следовательно, страшный посланник заранее изготовился к убийству. Услышав слова молитвы, Малюта «заял праведного уста подглавием», то есть задушил его подушкой. Убийство совершилось 23 декабря 1569 года.

Не известно доподлинно, давал ли царь Иван Васильевич распоряжение убить Филиппа, или же акт душегубства был инициативой самого Малюты. Более правдоподобно второе. Но вот каковы факты: за смерть святителя Григорий Лукьянович не подвергался никаким наказаниям. Его ожидал лишь служебный

рост…

Декабрь 1569 года застал самое начало большого карательного похода по севернорусским землям. После убийства святителя Филиппа было еще великое опричное разорение Новгородчины, досталось и Пскову… Самый конец 1569 – первые месяцы 1570 года стали временем новой вспышки опричных репрессий, вот только на этот раз в землю легло как минимум в десять раз больше народа, чем при «расследовании» по делу о «земском заговоре».

Что же Малюта? Он оказался в своей стихии. Синодики репрессированных содержат знаменательное свидетельство: тогда отряд Григория Лукьяновича уничтожил 1505 человек; некоторых, для разнообразия, расстреляли из пищалей[322]. Очевидно, кому-то хотелось изобразить подобие настоящих боевых действий с настоящим неприятелем. А может быть, опричные стрелки просто хотели потренироваться. Ведь без долгой практики навык утрачивается!

Очень, очень похоже на то, что пожалование думного чина Г.Л. Скуратову-Бельскому явилось «заслуженной наградой» за его неустанные усилия в карательной работе.

Безнин воевал, подставлял голову под пули и стрелы, вел долгие трудные тяжбы с западными дипломатами, а этот голубчик… тяжко трудился, едва успевая пот отирать со лба, после того как у очередного «подследственного» слетала с плеч голова.

Ну, кто из них более достоин царской награды?

Да?

Тогда почему Михаил Андреевич Безнин получил тот же самый чин на шесть лет позже? Когда уже и опричнины след простыл…

В Слободском ордене, по сообщению Таубе и Крузе, Малюта играл не вполне понятную роль пономаря, распределявшего «службы монастырской жизни» вместе с келарем – князем А.И. Вяземским[323]; важно то, что из иерархии ордена, помимо самого игумена – Ивана IV – и двух названных персон более никто не упомянут и, следовательно, Григорий Лукьянович пребывал на самом верху этой странной организации. Автору этих строк уже приходилось писать о том, сколь сложно определить, когда именно возникло орденское учреждение опричников, однако, скорее всего, оно появилось после свержения строгого митрополита Филиппа. Наиболее правдоподобная дата – несколько месяцев в середине – второй половине 1569 года (то есть перед большим карательным походом) или же несколько месяцев в середине 1570 года (то есть сразу после возвращения из

этого похода)[324]. Вяземский был отставлен от дел и подвергся преследованиям в середине – второй половине 1570 года. Позднее он уже не мог быть «коллегой» Малюты по Слободскому ордену. Следовательно, речь идет об очень кратком периоде. Так или иначе, подобное возвышение Малюты состоялось после того, как минуло несколько лет существования опричнины. И что не менее важно, оно случилось уже после того, как Григорий Лукьянович получил шанс выполнить волю государя в качестве палача.

Немец-опричник Генрих Штаден назвал Г.Л. Скуратова-Бельского, перечисляя лиц из опричнины, в наибольшей степени приближенных к монарху, а затем указал, что Малюта был вообще «первым в курятнике»[325]. Но к какому времени относятся эти свидетельства? Судя по контексту, тогда у власти в опричнине еще находились Басмановы-Плещеевы и Вяземский. Стало быть, восхождение Малюты произошло между концом 1567 года, когда Григорий Лукьянович получил именное назначение в государевом полку, и серединой 1570 года, когда Басмановы-Плещеевы и Вяземские были репрессированы.

Некоторые специалисты по грозненской эпохе считают, что именно Г.Л. Скуратов-Бельский погубил опричников «первого призыва», «отцов-основателей» опричного уклада. Это не исключено: и Плещеевы, и даже худородные Вяземские стояли на социальной лестнице того времени выше Григория Лукьяновича. У царя они пользовались благорасположением. Мотив «убрать конкурентов» может быть приписан Григорию Лукьяновичу. Но… твердых доказательств нет.

Здесь стоит ненадолго прервать жизнеописание Скуратова и задуматься: чем для него была опричнина? Как он глядел на нее? *О, вот взгляд, хуже которого трудно что-то придумать: Григорий Лукьянович не располагал ни знатностью, ни командным опытом, ни великими ратными заслугами, а хотел наверх. И опричнина в глазах Малюты была местом торга, где он мог предложить государю чужую кровь за почести и возвышение.* Сколь угодно много. Вернее, столько, сколько потребуется. На протяжении нескольких лет он выплачивал цену, а затем получил необходимый «товар». В будущем Скуратов повторит свои действия с тем же успехом. Система безотказно срабатывала в его пользу.

Ну и как такому человеку может не нравиться опричнина? Надо полагать, Григорий Лукьянович был просто влюблен в нее. Без опричнины, до опричнины он был никем, невидимой величиной. Высокородной знати, заседавшей в Думе, такие, как Г.Л. Скуратов-Бельский, виделись запечными тараканами,

нисколько не выше. Собакой назвать – еще большая честь! «Калики» у Курбского, пожалуй, даже звучат милостиво, с оттенком снисхождения… По рождению своему и социальному положению Григорий Лукьянович оказывался тараканом что для врага Курбского, что для соратника Басманова. И вдруг его равняют с величайшими людьми царства, поднимают до высоты думного чина, более того, ему дают попробовать кровушки больших вельмож. Да Григорий Лукьянович, расстреливая, вешая, пытая, пребывал на седьмом небе от счастья!

С чем сравнить такое?

Хуже мог быть разве что сам Генрих Штаден – хитрый и жестокий немецкий наемник. Ему повезло попасть в опричнину, повезло возвыситься в ней, но русская служба привлекала его лишь постольку, поскольку он мог обогащаться. Когда эти возможности исчезли, Штаден сбежал из России. Чувствуя себя в безопасности, он составил план вторжения в нашу страну и полного захвата ее немцами. Этот план беглец предложил императору Рудольфу II. Вот характерные отрывки оттуда: «В одной миле от него (Волока Ламского. – *Д. В.*) лежит Иосифов монастырь, богатый деньгами и добром. Его можно пограбить, а награбленное увезти в кремль»[326]. Далее: «Когда будет пойман великий князь, необходимо захватить его казну: вся она – из чистого золота… захватить и вывезти в Священную Римскую империю». Самого Ивана IV Штаден предлагал доставить в Германию, чтобы потом у него на глазах убить всех русских пленников, а над их мертвыми телами надругаться. «Пусть великий князь убедится, что никто не может надеяться на собственные силы и что все его просьбы и молитвы – лишь грех один!»[327]Таков был Штаден, не без труда унесший ноги из Московского государства. Но каков же тогда он был на службе у царя, в опричнине? Вот его собственные воспоминания об участии в карательном походе на Новгородчину: «Как-то однажды мы подошли в одном месте к церкви. Мои люди устремились вовнутрь и начали грабить, забирали иконы и тому подобные глупости…» Еще: «Кликнув с собой моего слугу Тешату, я быстро взбежал вверх по лестнице с топором в руке… Наверху меня встретила княгиня, хотевшая броситься мне в ноги. Но, испугавшись моего грозного вида, она бросилась назад в палаты. Я же всадил ей топор в спину, и она упала на порог. А я перешагнул через труп и познакомился с их девичьей». Еще: «Когда я выехал с великим князем, у меня была одна лошадь, вернулся же я с 49, из них 22 были запряжены в сани, полные всякого добра»[328].

Для кого-то опричнина – горе, а для кого-то – прибыльное

предприятие.

К чему здесь помянут Штаден, ведь он чужак, немец, ему Россия – сплошь вольные хлеба и ничего другого? Но ведь и он опричник! Русский или не русский, а в опричнине он служил наравне с русскими, наравне с ними честно воевал, наравне с ними и душегубствовал. *У него тоже был свой взгляд на опричнину*. Из иноземцев не один Штаден попал в опричники. Там оказались и немцы, и татары, и выходцы с Северного Кавказа (князья Черкасские). Надо полагать, *все они, покуда были в чести у государя, покуда им давалось многое, искренне радовались опричнине*. Ведь она давала море возможностей безнаказанно набить мошну.

По сравнению с этим уродом, а также ему подобной публикой и Малюта хорош… Но только по сравнению.

Итак, в 1570 году Малюта – на вершине. Он вынырнул из вод полной неизвестности года за три до того, заработал статус доверенного душегуба и желал продолжить карьеру. Да вот только… в каком направлении?

Хорошо бы двигаться по дипломатической или военной стезе. Таков традиционный путь русского служилого человека, пошедшего в чины. Однако положение Григория Лукьяновича в армейской иерархии опричнины никак не соответствует его влиянию на дела опричного руководства в целом. Политический фаворит Ивана IV продолжал оставаться малозаметной фигурой среди военачальников.

В.Б. Кобрин считал, что Малюта «…в разрядах появляется впервые как военный, как голова, и в дальнейшем не раз бывал воеводой»[329]. Это сказано в полемике с С.Б. Веселовским, который, в свою очередь, считал, что для военной деятельности у Малюты не было ни соответствующих знаний, ни опыта. Кобрин, таким образом, выставляет Малюту опытным командиром. Но это не соответствует действительности. Г.Л. Скуратов-Бельский для опричного боевого корпуса был, скорее, случайным человеком. Когда это Григорий Лукьянович успел «не раз» побывать воеводой, если он оказался на воеводском посту именно что один-единственный раз – на излете опричнины?! И в 1570 году до этого назначения еще очень далеко…

В сентябре 1570-го государь Иван Васильевич вышел с войском против крымского хана и встал под Серпуховом.

Малюта оказался тогда среди дворян, предназначенных для пребывания «в стану у государя»[330]. Что это за должность? На один шажок выше тех же «сменных голов», что и осенью 1567 года… Список «сменных голов» идет в разрядном реестре следующим пунктом после перечисления дворян «в стану у

государя». Это намного ниже любого воеводского поста. Даже рынды (оруженосцы Ивана IV) поставлены выше. Вот и вся военная карьера Малюты перед появлением его на крупном воеводском посту. О сколько-нибудь солидном опыте командования и речи быть не может.

Тем не менее весной 1572 года в смешанном земско-опричном походе он идет к Новгороду Великому вместе с Иваном IV *как второй «дворовый воевода»*. Иначе говоря, второй воевода в составе государева полка. Назначение – высокое. Истинный триумф Малюты! Тем более почетно для Григория Лукьяновича получить такую должность, что он никогда не бывал на других, более низких воеводских постах. Между тем пребывание его среди больших начальников не грозит армии тяжелыми последствиями, поскольку первым воеводой и фактическим главнокомандующим в этом походе поставлен весьма опытный князь Ф.М. Трубецкой[331]. Надо полагать, для Федора Михайловича и для прочей высокородной знати, стоявшей тогда на воеводских должностях, пребывать в близких чинах с абсолютно незнатным Малютой – не слишком приятно. А для Замятни Сабурова, Михаила Яковлевича Морозова и Ивана Дмитриевича Плещеева это явная «поруха чести» и повод для тяжбы «об отечестве». Все трое – представители древних и заслуженных боярских родов, не чета ничтожным Скуратовым-Бельским! Все трое поставлены ниже Григория Лукьяновича. Но они молчат, опасаясь затевать местнический спор: боятся государева гнева, который может на них обрушиться, если будет обижен монарший любимец.

Ситуация парадоксальная! Как военачальник Григорий Лукьянович для армии бесполезен, поскольку не располагает должным опытом. Как величайший раздражитель прочих воевод он даже вреден. Однако его все-таки назначили на эту должность, а значит, государь почтил его явным знаком доверия. Самым очевидным образом нарушался традиционный порядок, сложившийся в русской армии. Притом нарушение совершалось не в интересах службы. Воеводский чин ни по роду, ни по опыту, ни по прямым военным заслугам не полагался Малюте. Но Григорий Лукьянович получил его от монарха.

Более того, в первые месяцы 1572 года он также и принимает участие в переговорах с крымцами и литовцами в качестве дворянина из «ближней думы» Ивана IV. Следовательно, Григорию Лукьяновичу открылись пути к возвышению не только на военной, но и на дипломатической стезе.

Плюс ко всему в начале осени 1572 года Г.Л. Скуратов-Бельский получил поместье на Новгородчине и принялся

опустошать соседние деревни, «вывозя» оттуда к себе крестьян[332].

За какие службы достались ему все эти пожалования?

Очевидно, чтобы подняться столь высоко, притом вразрез с интересами опричной служилой знати[333], в период с лета 1570 года по весну 1572-го Григорий Лукьянович вновь должен был оказать Ивану IV какие-то весьма важные услуги.

Летом 1570 года, вскоре после получения думного чина, Малюта провел в Москве карательную операцию против княжеского семейства Серебряных-Оболенских. В ходе этого «мероприятия» Григорий Лукьянович лично выволок из дома главу рода, князя П.С. Серебряного, и отрубил ему голову.

Затем Скуратов-Бельский участвовал в массовых казнях по «новгородскому делу». Тем же летом они прошли в Москве, на Поганой луже. Среди прочего Малюта «поработал» вместе с иными опричниками над печатником И.М. Висковатым – Ивана Михайловича заживо резали на куски[334].

Однако эти его службы относятся ко времени, слишком далеко отстоящему от 1572 года – поистине звездного для Григория Лукьяновича. Летом 1570-го он все еще «отрабатывал» недавно полученный думный чин. Повод к новым высоким наградам Малюты резонней искать в непосредственной хронологической близости от них.

Источники не позволяют сказать со всей определенностью, чем именно во второй раз угодил государю Григорий Лукьянович. Можно лишь предположить, что новое его возвышение связано с большим громом над Россией, грянувшим в 1571 году.

Весной на южных подступах к сердцу страны объявились орды крымского хана Девлет-Гирея. Земская и опричная армии вышли навстречу неприятелю. Но руководство у них было раздельным, разведка велась из рук вон плохо, к тому же среди русских служилых людей нашелся предатель – настоящий, а не какой-нибудь вялый оппозиционер, «довернутый» до статуса изменника воображением царя Ивана Васильевича. Результат – стремительный отход наших войск, неудачная оборонительная операция под Москвой и великий пожар, уничтоживший город. После ухода татар с огромным полоном началось расследование. В нем Григорий Лукьянович принял участие и, вероятно, отличился.

Допустим, вина нескольких опричных воевод, проштрафившихся самым очевидным образом, была ясна и без его усилий. Отношения между князем М.Т. Черкасским и царем давно стали прохладными. Михаил Темрюкович имел основания подозревать, что его сестра, царица Мария Темрюковна, ушла из

жизни не по своей воле. А царь имел основания подозревать самого М.Т. Черкасского в сговоре с неприятелем. Сейчас трудно определить, существовал ли этот сговор на самом деле, но почва под опасениями Ивана IV была. Князя, очевидно, казнили еще до московского разгрома, в ходе оборонительной операции. Прочие опричные военачальники, и прежде всего князь Василий Иванович Темкин-Ростовский, не уберегли от татар Опричный двор – царскую резиденцию в Занеглименье. Опять-таки результат налицо, смысла в расследовании нет.

Но.

Во-первых, оставалась неясной степень вины земских воевод. Оплошность? Измена? Слабость?

Старшим среди них после гибели князя И.Д. Бельского оказался один из величайших вельмож грозненского царствования – князь Иван Федорович Мстиславский. Автору этих строк уже приходилось доказывать, что за Мстиславским не числилось никакой измены[335]. Сам царь нимало не верил в нее. Но если пострадали видные опричники, то как земским остаться без наказания? Царю требовался громкий «политический процесс», а не подлинное расследование. Никакие подозрения в предательстве Мстиславского не посещали государя. Однако Иван IV был недоволен Иваном Федоровичем, и монаршее недовольство не носило одного лишь формального характера. Князь оказался среди тех, кто проиграл большую битву. Есть ли в том его вина, или же ее несут иные командиры, да и сам государь, – трудно сказать. По всей видимости, Иван Федорович заменил Бельского на посту командующего слишком поздно, когда выправить исход оборонительной операции было уже крайне трудно. Однако в вину ему могли поставить то, что царь очень долго не получал вестей из спаленной столицы и даже не знал, какова судьба сражения у ее стен. К тому же Мстиславский не позаботился о расчистке города от мертвецов. Бог весть, был ли он тогда в состоянии заботиться о чем-либо, увидев, как в лютом пламени сгорел его полк… Малюта Скуратов мог всерьез понадобиться государю для организации «политического процесса» с позорищем и унижением для Мстиславского.

Во-вторых, помимо крупных фигур в печальной истории большого московского пожара 1571 года оказались замешаны мелкие служилые люди, оказавшие татарам услуги проводников. В частности, некий сын боярский Кудеяр Тишенков. И тут расследование требовалось самое тщательное: царя не могла не встревожить возможность того, что от сих невеликих птиц веревочки потянутся к «столпам царства». Бог весть, располагал ли Григорий Лукьянович разыскными способностями или же

только карательными. Но к делу его привлечь могли. Во всяком случае, осенью 1571 года Малюта расспрашивал вернувшегося из Крыма русского гонца Севрюка Клавшова о Кудеяре Тишенкове и других московских изменниках[336].

Надо полагать, действия Григория Лукьяновича вполне удовлетворили монарха. Именно этим уместно объяснить единственное воеводское назначение в карьере Малюты.

Можно констатировать: на протяжении двух лет, ставших последними в истории опричнины, Григорий Лукьянович стоит весьма высоко. Именно в 1570–1572 годах он – «первый в курятнике». Может быть, с конца 1569 года, но не раньше. В ту пору Малюта пребывает на вершине жизни. Он добился того, о чем прежде и мечтать не мог. Опричнина дала ему невероятное, немыслимое возвышение, ни при каких обстоятельствах не возможное для провинциального сына боярского доопричного времени…

Кто для него все эти высокородные аристократы? Чужие. Лучше сказать – мясо, которым можно насыщаться по разрешению государя. Проливать кровь людей, стоящих на социальной лестнице неизмеримо выше тебя, – редкое удовольствие для людей подобного склада.

Но вот какой парадокс: стремясь закрепить положение своего ничтожного рода на верхних ступенях служебной лестницы, Григорий Лукьянович повел тонкую «брачную политику»: *трех своих дочерей он отдал замуж за родовитых аристократов*.

Анна Григорьевна Скуратова-Бельская сделалась супругой князя Ивана Михайловича Глинского. Князья Глинские входили в десятку высших родов русской знати… если только не в пятерку. Иван Михайлович был богат, приходился близкой родней матери самого Ивана Грозного и как жених обладал лишь одним недостатком: считался человеком «очень простым и почти полоумным»[337]. Впрочем, странная «простота» совмещалась в нем с полководческим дарованием[338], и впоследствии он станет крупным военачальником.

Марья Григорьевна Скуратова-Бельская оказалась замужем за Борисом Федоровичем Годуновым, выходцем из старинного боярского семейства. Годунов был, конечно, женихом более низкого ранга, чем Глинский. Но, во-первых, ему предстояло, пережив Ивана IV и его сына Федора Ивановича, взойти на царский трон. И во-вторых, еще в 1567 году Григорий Лукьянович о родстве с Годуновыми даже мечтать не мог – настолько превосходили они его собственный род знатностью.

Наконец, Христина (Екатерина?) Скуратова-Бельская стала женой князя Дмитрия Ивановича Шуйского. Князья Шуйские по

знатности могли тягаться с Глинскими и даже превосходить их. Они обладали весьма значительными земельными владениями, они прочно удерживали высокие посты в армии и Боярской думе. Брат Дмитрия Ивановича Василий окажется еще более живучим, нежели Б.Ф. Годунов. Он успеет пережить и Бориса Федоровича, и его врага Лжедмитрия I, а после смерти Самозванца князь воцарится на русском престоле. К тому времени Христина, дочь Малюты, еще будет жива…

Таким образом, трем худородным девицам в мужья достались три блистательных аристократа.

Надо полагать, Малюта строил великие планы на будущее.

И вот всё рухнуло.

Честная гибель

Опричнина шла к «закрытию» с весны 1571 года. Военные неудачи снизили ценность этого учреждения в глазах царя. Победа над крымцами Девлет-Гирея летом 1572 года, невозможная без участия земских войск и земских воевод, видимо, оказалась решающим аргументом против опричнины. Осенью последние остатки опричной организации были расформированы.

Государю Ивану Васильевичу предстояло решить: как поступить с худородными опричными выдвиженцами. Они делились на две части. Во-первых, те, кто мог еще оказаться полезен. Во-вторых, те, в ком острой нужды не ощущалось.

К первой группе следует отнести толковых военачальников, дипломатов, администраторов. Иначе говоря, людей безнинского типа – тех, кто проявил к своему делу очевидные способности. Их оказалось не так уж много.

Во вторую группу входили либо исполнители, среди которых Малюта был самым ярким деятелем, либо просто лояльные прихлебатели, собутыльники, шуты.

Самые никчемные, самые ненужные из тех, кто входил во вторую группу, оказались «отбракованными». Их просто опустили до уровня служебных назначений, адекватных их происхождению. Никакого воеводства, никакого сидения на высоких административных должностях. Влиятельные временщики вернулись к положению рядовых служильцев.

С исполнителями было сложнее. Они могли еще пригодиться. Отмена опричнины явилась своего рода компромиссом с верхушкою военно-служилого класса. Но казни никуда не исчезли. На протяжении грозненского царствования еще не раз

грянут устрашающие репрессии. Они всего лишь сократятся в масштабах: не будет второго Новгорода, не будет второго «расследования» по «делу Федорова», не будет и нового лета 1570 года, когда за день могли публично уложить 120 человек… Но исполнители еще понадобятся. Например, когда царю потребуется травить собаками владыку Новгородского Леонида, предварительно нарядив его в медвежью шкуру, или когда придет черед ликвидировать знаменитого полководца и очень богатого вельможу князя М.И. Воротынского… Положительно исполнители еще окажутся нужны. Вот только не в таких количествах и не столь остро.

Перспективы Григория Лукьяновича после опричнины выглядят смутно. Оставил бы его царь при себе «на всякий случай»? Возможно. Но мог и не оставить: постопричному компромиссу не добавлял прочности тот факт, что рядом с монаршей особой остается столь одиозная фигура – безродный палач, ненавидимый тьмочисленной родней его жертв. Почему бы не пожертвовать пешкой, отыгравшей своё? В конце концов, хорошего исполнителя на будущее можно выбрать и среди менее запятнанных кровью людей…

А выбирать придется. И причина для этого весьма серьезная.

Пока существовало две служилые иерархии – земская и опричная, карьера в них проходила по разных «правилам игры». В верхнем эшелоне земщины сохранялось традиционное для середины XVI века абсолютное преобладание княжат и небольшого количества старых боярских родов. А в опричнине царь мог «подтянуть» на самый верх людей никоим образом не родовитых. «Подтянуть» до определенного предела: в опричнине были свои местнические тяжбы, и царь Иван Васильевич, хоть и мог порой обидеть более знатных людей, продвигая весьма худородного служильца, но отменить местнические счеты совсем, *как систему*, не мог. Даже не пытался. Так вот, осенью 1572 года одна из двух иерархий пропала. Свернулась с громким хлопком. Следовательно, те, кто служил в этой новой, ныне пропавшей иерархии, должны были войти в старую, земскую иерархию. Теперь в отношении всех этих людей начали работать доопричные традиции и доопричные «правила игры». Теперь «вытянуть» всех опричников на прежний уровень служебных назначений оказалось просто невозможно. Для князя Ф.М. Трубецкого это обстоятельство ничего не значило – он возвышался над подавляющим большинством служилых аристократов России что с опричниной, что без опричнины… Для князя Дмитрия Ивановича Хворостинина, лучшего опричного полководца, начинались серьезные сложности и упорная

местническая борьба. Но и он по роду своему и по боевым заслугам мог претендовать на многое. Для худородных выдвиженцев новая ситуация означала приговор: им предстояло просто рассеяться в нижней части служилой пирамиды… Но в отношении *некоторых из них* царь, очевидно, изъявил готовность жаловать паче знатности. Иными словами, создавать условия, при которых это немногочисленная группа могла частично оставаться «у великих дел». В Думе. На воеводстве в полках и крепостях. На судейских должностях в приказах и иных административных учреждениях. При дипломатическом ведомстве.

С отменой опричнины для Григория Лукьяновича, как и прочих худородных выдвиженцев, пропала всякая возможность продолжать карьеру в прежних высоких чинах. Особенно это было справедливым для армии, где «правильность» назначений в соответствии с «породой» и «отечеством» отслеживалась четко. Падение Малюты в чинах, таким образом, должно было произойти с полнейшей неизбежностью… Но небольшой группе *самых нужных* государь мог предоставить особую возможность отличиться: тогда возникал шанс распространить на них благоволение, уже никак не связанное со статусом этих людей в опричнине. Вот только отличие это должно было иметь действительный вес в глазах всей служилой аристократии…

И монарх провел тех, кого желал сохранить подле себя и на высоких постах, через испытание кровью. Через смертельный риск. Так что уцелевшие получили «второй шанс» честно.

На примере последних месяцев жизни Григория Лукьяновича эта необычная ситуация прослеживается со всей ясностью.

Осенью 1572 года русская армия сосредотачивалась для большого похода на Ливонском фронте. Планировалось масштабное наступление. Армию возглавил сам государь, не появлявшийся на западном театре военных действий со времен «Полоцкого взятия» 1563 года. Требовалось переломить ситуацию вялотекущих боевых действий, когда ни одна из сторон не могла добиться решительной победы. Иван Васильевич искал военного успеха не только по причинам стратегическим или тактическим. Вероятно, царь стремился также восстановить свой авторитет: великая победа над татарами на Молодях была одержана несколько месяцев назад без его участия. Монарх пережидал нашествие крымцев в Новгороде Великом. Это могло не лучшим образом сказаться на его репутации. Следовало обновить лавры удачливого полководца…

3 декабря 1572 года русской полевой армии назначен был срок для общего сбора «на Яме» для похода «на свийские немцы». Для новой кампании наше командование сконцентрировало

немалые силы: войско ливонского короля Магнуса[339], отряд наемников Юрия Францбека, отряды служилых татар, шесть русских полков, государев двор и мощную осадную артиллерию. Это огромная сила, какой давно не собирало Московское государство.

Среди прочих служилых людей отправился в зимний поход и Григорий Лукьянович. Как показывает разрядная запись, он был понижен до уровня прежних своих назначений. Теперь Малюта не воевода, а всего лишь «ездит за государем» вместе с Василием Грязным[340]. Это очень неопределенная должность: не воевода, не голова, не рында, а… нечто вроде почетного сопровождения. Либо за этой неопределенностью должен был последовать новый взлет, либо… завершение фавора.

27 декабря московское войско явилось под стены ливонского замка Пайда (Вессенштайн). Он занимал стратегически важное положение – на полпути от Нарвы, Юрьева и Феллина, уже взятых нашими воеводами, к Ревелю. Пайда считалась крепким орешком: полевые соединения Ивана IV безрезультатно приступали к ней в 1558, 1560 и 1570 годах[341]. Здесь ожидалось встретить жестокое сопротивление. Но на сей раз крепость располагала лишь незначительным количеством защитников. Большой битвы не получилось.

Русские пушкари расположились с орудиями на позициях и обрушили на стены Пайды убийственный огонь. Они сумели проломить немецкие укрепления. 1 января 1573 года замок удалось взять штурмом, через пролом. Во главе отрядов, бравших Пайду приступом, под вражеским огнем, шли видные опричники, желавшие получить тот самый «второй шанс»: Михаил Безнин, Роман Алферьев, Василий Грязной[342]. Что ж, они сумели выполнить свою задачу и честно, на глазах у всего воинства, заслужили государево благоволение.

Вместе с ними был и Малюта, погибший в тот день.

О гибели его написано многое. Так, С.Б. Веселовский, отличающийся большой осторожностью при работе с источниками и строгостью в выводах, поддался какому-то романтическому настроению и написал: «На ратном поприще Малюта не подвизался, не бывал даже в начале карьеры в рындах… Поэтому его смерть 1 января 1573 г. на приступе к Пайде заслуживает внимания. Известно, что царь Иван, разочаровавшийся в своих опричниках, в конце опричнины и непосредственно после ее отмены без пощады стал их уничтожать. Само собой разумеется, что М. Скуратов это знал. Ивану не было надобности прибегать к прямым угрозам, чтобы Малюта понял, что ему ничего не остается, как пойти на верную

смерть в рискованном деле, тогда как у него не было ни знаний ратного дела, ни соответствующей опытности. Поэтому смерть Малюты под Пайдой можно сравнить с судьбой Васюка Грязного, посланного в том же 1573 г. на опасную разведку донецкой степи без всякой соответствующей подготовки и попавшего в плен к татарам»[343].

Версия Веселовского наполнена духом античной трагедии: тиран, долго пользовавшийся преданностью палача, затем вынуждает его совершить самоубийство на поле брани… Что ж, красиво. Однако никаких подтверждений этой гипотезе в источниках нет.

Уместнее обойтись без сложных психологических конструкций. Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский жил по уши в грязи и по локоть в крови. Жил он как зверь. Зато умер как человек. Сражаясь за отечество, честно сложил голову. Смерть Малюты – самое светлое место в его биографии.

И стоит ли тут накручивать что-то еще?

На помин души Григория Лукьяновича была выделена огромная по тем временам сумма – 150 рублей. По душам собственных жен и дочерей царь делал меньшие вклады… А вдова опричника получила значительный пожизненный пансион[344], что для грозненской эпохи – уникальный случай. Родственники его продолжали пользоваться большим почетом, кое-кто из них еще поднимется высоко[345]. Останки Малюты погребены на территории Иосифо-Волоцкой обители. До сих пор иноки показывают место у стены трапезной, где, по монастырским преданиям, лежит тело Г.Л. Скуратова-Бельского.

За что оказали ему такие почести? В память о верной и преданной службе в роли старшего «исполнителя»? Как главному во всей опричнине царскому любимцу? В качестве благодарности за какие-то советы, поданные царским фаворитом по государственным делам?

Думается, более вероятен другой вариант. Государь Иван Васильевич имел все основания радоваться взятию Пайды. Эта победа совершилась под личным его руководством. Таким образом, монарх подтвердил реноме искусного и решительного военачальника. И пусть дальнейшее наступление русских войск захлебнулось – тут уж виноват не царь, отбывший после пайдинского успеха из действующей армии. Следовательно, почести, оказанные Малюте, косвенно возвышали и самого государя: если памяти героя, павшего смертью храбрых при взятии мощной крепости, воздаются такие почести, значит, дорогого стоит сама победа… Правда же состоит в том, что Пайда хоть и сильный замок, а все же по ценности далеко уступает и

Казани, и Полоцку. Успех – да, но частный, невеликий. Огромная армия, собранная под стенами замка, была явно избыточной для решения подобной задачи. Но бой был, кровь пролилась, погиб видный человек. Резонно возвысить смерть его, тогда вместе с нею возвысится и само приобретение, купленное кровью столь известного мертвеца.

В натуре государя Ивана Васильевича сочетались артистизм и прагматизм. Кто умер под Пайдой? Верный пес. Большая ли потеря? Да не столь уж незаменим преданный палач! Псы всегда найдутся, буде в них возникнет надобность… Но даже из трупа любимой собаки можно извлечь политическую пользу.

* * *

Итак, Г.Л. Скуратов-Бельский – государев любимец, высоко взлетевший не по «отечеству», не из-за наличия особых командирских или административных способностей, а лишь по благоволению Ивана IV. А благоволение это купил он палаческими услугами. Не один он был таков, опричнина приютила немало выдвиженцев, с радостью вступавших с монархом в подобного рода «торговлю».

Малюта – печальный парадокс русской истории. Изо всей его жизни скудные свидетельства источников едва-едва высвечивают последние пять лет. В конце 1567 года Григорий Лукьянович всплывает на поверхность истории из мутных глубин анонимности. В самом начале 1573 года он гибнет. Известий о его судьбе – с гулькин нос. Добрую половину истории опричнины он был там никем. Лишь на протяжении последних трех лет ее существования Малюта играл видную роль. Именно тогда он сделался «первым в курятнике» – на недолгий срок.

Но… именно его запомнили современники и потомки. Именно с его именем – помимо имени самого царя, разумеется, – поколение за поколением связывает опричнину. Именно он стал в массовой исторической памяти лицом опричного уклада. Не Басманов, не Вяземский и подавно не Безнин.

А тот, кто дальше всех пошел в нравственном падении, тот, кто более всех прочих утратил образ Божий, содержащийся в душе каждого человека.

Наверное, можно в этом усмотреть высшую волю.

Ведь человеку надо было *очень стараться*, чтобы за столь незначительное время приобрести столь громкую славу великого душегуба. А если система позволила ему добыть эту славу, значит, совершенно правильно великий душегуб стал ее живым

символом.

Народ наш умеет из всего извлекать самую суть.

Пара капель «свежей крови». Русская военно-политическая элита во время опричнины и после нее

Эта книга не претендует на гордое звание научного исследования. Скорее, она представляет собой результат исследования, изложенный в популярной форме. На протяжении нескольких лет автор этих строк занимался историей опричнины. Что-то высветилось, иное осталось темным… Главное же таково: *никогда, ни в какой момент своей истории, опричнина не являлась простым устройством*. Пишут о ней публицисты и политики, журналисты и писатели: она – то, она – другое, но в любом случае предполагается почему-то, что она обладала качествами единства, монолитности, что суть совершенно ясна. И не нашлось в итоге ни единства, ни монолита, ни ясности…

Прояснились те стороны исторической биографии опричнины, которые до сих пор не считались «магистральными». Напротив, многие обстоятельства и процессы, столь сильно привлекавшие внимание умов – как незаурядных, так и дюжинных, – ушли на второй план.

Например, очевидной стала полная беспочвенность сравнений опричнины с революцией, да и контрреволюцией. Она не взломала общественный уклад и не переменила его кардинально. С другой стороны, она не была направлена к сохранению каких-то глубинных, исконно русских, истинно христианских основ жизни в России. Нет! Ни в малой мере. Если бы опричнину вводили в XVIII или XIX столетиях, то действия по ее устроению современники назвали бы реформой. Именно так. Военно-политической реформой, подстегнутой тяжелыми условиями военного времени.

Итоги опричной реформы для страны оказались, скорее, отрицательными. Главная война, которую вело тогда Московское царство, – Ливонская – завершилась тяжелым поражением и территориальными потерями. Боеспособность и управляемость армии нисколько не повысились. Более того, раскол в русском военном командовании оказался пагубным: он стал одной из причин московского разгрома 1571 года. Почти все преобразования, проведенные в армии и управленческой системе за время опричнины, оказались позднее отмененными. Во второй половине 1570-х годов русская армия и русская политическая система вернулись к доопричному состоянию.

Что реально изменилось после «вздыбливания» Руси, опричных казней, возникновения и расформирования опричных армий? Реально… несколько иной стала карта высшего яруса русской военно-политической элиты. Многие семейства высокородной знати сошли со сцены. Причем иногда это означало физическую смерть, а иногда – потерю статуса, влияния. Зато на их место продвинулось несколько родов, прежде бывших аристократией «второго сорта». Место у самого трона получило незначительное количество худородных семейств, абсолютно несравнимых со знатью – хоть высшего, хоть первого, хоть второго сорта. Они вцепились в небольшой клочок территории при «великих делах державных» и смогли удержаться. Эту немногочисленную группировку вся остальная «головка» военно-служилого класса России… терпела. Скрепя сердце терпела, пока государь поддерживал «калик» открытым своим благоволением. Ну а когда исчерпался век царя, его выдвиженцев снесли с политической сцены исключительно быстро.

Вот и весь действительный позитивный итог опричнины: она влила сколько-то капель свежей крови в сообщество аристократов, контролировавших вместе с монархом рычаги управления страной.

Ясно и другое: опричнина не являлась бессмысленной прихотью полубезумного деспота. У этого «проекта», говоря языком наших дней, имелась значительная социальная база. Положение, при котором сравнительно небольшой круг высших аристократических родов из числа княжат подобрал под себя слишком многое в армии и в управлении державой, привело к печальным последствиям. Социальная мобильность русской элиты снизилась. Целый слой старомосковской нетитулованной знати оказался в стесненном положении. Даже княжеские рода, не принадлежавшие к самой верхушке, делали карьеру с трудом. А уж многотысячное сонмище нашего дворянства, бившегося макушками о низкий карьерный потолок, не имело ни малейших оснований радоваться подобному порядку вещей.

Опричнина сыграла роль новой, «молодой» иерархии, откуда на первом этапе воля Ивана IV исключила высший этаж княжат. Убрать такого конкурента – действие радикальное, *почти* революционное! Общественные группы, ранее отжатые от лестницы, ведущей к вершинам службы, получили доступ к «лифту наверх». Кто-то – в большей степени, кто-то – в меньшей. Лифт позволял подниматься, минуя ступени «старой» иерархии. Опричные «правила игры» дали кое-кому возможность этим лифтом воспользоваться и даже «закрепиться на высоте». После отмены опричнины положение княжат осталось

непоколебленным, но кое-кто влился в ряды высшей аристократии или хотя бы остался с нею наравне по службе.

Таким образом, опричнина сыграла роль своего рода клапана: через нее был стравлен пар нарастающего конфликта. Беда в одном: пар пришлось стравливать с кровью. И крови пролилось слишком много.

Худо ли это? Да, безусловно. Уже одного того хватит, что масштабное политическое душегубство именно тогда – не раньше! – вошло в общественный быт русского народа. А войдя туда, худо повлияло и на веру, и на нравственность. Господь наш проповедовал любовь. И как ни вертись, невозможно исказить Его заповедь любви до такой степени, чтобы она оправдывала великое кровопускание грозненской эпохи. Если видеть в старомосковской аристократии тупых жирных «зверообразных» бояр, отсиживавших задницы в Думе и мешавших государям проводить реформы, если видеть в них «ленивых богатин», загородивших путь наверх бедному, но храброму и украшенному высоким интеллектом дворянству, если видеть в них сплошь «изменное семя», тогда конечно: поганой метлой такую аристократию…

Но ведь было не так. На протяжении всего периода Московского царства *страна располагала правящей элитой такого уровня, до которого никогда позднее не сумела подняться.* Наша служилая аристократия того времени состояла из людей, навычных книжному слову, с детства получавших опыт управления и военных действий. Князья и бояре старомосковские были плоть от плоти страны, они выросли из нее и составляли *устоявшуюся национальную элиту* и по происхождению, и по культуре. Все они были православными и, за редкими исключениями, хранили православию верность в самых сложных ситуациях.

Конечно, аристократия того времени страдала недугом своеволия. Оборотной стороной высокого качества правящей элиты была ее чудовищная амбициозность и склонность к интриганству. Чуть государь выпускал из рук вожжи, как знать принималась вырывать для себя «шляхетские вольности», подсмотренные у соседей, а то и пыталась устроить русское подобие сейма…

Но, думается, все-таки лучше было для России располагать сотнями ярких, сильных личностей, прирожденных управленцев и военачальников, хотя бы и честолюбивых до умопомрачения, нежели ровным бесцветным строем «хороших исполнителей» – как сейчас. А сколько их легло под топор, сколько «голубой крови» пролилось?

В 1584 году умер царь Иван Васильевич, получивший у

потомков прозвище Грозный. Он оставил в наследство сыну крайне пеструю и сложно устроенную политическую элиту. Она включала в себя небольшое количество тех самых «худородных» администраторов, поднятых государем на высоту, которая до опричнины им и присниться не могла. По сравнению с древней русскою знатью, обладавшей – даже после грозненского «чёса»! – обширными земельными владениями, способной выложить на стол родословные от Рюрика, от Гедимина, от старинных слуг Московского княжеского дома, да еще сплоченной брачными союзами, эти были – провинциальная голь, никтошечки. «Новые люди», сильные царской милостью да службой. Они лихорадочно обзаводились теми же брачными союзами с великими родами и между собой, но к 1584-му по-настоящему укрепиться в Москве еще не успели.

Правящая элита того времени включала в себя также несколько упомянутых великих родов (Шуйские, Трубецкие, Воротынские, Мстиславские, Романовы-Юрьевы и т. д.) и несколько десятков родов… как бы получше выразиться? аристократов-«середняков». Знатные, но из младших ветвей. Состоятельные, но не фантастические богатеи. Знающие толк в службе и в управлении, не настолько заносчивые, как могучие семейства, но и не настолько парвеню, как «худородные волки». Их-то, последних, Борис Федорович Годунов и объединил в качестве опоры для прорыва к единоличному правлению.

Сначала он позволил большим аристократам скушать «выскочек». «Калики» за два года повылетали с высоких постов и больше никогда не назначались на должности воевод, глав дипломатических миссий, судей в приказах (министерствах того времени). Затем Годунов дал высшей аристократии погрызться между собой, а потом ударил по главнейшим ее группировкам. За ним оказался сплоченный клан людей, готовых действовать в полном единстве, подобно пальцам, сжатым в кулак. Его противники договориться не сумели. Вот разгромлены Шуйские… Получили удар Мстиславские… А вот и Романовы-Юрьевы… Всё! Больше сопротивляться некому. Оставались другие великие рода, но они временно утратили контроль над центральным управлением.

В царствование Федора Ивановича, а затем и Бориса Годунова (1598–1605) складывается правящая элита, более или менее однородная, весьма сплоченная, видевшая в своем вожаке первого среди равных – венчан он на царство или нет… Она делится на думные чины (бояре, окольничие, думные дьяки, думные дворяне), придворные чины (стольники, стряпчие и т. д.), а также чины московских дворян. Всё это, вместе взятое, называлось

Государев двор и состояло из нескольких сотен человек. А у них уже подрастали детки, которым требовалось дать должности всё там же, в пределах Государева двора… Рангом ниже пребывало еще 700–900 так называемых «выборных дворян», сочетавших службу в Москве со службой вместе с низшим слоем дворянства – уездными корпорациями. Чем дальше, тем меньше оставалось связи между «выборными» и «московскими» дворянами, тем меньше привлекали первых на службу в столицу, тем меньше давали им ответственные должности… Не говоря уже о тех, кто стоял еще ниже и о службе «по выбору» мог только мечтать.

Что в результате?

Вот аверс медали: мощная и монолитная элита того времени выигрывает войны, которые не сумел выиграть Иван Грозный. Успешно подавляет восстания. Неплохо администрирует.

Зато каков реверс! Имеет смысл привести обширную цитату из монографии блистательного современного историка А.П. Павлова «Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове»: «*Правительство Бориса Годунова явно не стремилось открыть широкий доступ ко двору и реальному управлению страной дворянству окраин. Углубление противоречий между столичной знатью и уездным дворянством, а также между дворянами центра и окраин, с одной стороны, и рост корпоративной сплоченности местных служилых обществ – с другой, обусловили активные и самостоятельные выступления дворянских масс в годы Смуты*».

Это они, «местные служилые сообщества», наполняли боевой массой армии Ивана Болотникова, трех Лжедмитриев, иных мятежных самозванцев, Заруцкого. Не какие-нибудь лапотники, как говорится в учебниках про «крестьянские войны», а профессиональные служильцы, воины и управленцы по праву рождения, – да и казаки вместе с ними. Это они оказались главным горючим материалом Смуты. Они же, правда, и выволокли Россию из бездны, составив земские ополчения да порубив те же казачьи банды, бывших союзников… Многое ли следует добавить ко всему сказанному выше? Элита, столь ловко обточенная Борисом Федоровичем, оказалась меж двух враждебных сил: сверху старые аристократические рода, жаждавшие реванша, не простившие Годунову попытку править вне их контроля, а снизу огромная темная масса недовольных провинциалов. И великолепная сильная элита не выдержала двойного натиска.

Русский военно-служилый класс имел в XVI веке безумно сложное устройство. Он был расколот на множество групп. Эти группы обладали очень разными каналами доступа к власти и

очень разными возможностями служебного роста.

Верхушка служилой аристократии то и дело пыталась навечно зафиксировать свое колоссальное преобладание над всеми прочими. Застыть. Окостенеть. Поколение за поколением подобная ситуация создавала мощное давление конфликтного пара на стенки русского социума. Пар мог разорвать всю «конструкцию» изнутри. Опричнина была, помимо прочего, способом стравить немного пара, и это удалось… вот только возможность подобного действия стоила неприемлемо дорого. Во время Смуты вышло больше пара и… больше крови. Цена, заплаченная за восстановление старого порядка, оказалась просто чудовищной. Но пар продолжал скапливаться, отыскивая дорогу наружу. Пока не будет отменено местничество, пока не появится «Табель о рангах», да еще и какое-то время после того, расколотость нашего дворянства рождала и рождала этот губительный пар…

Русская правящая элита отнюдь не прибавила в качестве, когда существовала опричнина. Да, в опричники было рекрутировано немало талантливых, волевых, отважных и умных людей. Но поднимались к вершине опричной пирамиды не только они. Во-первых, опричную систему настроили на такой режим функционирования, при котором человек, сознательно шедший в каратели, мог покупать чужой кровью собственное возвышение, притом не имея талантов политика, дипломата, полководца. Во-вторых, государевы фавориты получили возможность втаскивать родичей на должности, несоразмерные с их деловым опытом и способностями. Когда действительность бросала им вызов, они могли провалить дело.

Идеи, заложенные в опричную реформу при ее начале, могли бы обеспечить благой результат. Но методы, которыми она проводилась, почти всё благое похоронили.

В истории опричнины есть один общий урок, который почувствовали еще книжники Московского государства. Не напрасно они, говоря об опричных годах, вспоминали фразу из Священного Писания (Мф., 12: 25): «Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит».

Приложения

Приложение I
Основные принципы кадровой политики в опричной военной иерархии

До какой степени опричнина была сломом традиционных иерархических отношений в той социальной среде, из которой формировалась военная элита России?

Виден ряд серьезных расхождений с устоявшимся к середине 1560-х годов порядком. Расхождений, продержавшихся, однако, недолго. В русской армии середины XVI столетия титулованная аристократия (княжата) обрела абсолютное преобладание как поставщик кадров для высших воеводских назначений. Старомосковское боярство получило над титулованной знатью «реванш» в армейском командовании опричнины. Более того, можно говорить о ярко выраженном характере этого явления. Всего несколько семейств, главным образом Плещеевы да Умные-Колычевы, контролировали боUльшую часть важнейших воеводских назначений в опричном боевом корпусе. Однако на позднем этапе военной истории опричнины доминирование старомосковской нетитулованной знати исчезает. Разрушение господства Плещеевых, казни и опалы, ударившие по этому семейству в связи с «новгородским делом», полностью изменили картину в опричном боевом корпусе. Боярский «реванш» оказался нестойким и кратковременным: в 1570-м он сходит на нет и до 1572 года уже не возобновляется; картина воеводских назначений в опричной среде перестает сколько-нибудь значительно отличаться от среды земской. С середины 1570 года воеводский корпус опричнины, включая и высшие должности, формируется в значительной степени из высокородных аристократов. Роль опричного главнокомандующего исполняет князь Ф.М. Трубецкой, в опричнину приходит опытнейший военачальник князь В.И. Барбашин. Осуществляется залповое «вливание» княжат, связанных службой или родственными узами с семейством Старицких, разгромленном в 1569 году: в статусе опричных воевод оказываются князь С.Д. Пронский, князь А.П. Хованский, князь Н.Р. Одоевский, князь В.И. Темкин-Ростовский, а также знатнейшие выходцы из тверского боярства Г.Н. и Н.В. Борисовы-Бороздины, имевшие прочные связи с домом Старицких удельных князей.

Представители неродословных и худородных фамилий добивались высоких воеводских назначений, однако подобного рода случаев мало. Кроме того, «высоких» – не значит «высших».

К руководству крупными самостоятельными полевыми соединениями в годы опричнины никого из них не допустили. *Ни единого раза.* Их потолок был – командование полком или недолгое пребывание во главе крепостного гарнизона, да и то не столь значительного, как, например, новгородский, псковский или казанский. Заметными людьми в опричной военной иерархии были Нащокины (прежде всего М.А. Безнин, затем Р.В. Алферьев), кроме того, опытнейший в военном деле И.Б. Блудов. Из царских любимцев высоко поднялся в опричной армии К.Д. Поливанов. Прочие государевы фавориты, в том числе и знаменитый Г.Л. Скуратов-Бельский по прозвищу Малюта, либо вообще не получили воеводских постов, либо ставились на второстепенные воеводские должности – в качестве разовой почести. После отмены опричнины считаные единицы «худородных выдвиженцев» Ивана IV сохранили положение воевод (Нащокины и тот же И.Б. Блудов).

Еще в начальный период опричнины продвижение получили представители младших ветвей и захудалых родов княжеской знати, оттесненных до опричнины на второй план. Это в первую очередь Телятевские, затем Вяземские, Хворостинины, Гвоздевы-Приимковы, князь И.П. Охлябинин, князь В.А. Сицкий, князь Д.М. Щербатый, князь А.И. Морткин. Из их числа вышло несколько способных и талантливых военачальников, – прежде всего следует назвать великого полководца князя Д.И. Хворостинина (который, впрочем, не получил в опричнине значительного карьерного продвижения). Разумеется, никакими «новыми людьми» они не были. Они-то как раз обрели в опричную эпоху превосходный шанс возвыситься, преодолеть барьер сравнительно низкого положения на шкале местнических счетов, да и воспользовались им сполна. В послеопричное время многие из них сумели закрепить за собой карьерные достижения. И это – главный результат того нарушения традиционных иерархических отношений в среде военно-служилой знати России, каким была опричнина.

Таким образом, пользуясь словами А.П. Павлова, нарушение «традиционной иерархии внутри господствующего класса» оказалось недолгим и неглубоким. В армейской сфере реальные его последствия сводятся к введению нескольких новых семейств в тот аристократический слой, на основе которого формировался высший командный состав вооруженных сил Московского государства.

Радикальные мнения Р.Ю. Виппера и П.А. Садикова о «талантливых выдвиженцах» Ивана Грозного и противоположности «помещичье-дворянской опричнины»

«княжеско-боярской феодальной знати» не находит ни малейшего подтверждения на материале верхних ярусов опричной военной машины. И даже более осторожная формулировка А.А. Зимина, согласно которой Иван IV «смело выдвигал новых людей», оказывается некорректной. «Новых людей» – неродовитых, происходящих из провинциальных городовых служилых корпораций – на верхушке опричной военной машины почти нет. Первый русский царь и впрямь обеспечил русскую армию целом рядом «выдвиженцев», поднявшихся по его воле выше, чем позволял их социальный статус. Но, во-первых, это все та же «княжеско-боярская знать», пользуясь терминологией Садикова, только чуть более низкого сорта. И во-вторых, выбор Ивана IV обеспечил армию военачальниками далеко не высшего качества – по части опыта и тактических талантов. Если среди командиров самостоятельных отрядов или отдельных полков в составе крупных полевых соединений отыскивается немало даровитых военачальников или, как минимум, полководцев с большой «практикой» за плечами, то среди опричных главнокомандующих таковых очевидное меньшинство. А среди вторых, третьих и четвертых полковых воевод они и вовсе встречаются в виде исключения. Как правило, назначение на воеводство в полках и крепостях зависело от влияния родственников при Опричном дворе Ивана IV, а также от доверия самого царя и монаршего благорасположения, никак не связанного с наличием у претендента тактического дарования или долгих лет службы на соответствующих должностях. Такова история карьеры Григория Лукьяновича Скуратова-Бельского по прозвищу Малюта.

Необходимо подчеркнуть исключительно важную роль зимнего похода на Полоцк 1562–1563 годов. Именно он сыграл роль «кузницы кадров» для военной организации опричнины.

Конечно, можно предположить, что гигантский «военный смотр» вооруженных сил России, произведенный за два года до введения опричнины, должен был собрать будущих опричных воевод хотя бы по той причине, что вообще собрал очень значительное количество «служилых людей по отечеству». Ведь это было одно из самых масштабных военных предприятий Московского государства в XVI веке! Но, очевидно, дело не только в том, что опричные полководцы статистически «поглощаются» многолюдством начальных людей, назначенных для похода к Полоцку. Если бы дело обстояло так, то среди всех чинов опричного военного командования был бы примерно равный процент участников названного похода. Между тем этот процент заметно падает, если идти от высшего «яруса» (главнокомандующих самостоятельными полевыми

соединениями) к нижнему (вторые, третьи и четвертые воеводы в полках и отдельных отрядах опричников). 75 % командующих опричными полевыми соединениями участвовали в «полоцком взятии»; из числа первых воевод в опричных полках и небольших самостоятельных отрядах – 63 %, то есть уже меньше; а из числа вторых, третьих и четвертых воевод в опричных полках – всего лишь 33 %. Таким образом, участие в Полоцком походе было фактором, который значительно усиливал возможность попадания на одну из ключевых должностей в командовании опричного боевого корпуса.

Опричный командный состав делится на две неравные группы. В одну из них входят военачальники, привлеченные на опричную службу ненадолго, исполнявшие «разовые поручения». Порой это были персоны случайные для опричной организации, порой – фигуры, отряженные в опричнину в поздний период ее существования (1570–1572), когда воеводский корпус проходил переформирование и новым полководцам оставалось провести в составе «черного воинства» весьма краткий срок. Эта группа весьма многочисленна. Что же касается второй, меньшей по численности группы, то она представляла собой костяк опричных командных кадров – полководцев, служивших в опричнине на протяжении длительного периода и получавших воеводские назначение многократно (как минимум четыре раза).

Можно считать твердо установленным назначение в опричнине на воеводские должности 47 представителей русской служилой аристократии и дворянства, а также 4 представителей выезжей иноэтничной аристократии (трое князей Черкасских и П.Т. Шейдяков)[346].

В костяк же опричного военного командования вошло всего лишь 12 воевод, то есть около 10 % от общего числа полководцев, служивших в опричнине. Все они достигли на опричной службе либо уровня командующих полевыми соединениями и небольшими самостоятельными отрядами, либо первых воевод в полках. Из «выезжих» в их числе – один лишь князь М.Т. Черкасский. Из титулованной аристократии – еще 6 персон: князья А.И. Вяземский, И.П. Охлябинин, А.П. Телятевский, В.И. Телятевский, Ф.М. Трубецкой и Д.И. Хворостинин. Только один из них, а именно князь Ф.М. Трубецкой, пришел в опричное военное командование после «кадровой перестановки» 1570 года, и только его можно отнести к числу аристократов высшего уровня знатности. Остальные – из второстепенных княжеских семейств, на порядок уступавших Трубецким в «отечестве». Лишь трое – В.И. Колычев-Умной, З.И. Плещеев-Очин и И.Д. Плещеев Колодка – вышли из среды старомосковского боярства.

Цифра поразительная! Разгром Плещеевых по подозрению в измене по «новгородскому делу» вывел из опричной военной системы единственную значительную группу старомосковского боярства, влиявшую на занятие крупных воеводских должностей. Изо всех отпрысков прочих боярских родов, вошедших в опричное руководство, один лишь Колычев-Умной оказался по-настоящему даровитым военачальником, притом обладавшим доверием Ивана IV. Как видно, те семейства нетитулованной аристократии, которые участвовали в рождении опричной организации, оказались неспособными дать ей достаточное количество опытных военачальников. Их честолюбивое стремление занимать высокие посты в армии не опиралось на сильный «кадровый ресурс».

Наконец, еще двое относятся к числу худородных дворян – И.Б. Блудов и М.А. Безнин. Оба – люди выдающихся способностей, причем у Безнина эту оценку можно распространить, помимо военной сферы, также на литературную и дипломатическую. Однако в целом очень хорошо видно, что значительной роли худородные полководцы в опричной военной иерархии не сыграли.

Можно сделать парадоксальный вывод: даже учитывая ситуацию «реванша», временно взятого старомосковским боярством над титулованной знатью на высших уровнях опричного военного руководства, наиболее ценными военными специалистами считались все-таки не его представители, а служилая княжеская аристократия «второго ранга». Боевой костяк, обеспечивавший стабильность и надежность опричной военной системы, в наибольшей степени формировался на основе именно этой социальной группы.

Явно ослабляло воеводский костяк опричнины неоднократное назначение на высокие командные посты людей, не имеющих должного опыта. Среди них прежде всего И.Д. Плещеев Колодка и князь М.Т. Черкасский, пришедшие в опричнину с нулевым опытом тактической командной работы. Небогатая «практика» имелась у М.А. Безнина, а также князя В.И. Телятевского. В случае с Плещеевым и Телятевским очевидна родственная протекция, что же касается Безнина, то он после Полоцка, очевидно, стал одним из любимцев царя, а князь М.Т. Черкасский был близким родственником Ивана IV. Таким образом, даже на состав боевого ядра опричных воевод влияли протекция, родственные связи, фаворитизм. Впрочем, Безнин и Плещеев удержались в составе этого самого ядра, поскольку сумели проявить способности к командной работе.

Участие в Полоцком зимнем походе 1562–1563 годов явилось

одним из определяющих факторов и при формировании костяка опричного командования. Из двенадцати перечисленных полководцев, вошедших в его состав, только двое (!) не были при «Полоцком взятии»: В.И. Колычев-Умной и И.Д. Плещеев Колодка. В качестве есаулов и голов под Полоцком присутствовали князь А.И. Вяземский, князь И.П. Охлябинин, князь В.И. Телятевский, князь Ф.М. Трубецкой, князь Д.И. Хворостинин, М.А. Безнин, рындой вышел в поход князь М.Т. Черкасский, ертаул возглавлял князь А.П. Телятевский, И.Б. Блудов отряжен был «за государем ездити», а З.И. Плещеев-Очин – охранять С. Довойну, возглавлявшего полоцкий гарнизон и захваченного русскими ратниками в плен. Очевидно, царское доверие к командным способностям этих людей могло быть завоевано ими (хотя бы некоторыми из них) как раз во время большого Полоцкого похода.

Что же касается всех остальных (80 %!), то их назначали опричными воеводами один, два, реже – три раза. Их легко сменяли. Очевидно, не на них надеялись, когда наступала критическая ситуация.

Можно сделать предположение, которое задает вектор дальнейших исследований в этой области: вероятно, многие аристократические рода и просто дворянские семейства стремились попасть на воеводскую службу в опричном боевом корпусе, поскольку для них это был единственный шанс доставить роду славу «именного назначения» столь высокого уровня. Иначе говоря, они не собирались возвыситься в армейской иерархии постоянной успешной службой, им требовалось лишь «отметиться» для вящей личной славы и повышения служебного уровня всего рода. Так было, очевидно, с воеводскими назначениями М.Б. Блудова, Г.Л. Скуратова-Бельского и И.И. Бухарина-Наумова.

Впрочем, данная гипотеза нуждается в серьезной разработке.

Существование самостоятельной опричной военной машины не принесло Московскому государству триумфальных военных успехов. Отдельно от земских ратей опричники только один раз одержали крупную победу: в мае 1570 года князь Д.И. Хворостинин и Ф. Львов разбили крымцев под Зарайском. Помимо этого опричный военный корпус взял на себя часть ответственной и крайне обременительной «береговой» службы по защите южных рубежей России. Опричные воеводы делят с земскими честь ряда крупных военных успехов и позор больших поражений. В активе у них – участие в отбивании Изборска (1569) и удачных военных действиях против крымцев под Болховом

(1565). С другой стороны, на них лежит львиная доля вины за поражение под Ревелем в 1570 году. Да и в решающий момент оборонительной операции против крымского хана Девлет-Гирея весной 1571 года опричные полки действовали неудачно[347]. Что же касается участия опричников в разгроме крымской армии у Молодей в 1572 году, то лишь отдельные военачальники, приписанные к опричнине, в частности тот же князь Д.И. Хворостинин, немало потрудились для этой победы, а вот об участии каких-то опричных отрядов или полков, обособленных от земской армии, говорить не приходится. Опричный боевой корпус к тому времени уже подвергся расформированию.

Таким образом, список реальных военных достижений опричной военной организации весьма скромен. Военная сторона опричной реформы, изначально чуть ли не главнейшая, в итоге оказалась проваленной.

Приложение II
Список и хронология боевых выходов опричных отрядов с 1565 по 1571 год [348]

1565 год

В октябре 1565 года к Болхову для отражения крымцев были отправлены два самостоятельных опричных отряда: из Москвы – под командой князя А.П. Телятевского, а также из Белёва – под командой князя Д.И. Вяземского. Оборонительная операция против крымцев закончилась успешно, в основном она совершалась силами земщины.

1566 год

Действия опричного корпуса по отражению внешнего неприятеля в разрядах не отмечены: вероятно, опричные отряды использовали для охранной службы на случай возможных антиопричных выступлений.

1567 год

В сентябре 1567 года в Новгородскую землю с целью последующего наступления на литовского-ливонском фронте выступили основные силы русской армии. В походе участвовал Опричный двор во главе с князем М.Т. Черкасским. Поход был прерван, войска с полдороги возвращены назад.

Также в сентябре 1567 года под Калугой была развернута опричная армия на три полка во главе с князем А.П. Телятевским.

1568 год

Весной 1568 года под Вязьмой сосредоточилась опричная армия из трех полков. Она стояла там на протяжении нескольких месяцев. Состав и численность опричного контингента в этом районе менялись. Первым командовал названной опричной группировкой князь М.Т. Черкасский, затем князь А.П. Телятевский и З.И. Плещеев-Очин.

Также весной 1568 года отряды опричников расположились на позициях в Одоеве (командовал А.И. Плещеев-Очин) и Мценске (командовал К.Д. Поливанов). Позднее (видимо, поздней весной-летом 1568 года, точнее определить не представляется возможным) во Мценске сосредоточилась трехполковая армия опричников во главе с А.И. Плещеевым-Очиным.

Также весной 1568 года опричная армия в составе трех полков выдвинулась к Калуге. Командовал ею И.Д. Плещеев Колодка. Армия стояла там на протяжении нескольких месяцев, возможно, и летом 1568 года.

В конце весны – летом 1568 года отряд опричников появился во Ржеве. Командовал им В.И. Колычев-Умной. Позднее, видимо зимой 1568/69 года, то ли названная группировка была усилена и у нее сменили командование, то ли отряд был снят с позиций, а на его место пришел более крупный отряд, во главе которого числился И.Д. Плещеев Колодка.

Также зимой 1568/69 года «по вестям» отряды опричников были направлены в Дорогобуж (командовал князь А.И. Вяземский-Глухой) и Великие Луки (командовал князь Д.И. Хворостинин).

1569 год

В январе 1569 года литовцы захватили Изборск. Отбивать его был отправлен земский корпус с мощной артиллерией, а также большой опричный отряд во главе с З.И. Плещеевым-Очиным. Русские войска взяли город.

Поздней весной – летом 1569 года у Калуги была сосредоточена пятиполковая опричная армия во главе с Ф.А. Плещеевым-Басмановым. Позднее, видимо в августе 1569 года, ее передвинули к Туле. Во время перехода командующим оставался Ф.А. Плещеев-Басманов, позднее его сменил князь В.И. Телятевский (по другим, менее достоверным сведениям, князь И.П. Зубан Телятевский).

Тогда же, в конце весны – летом 1569 года, в районе Великих Лук стоял опричный отряд во главе с И.И. Плещеевым-Очиным.

1570 год

В 7078 году (судя по расположению разрядных записей, скорее всего, весной – летом 1570 года, точнее определить невозможно) под Калугой сосредоточилась пятиполковая

опричная армия во главе с князем Ф.М. Трубецким.

«В прибавку по вестям» на Хотунь отправился опричный отряд. Командовал им князь В.И. Барбашин.

В качестве авангардной группы для подготовки к походу самого Ивана IV из Москвы на юг был послан еще один отряд во главе с князем В.И. Темкиным-Ростовским.

В мае 1570 года «у Онтонья Великого» поставлен опричный отряд И.Д. Плещеева Колодки, а в Калуге – другой отряд, князя Ф.М. Трубецкого. По разрядным записям трудно понять, предшествовал этот выход князя Ф.М. Трубецкого к Калуге сосредоточению там крупных сил опричного боевого корпуса или последовал за ним. 21 мая 1570 года опричный отряд князя Д.И. Хворостинина разбил крымцев «у Николы Зарайского».

Видимо, летом 1570 года опричный отряд во главе с князем Д.И. Хворостининым был «на Рязани».

Трудно определить точную дату, видимо летом 1570 года, на Колыванской дороге у Толшебора строился город (укрепление). Помимо земских сил, оборонявших строительство, там стоял опричный отряд под командованием В.И. Колычева-Умного, а строительством руководила опричная команда во главе с Р.В. Алферьевым.

В июне 1570 года осаждать Колывань отправился корпус Магнуса Ливонского, отряды земского воеводы И.П. Яковлева и опричного В.И. Колычева-Умного. Под Колыванью русские войска потерпели поражение.

В сентябре 1570 года Иван IV выходит с земской армией и Опричным двором против крымцев, доходит до Серпухова и стоит там несколько дней. Дворовые воеводы не указаны, старшим среди сопровождающих царя назван князь М.Т. Черкасский.

Тогда же, в сентябре 1570 года, опричный отряд во главе с князем Ф.М. Трубецким стоит в Калуге, в то время как «на Сенькином мыту» занял позиции опричный отряд под командованием князя С.Д. Пронского, а под Тарусой сосредотачивается опричная армия пятиполкового состава во главе с князем М.Т. Черкасским, отправленным из Серпухова.

1571 год

В мае 1571 года для отражения крымцев Девлет-Гирея вышли земская армия, Опричный двор во главе с князем Ф.М. Трубецким, а также два полка из состава опричного корпуса. Во главе передового полка стояли князь М.Т. Черкасский и князь В.И. Темкин; во главе сторожевого полка стояли князь П.Т. Шейдяков

и князь В.П. Яковлев. Боевой выход закончился поражением, сожжением Москвы и уничтожением Опричного дворца в Занеглименье.

notes

Примечания

1

«Сын боярский» XVI–XVII веков – это не сын боярина, это всего-навсего общее обозначение одного из низших слоев дворянства.

2

Володихин Д.М. Иван Грозный: Бич Божий. М., 2006. С. 136–143.

3

Эта концепция ближе всего к взглядам Виппера. С тем исключением, что Роберт Юрьевич относился к личности государя и воздвижению опричнины на порядок позитивнее, нежели автор этих строк.

4

В первую очередь управления вооруженными силами России.

Впрочем, не только из них, но также из старомосковских боярских родов и выезжей восточной знати. Об этом подробнее будет говориться в главе об А.Д. Басманове-Плещееве.

6

Участники Боярской думы – аристократического совета при особе государя, где обсуждались все важнейшие дела правления.

Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 311.

8

Опалы и казни обрушились в 1564 году и на других служилых аристократов, но эти три фигуры наиболее заметны, к тому же они претерпели страшную неожиданную смерть.

9

Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 174.

10

Первое послание Ивана Грозного Курбскому // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 45.

11

Тогда умерла его мать, Елена Глинская. А Василий III скончался еще в 1533 году.

12

Первое послание Курбского Ивану Грозному // Памятники литературы Древней Руси. С. 17.

13

Там же. С. 25, 27.

14

Подробнее см. в главе, посвященной А.Д. Басманову-Плещееву.

15

В летописи сказано, что Иван Васильевич забрал с собой «святость». Видимо, имеются в виду частицы мощей и риз святых из московских церквей.

16

Государь велел служилым людям забрать с собой и их семьи!

17

Приятно осознавать, что митрополит Афанасий сохранил лицо, не пожелав лично участвовать в этом балагане.

18

Продолжение Александро-Невской летописи // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 29. М., 1965. С. 341–344; *Таубе И., Крузе Э.* Послание гетману земли Лифляндской Яну Ходкевичу // Иоанн Грозный. Антология. М., 2004. С. 391–393. Отчасти подтверждается и другими источниками. Впрочем, Шлихтинг сообщает, что перед отъездом из Москвы Иван IV не поднимал в беседах с церковными иерархами и аристократией вопроса о ненависти и измене, но, напротив, высказал желание удалиться от власти из-за пресыщения ею и ради монашеской жизни.

19

Животы и статки – имущество.

20

Бояре, окольничие, стольники, жильцы, стряпчие – служебные и думные чины.

21

Продолжение Александро-Невской летописи // ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 344–345.

22

Там же. С. 345.

23

Подробнее см. в главе, посвященной кн. В.И. Темкину-Ростовскому.

Забелин И.Е. Опричный дворец царя Ивана Васильевича // История города Москвы. Неизданные труды. М., 2004. С. 345–354. В Костровском летописце, опубликованном М.Н. Тихомировым, сообщается также, что Опричный дворец строился на месте двора кн. М.Т. Черкасского (*Тихомиров М.Н.* Малоизвестные летописные памятники XVI в. // Исторические записки. М., 1940. Т. 10. С. 89).

25

Квадратное в плане.

26

Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002. С. 66–69.

27

Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 89; *Корецкий В.И.* К истории неофициального летописания времени опричнины // История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. М., 1986. С. 14–21.

28

Продолжение Александро-Невской летописи // ПСРЛ. Т. 29. С. 344.

Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 142–160.

Анхимюк Ю.В. Записки летописного характера в рукописном сборнике Кирилло-Белозерского собрания – новый источник по истории опричнины // Архив русской истории. М., 1992. Вып. 2. С. 128.

31

Реквизиции земель, а также выселение старых помещиков и вотчинников происходили в опричных областях не сплошным «ковром», а частично, чересполосно.

32

Так называли в Московском государстве воротников, затинщиков, стрельцов, служилых казаков, иных воинских людей, стоявших ступенькою ниже дворян – «служилых людей по отечеству».

33

Горсей Дж. Записки о России. XVI – начало XVII в. / Пер. и сост. А.А. Севастьяновой. М., 1990. С. 70.

Флетчер Дж. О государстве русском // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов) / Отв. ред. Н.М. Рогожин. М., 1991. С. 48. Курсив мой. – *Д. В.*

35

Штаден Г. Записки немца-опричника. С. 44.

36

В миру – Федор Степанович Колычев, отпрыск старинного боярского рода.

37

Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1. № 193. М., 1813. Ч. 1. № 193.

Временник Ивана Тимофеева. СПб., 2004. С. 12.

Впрочем, возможно, не все. И с этой точки зрения не столь уж странно выглядит сдача Изборска в 1569 году.

40

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским государством // Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1892. Т. III. С. 519.

В отношении князей Мстиславского, Бельского и Воротынского подобного рода подозрения, скорее всего, беспочвенны: эти люди всю жизнь честно дрались за Россию, а Бельский и голову за нее сложил. Но у Федорова основания пойти на сотрудничество с поляками были. Его держали голым в заточении в связи с расследованием событий 1546 года, и он во всем тогда винился… Потом И.П. Федорову пришлось отправиться в ссылку. Трудно забыть такие унижения.

Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 48.

43

Иностранные источники сообщают также, что заговорщиков выдали, помимо кн. Владимира Андреевича, также главные столпы земщины – кн. И.Ф. Мстиславский и И.Д. Бельский. Но Б.Н. Флоря, тщательно изучив, где и когда находились эти лица, отверг основательность данного сообщения (*Флоря Б.Н.* Иван Грозный. М., 2003. С. 217–218).

44

А силы, собранные поляками, были очень значительны, и с их действиями на русском фронте связывались большие надежды. См.: *Piwarski K.* Niedoszla wyprawa t. zw. Radoszkowicka za Zygmunta Augusta na Moskwe (rok 1567—68) // Ateneum Wilenskie, rok IV, zeszyt 13, 1927.

45

Впервые террористические акции подобного масштаба производились именно в связи с «делом Федорова» в 1568 году. Курсив мой. – *Д. В.*

Флетчер Дж. Указ. соч. С. 48–49.

47

Синодик взят по изданию: *Скрынников Р.Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 530–531.

Володихин Д.М. Митрополит Филипп. М., 2009. С. 162–218.

Подробнее см. в главе, посвященной Малюте Скуратову.

Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода. М., 1994. С. 95.

Виппер Р.Ю. Иван Грозный. М., 1998. С. 168.

Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 35.

Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода. М., 1994. С. 77–78.

Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 236.

А заодно, как подчеркивают некоторые историки, «реквизициями» и открытым грабежом добыть средства для продолжения войны, пополнить казну. Впрочем, состояние страны в 1570 году было еще не таким уж тяжелым, чтобы для продолжения военных действий требовались столь радикальные средства. Кроме того, царь мог просто взять всё, чего бы ни пожелал. Безо всяких военизированных экспедиций… Ограбление северных русских областей – следствие бесчинств, естественная добавка к ним, но не изначальная цель похода.

Страна и правление московитов // *Штаден Г.* Указ. соч. С. 45. Курсив мой. – *Д. В.*

См. приложение II.

Корецкий В.И. К истории неофициального летописания времени опричнины // *Корецкий В.И.* История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. М., 1986. С. 14–33. Это мнение В.И. Корецкого, основанное главным образом на кратких летописных заметках, подверглось впоследствии критике, однако полностью опровергнуто не было. См., например: *Солодкин Я.Г.* История позднего русского летописания. М., 1997. С. 23–24.

59

Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. М., 1978. Т. 34. С. 190. Курсив мой. – *Д. В.* Это известие в разное время датировали то 1566 годом, то 1568-м (первый вариант более распространен). Слова о «ненависти» относятся к периоду до начала массового террора.

Основные обвинения – измена и служебные злоупотребления.

61

Переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 89. К р о м е ш н и к – опричник.

То есть не укрепленный стенами.

63

Между тем английский торговый агент Джером Горсей сообщает, что вместе с царем из-под Москвы ушел и огромный стрелецкий корпус… Почему? Нет ответа. См.: *Горсей Дж.* Записки о России. XVI – начало XVII в. / Пер. и сост. А.А. Севастьяновой. М., 1990. С. 56.

Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 237.

Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 2002. С. 285.

Неясно, что послужило главной причиной отступления Девлет-Гирея. То ли потери его были достаточно велики, то ли прошел слух о приближении царской армии, то ли, скорее, сам грандиозный пожар вызвал у крымцев суеверный ужас.

В.А. Рогов убедительно доказал этот тезис в монографии «История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв.» (М., 1995).

Таубе И., Крузе Э. Послание гетману земли Лифляндской Яну Ходкевичу // Иоанн Грозный. Антология. М., 2004. С. 396.

69

Таубе и Крузе сначала добились от царя больших почестей, затем, как говорили в советское время, «не оправдали доверия» и, опасаясь за свою участь, подняли мятеж, окончившийся неудачей. Им оставалось перебежать к полякам. Там дуэту пришлось «отрабатывать» художества (в том числе авантюрный проект подчинения царю всей Ливонии), совершенные на территории России. Внимательный источниковедческий анализ обнаруживает в «Послании…» фактические нестыковки и очевидную тенденциозность.

Таубе И., Крузе Э. Указ. соч. С. 396–398.

71

Р.Г. Скрынников сделал остроумное и, по всей видимости, справедливое наблюдение о времени начала опричного ордена: «Пока [митрополит] Филипп сохранял пост главы Церкви, он не потерпел бы, чтобы опричные палачи разыгрывали кощунственный спектакль. Когда Филипп покинул митрополию, руки у Грозного оказались развязанными» (*Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. С. 301). А св. Филипп митрополит Московский был свергнут с кафедры осенью 1568 года.

Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 306. Подробнее см. в главе, посвященной кн. А. Вяземскому.

Со значительными перерывами.

Деятельность последнего освещается в широко распространенных церковно-исторических сочинениях, с которыми Иван IV, один из образованнейших людей России, непременно был знаком.

«Опричнина стала в руках царя орудием, которым он просеивал всю русскую жизнь, весь ее порядок и уклад, отделял добрые семена русской православной соборности и державности от плевел еретических мудрствований, чужебесия в нравах и забвения своего религиозного долга… Даже внешний вид Александровской слободы, ставшей как бы сердцем суровой брани за душу России, свидетельствовал о напряженности и полноте религиозного чувства ее обитателей. В ней все было устроено по типу иноческой обители – палаты, кельи, великолепная крестовая церковь (каждый ее кирпич был запечатлен знамением Честнаго и Животворящего Креста Господня). Ревностно и неукоснительно исполнял царь со своими опричниками весь строгий устав церковный. Проворный народный ум изобрел и достойный символ ревностного служения опричников…» (имеются в виду метлы и собачьи головы) (из книги владыки Иоанна «Самодержавие духа»).

Михайлович Д.М. Высшие законы в истории Московского государства. М., 1996. С. 5—10. Любопытно, что колдуном Бомелия считали как англичане (он был вывезен русскими дипломатами из Лондона, где сидел в тюрьме), так и русские. В частности, Псковская летопись отмечает, что «лютый волхв» Бомелий «отвел царя от веры». Джером Горсей именует его «лживым колдуном», «искусным математиком и магом» (*Горсей Дж.* Записки о России. XVI – начало XVII в. М., 1990. С. 63). Вообще, судя по английским источникам, Бомелий был «придворным физиком» Елизаветы I, патентованным оккультистом и выдающимся астрологом. По всей видимости, был знаком с Джоном Ди.

Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России. Л., 1988. С. 231–232.

Джильс Флетчер побывал в России по прошествии полутора десятилетий после отмены опричных порядков, при царе Федоре Ивановиче. Но он, во-первых, мог составить себе представление об опричнине по материалам архива Московской компании (см.: *Володихин Д.М.* Источники трактата Джильса Флетчера «О государстве русском» // Россия и Запад: диалог культур. М., 1994. С. 31–36); и, во-вторых, просто почувствовал ее дыхание. Флетчер был уверен, что опричнине пришел конец, правда, он не пишет, когда именно. Из сообщения английского дипломата можно сделать вывод, что он говорит о 1572 годе, но в равной степени его слова могут относиться и к окончанию царствования Ивана IV: «Столь низкая политика и варварские поступки, *хотя и прекратившиеся теперь*, так потрясли все государство и до того возбудили всеобщий ропот и непримиримую ненависть, что, по-видимому, это должно окончиться не иначе как всеобщим восстанием» (*Флетчер Дж*. Указ. соч. С. 49). Курсив мой. – *Д. В.*

У Генриха Штадена есть прямое и однозначное сообщение об этом, однако Д.Н. Альшиц считает сочинения Штадена источником, не заслуживающим ни малейшего доверия. Однако в аргументах Альшица по поводу неосновательности сообщений Штадена больше полемического задора, чем здравого смысла.

Время существования опричного корпуса четко отслеживается по разрядным книгам. С 1572 года там опричные воеводы не упоминаются. Альшиц пишет: опричные пропали, но остались воеводы из состава «особого» двора Ивана IV. Так что, скорее, двор, то есть опричнина нового издания, поглотил земщину, чем наоборот. Но это мнение не представляется доказанным. Во второй половине 1560-х годов разряды сообщают о походах целых опричных армий, целиком (считая командиров) укомплектованных опричниками. Около 500 человек непосредственно охраняли государя, и, по разным счетам, в 8—12 раз большее количество бойцов входило в опричное ополчение. После 1572 года о таких армейских соединениях сообщений нет. Особый двор, по подсчетам самого Альшица, не собирал и тысячи семисот человек (см.: *Альшиц Д.Н.* Начало самодержавия в России. М., 1988. С. 201). Дворовые люди получали назначения в общеармейских формированиях и могли служить эмиссарами государя в действующей армии, то есть «офицерами для особых поручений». Сам «особый» двор мог составить особый полк в составе большой армии, отправленной в поход. Но дворовых соединений, сопоставимых с теми, которые действовали во второй половине 1560-х годов самостоятельно, в разрядах не обнаруживается.

П.А. Садиков первым ясно высказался на этот счет: «В течение своего многолетнего существования, и в первый период (1565–1572 гг.) под именем собственно „опричнины“, и во второй – в виде „двора“ (1572–1584 гг.) „опричнина-двор“ в своем внутреннем строе пережила ряд модификаций» (*Садиков П.А.* Указ. соч. С. 44).

Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980 год. М., 1981. С. 239.

83

Незадолго до начала правления Симеона Бекбулатовича заговорщики были схвачены и казнены.

Дворян, входивших в «особый» двор, тщательно «перебрали», как и в первый год опричнины, определяя, насколько они достойны царского доверия.

85

Боярин князь Федор Михайлович Трубецкой и Афанасий Федорович Нагой (из знатного рода тверских бояр). Оба относятся к числу аристократов.

Послания Ивана Грозного. СПб., 2005. С. 342, 390.

Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 190.

Женой А.М. Плещеева – дяди А.Д. Басманова-Плещеева – была дочь Якова Казака, брата родоначальника Захарьиных. Так что эти два старинных боярских рода могли в важных политических вопросах выступать единым фронтом.

Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 195–201.

90

Разрядный приказ – нечто среднее между современным Генеральным штабом и Министерством обороны.

Иными словами, первыми воеводами большого полка в армии трех-, пяти- или семиполкового состава.

В.А. Шереметев.

93

Отец Алексея Даниловича попал к литовцам в плен под Оршей (1514) и скончался на чужой стороне. Обстоятельства рождения А.Д. Басманова-Плещеева вызывали у современников непристойные ассоциации. Очевидно, именно на него намекал князь Андрей Курбский, когда писал о всем известном советнике царя Ивана Грозного, рожденном от прелюбодеяния.

94

Туры – осадные сооружения.

Ивана IV.

Летописец начала царства // ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 103–104.

97

К хану крымскому.

То есть отправлена для ведения боевых действий против татарского лагеря, а не против основных сил неприятеля.

99

Коши – обозы.

100

Сурна – духовой музыкальный инструмент восточного происхождения, с помощью которого в русской армии XVI столетия подавали сигналы.

101

«Сечься» – драться с врагом холодным оружием – топорами, саблями и т. п.

102

В данном случае имеется в виду татарский «царь», то есть крымский хан.

103

А здесь речь идет уже об Иване IV.

Фоскарино М. Донесение о Московии. Рязань, 2009. С. 48.

105

Ругодив – русское имя Нарвы.

106

Простил.

107

Колывань – русское имя Таллина.

108

Нарвские жители.

109

То есть к орденским властям.

Курбский считал, что подмога, полученная Нарвой, по численности достигала 4000, но он писал много лет спустя, и данные его затруднительно считать достоверными.

111

Существует несколько версий относительно причин пожара. Русские источники сообщают о глумлении над иконами, вызвавшем кару небесную. Ход событий обрисован в них по-разному, но основной мотив – издевательство над ликами Николы Чудотворца и Пречистой Богородицы – выглядит правдоподобно: в землях ордена тогда было немало сторонников самого радикального протестантизма, в том числе и его иконоборческих учений.

112

Нарвский замок – отлично укрепленная цитадель города.

113

Иначе говоря, развернули захваченные немецкие пушки и открыли из них огонь по нарвскому замку.

То есть с имуществом.

115

Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 29. С. 264.

116

Курбский А. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 284–285.

Правда, не известно, сколько при них было боевых холопов. Возможно, их количество значительно превышало число самих «детей боярских» (то есть дворян, «служилых людей по отечеству»).

Назывались разные цифры – 40 тысяч боевых холопов, 60 тысяч… Но все они никак не подкреплены показаниями источников и являются плодом логических спекуляций.

119

Очевидно, Иван IV был по какой-то причине недоволен Шереметевым.

120

Продолжение Александро-Невской летописи // ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 339.

121

Псковская 3-я летопись // ПСРЛ. М., 2000. Т. 5. Вып. 2. С. 246.

Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 22.

Вместе с ним отбором занимались князь А. Вяземский и П. Зайцев из старинного рода московской служилой знати.

«Именной службой» тогда называли достаточно высокое служебное назначение, чтобы имя назначенного попало в разрядную книгу.

125

Сапунов А.П. Разряд полоцкого похода 1562/1563 г. // Витебская старина. Витебск, 1885. Вып. IV. С. 39; *Милюков П.Н.* Древнейшая разрядная книга. М., 1901. С. 236.

Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 316.

127

Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 52; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. II. С. 229.

128

Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 59; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 249.

Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 227.

Штаден Г. Указ. соч. С. 111.

Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 226.

Штаден Г. Указ. соч. С. 55.

133

Там же. С. 111–112.

Курбский А. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI века. С. 352.

Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 227. Обращает на себя внимание колоссальный размер вклада.

136

Документ, в котором были записаны служильцы государева двора с чинами.

137

ТКДТ. С. 138.

138

Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 55.

139

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 231–233.

Там же. С. 242.

141

Там же. С. 250–251, 256.

Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 225.

Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 235.

144

Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 81. А.П. Павлов заметил, что в начале 1570-х годов многие его вотчины пошли в раздачу «дворяном и детем боярским» (*Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 194).

145

Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 100, 113, 132, 187, 209.

Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 194, 203.

147

Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 198–199.

Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга. М., 1901. С. 134.

149

Там же. С. 141, 159–160.

Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 236.

Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 227.

Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 241.

153

Там же. С. 242–243.

Милюков П.Н. Указ. соч. С. 192.

155

Там же. С. 214.

Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 281–282; *Милюков П.Н.* Указ. соч. С. 176, 179.

157

Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 124, 143.

158

Продолжение Александро-Невской летописи // ПСРЛ. Т. 29. С. 329. К весне 1566 года З.И. Плещеев-Очин уже вернулся из плена.

159

Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 190.

Антонов А.В. Поручные записи 1527–1571 годов // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. № 14.

161

К 1567 году относится первое твердое упоминание его в качестве опричника – в названном осеннем походе. В.Б. Кобрин считал, что Захарий Иванович стал опричником в 1566 году (по поручной записи – *Кобрин В.Б.* Состав опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 61), но в этом документе не сказано, что он опричник, а считать взятие поручной записи признаком обязательного последующего перехода в опричнину – довольно сомнительно.

162

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 225, 229, 233.

163

Там же. С. 240–241.

164

Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 59–60.

Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 543.

Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 285.

167

Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 51.

Там же. С. 54–55; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 237.

169

Кобрин В.Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 62.

Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 228.

Там же. С. 227, 429; *Кобрин В.Б.* Состав опричного двора… С. 61.

172

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 252.

Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 536.

Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 58.

Милюков П.Н. Указ. соч. С. 4.

176

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. I. С. 16.

Милюков П.Н. Указ. соч. С. 230, 232.

Там же. С. 245, 246, 253.

179

Продолжение Александро-Невской летописи // ПСРЛ. Т. 29. С. 329–330.

Антонов А.В. Поручные записи 1527–1571 гг. // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 55–56; *Кобрин В.Б.* Состав опричного двора… С. 63.

181

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 327; Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 115, 129.

182

Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 262, 296.

183

Существует свидетельство, согласно которому Филипп положил митрополичий посох и мирно оставил сан, однако, по воле царя, его уговорили облачиться в митрополичьи одежды вновь и отправили на последнее богослужение, собираясь публично унизить. Но достоверность этого свидетельства вызывает серьезные сомнения.

184

Достоверность этой истории находится под вопросом, но и недостоверность ее не доказана.

185

Подробнее о князе И.Ф. Мстиславском см.: *Володихин Д.М.* Воеводы Ивана Грозного. М., 2009. С. 70—122.

186

В специальной исторической литературе, посвященной опричнине, этот поход иногда именуют «новгородским», однако подобное название не вполне корректно. Опричные отряды вели бои, а также карательные операции на широкой территории, охватившей города и области далеко за пределами Новгородчины: Тверь, Псков, в какой-то степени – Торжок и, возможно, Клин, хотя последнее дискуссионно.

Штаден Г. Указ. соч. С. 108 (курсив мой. – *Д. В.*).

Эскин Ю.М. Очерки истории местничества в России XVIXVII веков. М., 2009. С. 117.

Зимин А.А. Формирование боярской аристократии… С. 125, 127; *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 234–235; *Павлов А.П.* Указ. соч. С. 161–162; *Милюков П.Н.* Древнейшая разрядная книга. М., 1901. С. 97, 102, 106, 120.

190

ТКДТ. С. 117.

Баранов К.В. Указ. соч. С. 131.

192

Продолжение Александро-Невской летописи // ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 339.

193

Поражение на Улле в 1564 году нанесло тяжелый урон русской армии.

194

Володихин Д.М. Происхождение калужской разрядной записи 7073 (1564/1565) г. // Вестник МГУ. Серия 8. История. М., 2009. № 2. С. 77–78.

195

Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 53–54; *Кобрин В.Б.* Указ. соч. С. 78.

196

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 236.

Там же. С. 238.

198

Зимин А.А. Состав Боярской думы в XV–XVI веках // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 74. Впрочем, эта дата вызывает сомнения. По мнению других историков, боярский чин мог быть пожалован кн. Ф.М. Трубецкому и несколькими годами позднее, в опричнине.

199

С.О. Шмидт обратил внимание на то, что местнические дела, вершенные в годы опричнины, после ее ликвидации оспаривались как своего рода исключение из сложившейся системы (*Шмидт С.О.* У истоков российского абсолютизма. М., 1996. С. 362). По всей видимости, возвышение кн. Ф.М.Трубецкого было одним из шагов, возвращавших систему местничества к прежнему состоянию, потревоженному в первые годы опричнины.

200

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 256, 261, 292; Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 69, 74, 81.

201

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 286.

202

Князю В.И. Темкину-Ростовскому в этой книге посвящена особая глава.

О них подробнее см. в главе, посвященной князю В.И. Темкину-Ростовскому.

Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 89, 142.

Там же. С. 202, 217, 256, 288.

Там же. С. 296, 314.

207

Боярские списки 1577–1607 гг. // *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 203, 304; Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 234, 235, 330.

Павлов А.П. Указ. соч. С. 40–41, 56, 62, 80; *Кобрин В.Б.* Указ. соч. С. 78–79.

Флетчер Дж. О государстве русском. СПб., 1906. С. 82.

Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 433–435.

211

В старшинстве многочисленных ветвей Ростовского княжеского дома отрасль Темкиных занимает среднее положение.

212

Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. II. С. 284; *Милюков П.Н.* Указ. соч. С. 117, 120.

213

Там же. С. 8.

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. I. С. 48.

215

Продолжение Александро-Невской летописи // ПСРЛ. Т. 29. С. 355.

Кобрин В.Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 77.

Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 228.

Если, как уже говорилось, не был на ней еще до пленения, но ни один источник ничего об этом не сообщает.

219

Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 63.

Там же. С. 74.

221

Там же.

222

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 281.

223

Точное местонахождение Опричного двора (или, иначе, Опричного дворца) определено еще дореволюционным историком И.Е. Забелиным (*Забелин И.Е.* Опричный дворец царя Ивана Васильевича // История города Москвы. Неизданные труды. М., 2004. С. 345–354).

Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 544.

Курбский А. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 332–333.

Штаден Г. Указ. соч. С. 55.

227

Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1892. Т. 71. С. 665–666.

Кобрин В.Б. Состав опричного двора Ивана Грозного. С. 77.

Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники: 1980 г. В.Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981. С. 236.

Колобков В.А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия. Опричнина Ивана Грозного. СПб., 2004. С. 582–583.

231

Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 136–137. Дворовая тетрадь дает сведения о службе многочисленных представителей рода Вяземских как «литвы дворовой» или дворовых детей боярских (ТКДТ. С. 278–279 (указатель)). У большинства Вяземских титул указан не прямо, а через формулировку «Иван княж Васильев сын Афанасьев Зайцов Вяземского» (Дворовая тетрадь. Л. 112 об.).

Кобрин В.Б. Состав опричного двора Ивана Грозного. С. 32.

Баранов К.В. Указ. соч. С. 131.

Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 305.

235

Рогинский М.Г. Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Русский исторический журнал. Пг., 1922. Кн. 8. С. 35–36. Таким образом, как администратор он серьезно повлиял на состав боевого опричного корпуса.

236

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 225.

Там же. С. 242.

238

Сборник императорского русского исторического общества. СПб., 1892. Т. 71. С. 353. Впрочем, получение окольнического чина Вяземским вызывает некоторые сомнения. Возможно, иностранным послам его просто представили подобным образом, приравняв действительно имевшийся у него «дворовый» чин оружничего к думному чину окольничего.

239

Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 45; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 221.

240

Разряды знают всего два случая его назначения на воеводскую должность в опричнине: четвертым воеводой «на посылку» в осеннем походе 1567 года, свернутом на полпути, а также вторым воеводой в небольшом самостоятельном отряде опричников, развернутом «по вестям» в Дорогобуже зимой 1568/69 года (первым воеводой тогда был кн. А.И. Вяземский-Глухой). Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 225, 242.

Зимин А.А. Состав Боярской думы в XV–XVI веках. С. 74.

Кобрин В.Б. Состав опричного двора Ивана Грозного. С. 33.

Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 229.

Баранов К.В. Указ. соч. С. 131, 133, 136, 140–143.

245

Милюков П.Н. Указ. соч. С. 165, 166, 231, 232, 240. В.Б. Кобрин указал на тот факт, что «…в грамотах короля Сигизмунда он упоминается в 1551 и 1559 гг. как черниговский наместник» (*Кобрин В.Б.* Состав опричного двора Ивана Грозного. С. 33).

246

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 242. До этого, в 1567–1569 гг., он трижды возглавлял отдельные полки во время боевых выходов опричного корпуса на юг, в направлении Калуги и Тулы (Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 221; Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 55, 57).

Или, по другим сведениям, «…умер в посаде Городецком в железных оковах» (*Штаден Г.* Указ. соч. С. 55).

Р.Г.Скрынников справедливо заметил: «С удалением [Аф. И.] Вяземского из опричнины были изгнаны все его многочисленные родственники» (*Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 405). Разряды не знают назначений Вяземских на воеводские посты при Иване IV и по окончании опричнины, в 1572–1584 годах, хотя род их не пресекся.

Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1934. С. 66.

Штаден Г. Указ. соч. С. 55.

251

О кн. Д.И. Хворостинине подробнее см.: *Володихин Д.М.* Воеводы Ивана Грозного. С. 5—33.

252

Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 45; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 221.

253

Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578–1582). СПб., 1889. С. 200. Гейденштейн дал подробное описание походов польского короля Стефана Батория на русские земли.

Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 66, 73, 85.

Там же. С. 74, 83.

Баранов К.В. Указ. соч. С. 132, 134, 136, 138, 139. До полоцкого взятия Иван Петрович участвовал в походах как голова, и только после него (и прежде начала опричнины) князя начали расписывать на второстепенные воеводские посты (*Милюков П.Н.* Указ. соч. С. 202, 223, 225, 242, 243.

257

Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 55, 59; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 262.

258

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 242.

259

Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 69.

260

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 316.

Происходили от князя Михаила Давыдовича Моложского (*Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии… С. 85, 89, 96).

Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 232.

ТКДТ. С. 114; *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 232–233; *Кобрин В.Б.* Состав опричного двора Ивана Грозного. С. 72–73.

264

В марте 1559 г. Василий Андреевич получил чин окольничего, который в опричнине сменил на более высокий – боярский; кроме того, он входил как боярин в думу царевича Ивана Ивановича (*Зимин А.А.* Состав Боярской думы в XV–XVI веках. С. 69; *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 228).

265

Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 69.

Там же. С. 74.

267

Там же. С. 76, 78, 79. Сабуров был казнен в том же году – утоплен в Волхове, но неясно, сыграла ли тут какую-либо роль его тяжба с Сицким.

Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 227.

269

Эскин Ю.М. Местничество в России XVI–XVII вв. М., 1994. С. 199, 225, 245, 255, 256, 262.

270

Разряды называют Василия Андреевича среди жертв несчастливой для русского войска битвы под Венденом в октябре 1578 года. Однако в разрядной книге также приводится грамота, датированная 25 декабря 1578 года, которую Иван IV выдал в пользу Б.Ф. Годунова по результатам его местнической тяжбы с кн. В.А. Сицким. Либо грамота эта поддельная и вставлена в разряд задним числом, либо кн. В.А. Сицкий, получив под Венденом ранение, прожил еще как минимум несколько месяцев и вынужден был испытать позор громкого проигрыша в споре «об отечестве» (Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 161–163).

Кобрин В.Б. Состав опричного двора Ивана Грозного. С. 72.

Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 233.

Милюков П.Н. Указ. соч. С. 181, 207.

Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 89–90.

Там же. С. 93–95, 102.

Там же. С. 122.

Там же. С. 142.

Там же. С. 158–160.

279

Речь идет о выкупе из плена у крымцев.

Послания Ивана Грозного. Послание Василию Грязному // ПЛДР. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 171.

До того у них не было даже тени шанса.

282

Богдан (Андрей) Яковлевич Бельский возвысился уже после опричнины, хотя первые шаги на этом пути проделал в опричные годы. Бельские-опричники не имеют никакого отношения к высокородным князьям Бельским из Гедиминовичей. Эти два семейства не связаны родственными узами.

283

Думных чинов Нащокины при Иване IV до опричнины не достигали.

284

Милюков П.Н. Указ. соч. С. 210, 216, 223. М.А. Безнин записан в «Тысячную книгу» как сын боярский 3-й статьи по Можайску, а в «Дворовую тетрадь», по Можайску же, как дворовый сын боярский (ТКДТ. С. 76, 184).

285

Ниже летописное изложение этого эпизода приводится полностью.

Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 309; Продолжение Александро-Невской летописи // ПСРЛ. Т. 29. С. 316; *Баранов К.В.* Указ. соч. С. 131, 132.

Документов отчетного содержания. В слове «отписка» тогда не находили ничего смешного и отрицательного. Просто один из типов официальной документации.

Так называли тогда официально зафиксированное решение по какому-либо завершенному «делу».

289

Корецкий В.И. Безднинский летописец конца XVI в. из собрания С.О. Долгова // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки имени В.И. Ленина. М., 1977. Т. 38. С. 204–208; *Корецкий В.И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970. С. 275–277; *Володихин Д.М.* Лебедевская летопись о взятии Полоцка войсками Ивана IV в 1563 г. (вопросы атрибуции) // Вестник МГУ. М., 1995. Серия 8. История. № 1. С. 60–61; Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности / Под ред. Д.С. Лихачева. Л., 1991. С. 19–22; *Waugh D.C.* The Unpublished Moscovite Chronicles // Oxford Slavonic Papers. New Series. 1979. Vol. XII. P. 17.

Анхимюк Ю.В. Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 157–158.

291

Точность частных разрядных книг – на совести частных лиц, которые их вели. Исследователи не раз отмечали искажения в их составе.

Анхимюк Ю.В. Указ. соч. С. 165–166.

Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 310.

Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 45; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 221.

295

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 251, 307; *Кобрин В.Б.* Михаил Безнин – опричник, монах, авантюрист // *Кобрин В.Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды. М., 2008. С. 54. Кобрин также считает, что около 1571 года М.А. Безнин был в дядьках у одного из царевичей, скорее всего у Федора Ивановича.

Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 90, 95.

Там же. С. 98, 100.

Там же. С. 177.

Кобрин В.Б. Состав опричного двора Ивана Грозного. С. 52; *Мордовина С.П., Станиславский А.Л.* Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977. С. 181. Кобрин ошибочно назвал другую дату пожалования Безнину чина думного дворянина: 1582 год (*Кобрин В.Б.* Михаил Безнин – опричник, монах, авантюрист. С. 153).

Корецкий В.И. История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. М., 1986. С. 91.

301

Вот описание безнинской реформы В.Б. Кобриным: «По его приказу зажиточным крестьянам были розданы взаймы деньги для приобретения скота. Для взявших деньги был установлен повышенный оброк, такой, что уже на будущий год монастырь возвращал себе почти все деньги, через год получал 100, а впоследствии – ежегодно по 600 руб. чистой прибыли. Недаром крестьяне отнеслись к ссуде без особого восторга; многие отказались ее брать. Даже некоторые «старцы возражали» против принудительного кредитования, боясь, что крестьяне разбегутся. Однако это не остановило предприимчивого монаха. По его приказу крестьянина, не захотевшего взять ссуду… следовало „прислати в монастырь, сковав, к старцу Мисаилу“. Такого крестьянина Мисаил обещал обучить, „как ему житии с тое подмоги“, и… „допытатца“, кто подучил крестьянина отказаться от ссуды» (*Кобрин В.Б.* Михаил Безнин – опричник, монах, авантюрист. С. 154–155).

Там же. С. 155; *Володихин Д.М.* Лебедевская летопись о взятии Полоцка… С. 59–60.

Милюков П.Н. Указ. соч. С. 204, 223, 225, 231, 260; *Баранов К.В.* Указ. соч. С. 128, 131, 132.

Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 54–56, 65; *Кобрин В.Б.* Состав опричного двора Ивана Грозного. С. 51.

305

Алферьев попал в команду бывших опричников, участвовавших в успешном штурме Пайды (январь 1573 года), а именно в атаке на «пролом». На закате карьеры, в июле 1585 года, он должен был припомнить ремесло военного, получив назначение вторым воеводой Ладогу, что было для Романа Васильевича к тому времени явным понижением, а не успехом (Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 90, 210–211).

По европейским понятиям, своего рода канцлера.

307

То же самое, как уже говорилось, произошло в царствование Федора Ивановича и с Безниным, и с другими опричными выдвиженцами Ивана Грозного.

Отчасти они объясняются враждебным отношением со стороны могущественных Шуйских, отчасти же возвращением политического влияния высшей служилой знати, что само по себе перечеркивало высокий статус худородных креатур Ивана IV. Впрочем, опалу, возложенную на Алферьева, объясняют также тем, что он находился в родственной связи с Нагими, коих опасался невенчанный правитель России Борис Годунов (*Корецкий В.И.* История русского летописания… С. 98; *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 38).

309

Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 216, 248–250.

Эскин Ю.М. Указ. соч. С. 211, 213. Кстати, такая же картина просматривается и в карьере кн. Д.И. Хворостинина, о котором речь шла выше, с той лишь разницей, что уровень его притязаний в военной иерархии был выше, чем у Безнина с Алферьевым.

311

Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 191.

312

Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950. С. 194.

Следуя, вероятно, за В.О. Ключевским и С.Ф. Платоновым, также допустившими эту ошибку.

Садиков П.А. Указ. соч. С. 48, 111.

Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 202.

Кобрин В.Б. Состав опричного двора Ивана Грозного. С. 24.

Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 435.

Там же. С. 377.

Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. С. 367.

Есть сведения, согласно которым Малюта Скуратов был женат на сестре князя Аф. И. Вяземского и, следовательно, в ранний период опричнины мог получить от него родственную поддержку. Но сведения эти сомнительны.

Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 202.

322

Известно, что в Торжке отряд Малюты занялся уничтожением пленных татар, сидевших в местной тюрьме. Те оказали сопротивление, и, кажется, сам Малюта получил рану. Тогда были вызваны стрельцы, открывшие огонь по татарам. Возможно, именно этот эпизод и отражен в синодиках.

Рогинский М.Г. Указ. соч. С. 38–39.

Володихин Д.М. Иван Грозный: Бич Божий. М., 2006. С. 152–153.

Штаден Г. Указ. соч. С. 45, 55.

Штаден имеет в виду Волоколамский кремль, который отряды вторжения, по его мнению, должны будут захватить прежде монастыря.

Штаден Г. Указ. соч. С. 30–31.

Там же. С. 107–108.

Кобрин В.Б. Состав опричного двора Ивана Грозного. С. 23–24.

330

Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 67–68.

Там же. С. 81.

Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 460.

333

Еще одним признаком возвышения Григория Лукьяновича служит его пребывание на свадьбе Ивана IV и Марфы Собакиной (октябрь 1571 г.) в качестве «царицыны дружки» (Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 286).

Шлихтинг А. Указ. соч. С. 46–47.

Володихин Д.М. Воеводы Ивана Грозного. С. 106–112.

Кобрин В.Б. Состав опричного двора Ивана Грозного. С. 23.

Флетчер Дж. Указ. соч. С. 44.

Там же. С. 82.

339

М а г н у с – вассал Ивана Грозного.

Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 90.

341

В 1560 году Пайду осаждал большой корпус кн. И.Ф. Мстиславского, была разрушена часть стены, но крепость взять не удалось: гарнизон продолжал оказывать упорное сопротивление.

342

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 324.

Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 203.

40 рублей ежегодно.

Например, Богдан Яковлевич Бельский, большой фаворит Ивана IV, окольничий при Борисе Федоровиче и боярин при Лжедмитрии I.

Еще пять персон остается под вопросом.

Володихин Д.М. Иван Грозный: Бич Божий. С. 89–91.

В список не вошли боевые операции, в которых опричники участвовали во второй половине 1571 и 1572 году. В этот период действовало смешанное оприч-но-земское командование и не прослеживается никаких признаков существования самостоятельной военной структуры в опричнине. Не вошли сюда также карательные походы, так как их нельзя отнести к военным операциям.